

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XVI Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ**

Материалы научно-практической конференции

Красноярск, 23–24 апреля 2015 г.

КРАСНОЯРСК
2015

ББК 74.00+87+60.5
М 754

Редакционная коллегия:

Е.Н. Викторук (отв. ред.)

Н.И. Глухих

Н.И. Мартишина

В.В. Минеев

А.С. Черняева

М 754 Молодежь и наука XXI века: XVI Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Актуальные проблемы философии и социологии: материалы научно-практической конференции. Красноярск, 23–24 апреля 2015 г. / отв. ред. Е.Н. Викторук; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-85981-896-9

В сборник вошли статьи студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых, посвященные актуальным проблемам истории философии, социологии и социальной философии. Представлены современные типы философской рефлексии над процессами развития различных сфер общества.

ББК 74.00+87+60.5

ISBN 978-5-85981-896-9

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Н.И. Лобанова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Субъект, «чистое сознание», самоидентификации, самоопределение, свобода, личность.

В статье обсуждается проблема поиска самоидентификаций и решения, предложенные философами Нового времени. Автора интересует вопрос: являются ли самоидентификации необходимым (единственно возможным) выражением личности индивида, или же то, что впоследствии будет называться личностью и индивидуальностью, может существовать до и помимо усвоенных идентификаций.

TO THE QUESTION OF IDENTIFICATIONS

N.I. Lobanova

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Subject, «pure consciousness», identification, self-determination, freedom and personality.

This paper discusses the problem of searching for identification and solutions offered by modern philosophy. Author interested in the question: whether identifications are the necessary expression of the personality, or what was to be called the personality and individuality can exist out of identifications.

«Время перемен» – так можно обозначить эпоху, в которую мы живем, а именно: конец XX – начало XXI вв.; это время, когда в результате процессов глобализации увеличивается политическая, культурная трансформация, что, в свою очередь, сопровождается интенсивной социальной и географической мобильностью. Отсюда – постоянный поиск самоопределений (или перераспределение самоидентификаций), смены одного Я-образа другим. (Вот уж воистину: «все течет, все изменя-

ется»! Интересно, что сказал бы Гераклит, живи он в нашу эпоху? Какие новые иллюстрации (и смыслы) обнаружил бы в нашей повседневности?)

Однако весь этот карнавал идентификаций заставляет вспомнить другой вопрос, на первый взгляд не имеющий непосредственного отношения к нашей теме: «Почему предмет предстает в сознании субъекта таким, а не иным образом?» [4, с. 300]. Этот вопрос, помещенный в условия нашей реальности (некоторые черты которой были отмечены выше), позволяет сделать совершенно неожиданные выводы.

Для начала спросим: о чем этот вопрос? – О том, что (скрыто или явно) определяет позицию субъекта (и – как итог – его видение, «угол зрения»). Ставя вопрос подобным образом, мы пытаемся вскрыть, что заставляет субъекта смотреть – и видеть – мир таким, а не иным, выстраивать к нему такое отношение, а не другое. Однако здесь есть еще один момент, который мы чуть не упустили: мы говорим об условиях видения (о том, что их задает), о том, что определяет зрение и мировоззрение субъекта, когда он пытается судить о том или ином предмете, факте, явлении этого мира. Но как он (субъект) видит себя сам? Действуют ли эти (заданные) условия, когда дело касается его самого? То есть эти условия (внешние по отношению к субъекту) определяют только видение им объектов внешнего мира (определяют его восприятие реальности), или же они определяют и задают видение и восприятие им самого себя?

Если последнее предположение верно, тогда в этом вопросе открывается новый (еще один) подвопрос (смысл): почему я такой, а не другой? Что определяет, что я именно такой, а не иной? И что было бы, если бы я был не я, а совсем другой человек, например, мой сосед? (как размышляет героиня пьесы А. Володина «Старшая сестра»: «Я помню, как я ходила по улицам, смотрела на окна и пыталась вообразить: что, если б я жила здесь? Какая бы я была? Вокруг меня уже другие люди, из окна видно другую улицу, другие дома, другие деревья, я сама другая, у меня все другое...» [3]).

Что влияет на то, что я именно такой, а не иной? – Национальность, место рождения, год рождения (принадлежность к поколению), социальное положение и окружение и т. п. А если бы

я родился в Америке или в Аравии? Каким бы я был? Тем же самым или другим? Был бы я самим собой, то есть тем, каким я себя сейчас знаю? Такими же были бы мои убеждения, верования? Такими же были бы мои ответы на общечеловеческие вопросы, мое видение, решение общих проблем?

Однажды математик Эйлер сказал: «То, что я делаю сейчас, в ту минуту, когда пишу это письмо, я бы делал даже находясь в теле носорога» [2] (то есть я был бы таким же и занимался бы тем же самым – математикой – «даже находясь в теле носорога»).

Своим парадоксальным (если не сказать «провокационным») высказыванием Эйлер ставит вопрос, проблему: неужели то, что я считаю своим призванием, смыслом жизни и т. п. – все это зависит от случайностей моего рождения и воспитания, и изменись хотя бы одно из множества обуславливающих меня условий – и я был бы не я, а кто-то другой? Неужели, кроме случайно совпавших условий моего существования, внутри меня нет ничего – никакого закона бытия, который бы обуславливал независимую постоянность моего Образа, мою аутентичность, тождественность меня не своим многочисленным заимствованным у общества культурным, социальным и прочим идентификациям – а самому себе? И где тот я сам (настоящий, подлинный – то, что раньше называлось сутью), который не распадается на сумму идентификаций и ими не исчерпывается? (Иначе говоря: как я есть «я сам»? Уточнение необходимо, ведь, по меткому замечанию В.В. Биbihина: «Есть большая разница между “я сделал” и “я сам сделал”, потому что я бываю и не я сам» [1]).

К счастью, в философии есть слово, которое может прийти нам на помощь, чтобы мы не запутались в обозначениях самого себя; мы имеем в виду термин «чистое сознание».

«Чистое сознание» – понятие классической философии, обозначающее то пространство, где истина и свобода совпадают, где индивид не зависит ни от чего, кроме самого себя (ни от чего вне самого себя).

Субъекта классической философии (носителя «чистого сознания») часто упрекали в нежизнеспособности, критиковали за то, что это субъект без родины, без пола, без возраста, без социального положения и национальности. В жизни так не бывает, значит,

субъект, описанный классической философией, может существовать лишь в головах самих философов. В реальности же нет ни одного существа, которое бы отвечало всем этим параметрам.

Что если попытка создания субъекта («чистого сознания») классической философией – это попытка возвращения к своему началу – к тому, из чего, по преданию, Бог создал человека? Согласно библейской легенде, Бог создал человека из ничего (ровным счетом так же, как создан и субъект классической философии со своим «чистым сознанием»). А из чего создан современный (социальный) человек? – Из своих идентификаций.

А.М. Пятигорский, размышляя о пространстве философии, однажды сказал: «Освоенное, заприходованное место не может быть местом философии. Если это освоенное, заприходованное место – уходи отсюда. В этом месте никто не живет. Там только воздух – и ничего, кроме воздуха. Там можно дышать холодным, чистым воздухом твоей свободы. А так, чтобы одновременно родина, семья, язык, мир...».

Но ведь это не только о философе сказано: здесь определены условия существования человека как такового – существа, возникающего впервые в бытии – не существующего сначала в биологии, потом в социальности, а вечно подвешенного в творческой возможности быть: становлении (превращении) из ничего в нечто.

Философов классической эпохи часто укоряли за то, что они выдумали человека, которого нет, гомункулуса из пробирки; и не заметили, что реальный человек, реальный субъект, оказывается настолько вписан в систему связей и зависимостей, что эта система сильно смахивает на опутывающие цепи и всю вторую половину XIX и весь XX вв. философы и социологи только и занимались тем, что открывали все новые и новые зависимости – в реальном – социальном, экзистенциальном – положении человека и, казалось, не уставая, критиковали всех тех классических философов, которые жили в своем выдуманном мире и не замечали существования этих зависимостей.

Зависимое положение человека (или человек, созданный этими зависимостями) становилось объектом все более пристального внимания все большего числа философов и социологов, это сопровождалось тайной надеждой, что, узнав о своих зависимо-

стях, человек станет свободнее. Одно дело – кукла, не знающая о кукловоде, и совсем другое – кукла, которая знает о том, что ее дергают за веревочки и даже может указать, за какие именно. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Но на деле ни та, ни другая не являются свободными, просто жизнь первой безмятежнее (благодаря спасительной иллюзии самостоятельности), чем жизнь второй.

Что если попытка классической философии создать образ субъекта без пола, возраста, национальности и т. п. – это попытка перерасти, преодолеть ограничения, зависимости, накладываемые этими внешними (а значит, случайными по отношению к самому человеку) факторами?

Создание понятия «чистого сознания» явилось попыткой решить проблему достижения свободы и подлинной идентичности, истинного (истинности своего) Я, в противовес Я ложному, случайному и зависимому от пола, возраста и прочих внешних факторов.

Открытия философов XIX–XX вв., обнаружившие (обнажившие) зависимости человека, не только не нивелировали, сделали ненужными необходимость размышления и решения проблем, оставленных в наследство классической философией (например, таких как проблема достижения подлинной свободы, подлинной идентичности, то есть истинна ли моя жизнь сама по себе вне перечисленных выше зависимостей, или же вне этих зависимостей для меня нет не только истины и жизни – меня самого нет, а то, что есть – создано комбинацией этих зависимостей; есть ли во мне другая точка опоры, кроме них?), эти открытия показали иллюзорность нашего снисходительно-бездумного отношения к этим решениям как идеалистическим, недалновидным, не связанным с настоящей жизнью и реальностью.

Самонадеянно полагать, что до открытий Маркса, Фрейда и т. п. философы не замечали относительность человеческого поведения, определяемого социальной структурой того общества, где он живет, семейным воспитанием и т. п. Сам термин «чистое сознание» свидетельствует о том, что философы прекрасно понимали, что обычному сознанию присущи разного рода заблуждения, зависимости, «идолы». Однако не они были предметом

(и целью) их поисков, а нечто прямо противоположное: возможность достижения иной точки отсчета, по отношению к которой понятия «истина», «подлинность», «аутентичность», «свобода» и т. д. имели бы не относительный смысл и звучание.

Библиографический список

1. Бибихин В.В. Новый ренессанс // Библиотека – учебные материалы. URL: http://bib.convdocs.org/docs/32/31453/conv_1/file1.pdf (дата обращения: 02.06.2014).
2. Вейнингер О. Пол и характер // Электронная библиотека ModernLib.ru. URL: http://modernlib.ru/books/veyninger_otto/pol_i_harakter/read (дата обращения: 02.06.2014).
3. Володин А. Старшая сестра // Театральная библиотека Сергея Ефимова. URL: http://www.theatre-library.ru/files/v/volodin/volodin_6.html (дата обращения: 02.06.2014).
4. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И МЕРТВЫЙ СОКРАТ

Ж. Мамедова

Карлов университет в Праге

Религия, философия, Средние века, развитие, Античность.

Статья анализирует специфику средневековой философии, ее проблематику и отличие от античной философии и философии Нового времени. Мы также пытаемся понять, почему средневековая философия не может называться философией в традиционном смысле этого слова. В статье рассматриваются ключевые проблемы средневековой философии, их источники и отличие от классической философской проблематики.

MIDDLE AGES AND DEAD SOCRATES

Zh. Mamedova

Charles University in Prague

Religion, philosophy, Middle Ages, development, Antiquity.

The article analyses specifics of medieval philosophy, its problematics and difference from the antic philosophy and philosophy of New Time. We also try to understand why medieval philosophy cannot be called «philosophy» in traditional meaning. The article is looking for key problems of medieval philosophy, their issues and difference from classical philosophical problems.

В советско-российской историко-философской традиции не принято выделять период Средних веков как значительный в смысле обогащения философии новыми идеями или методами, в отличие, например, от предшествующей Античности или последующей эпохи Возрождения. Нам, и полагаем, мы в этом не одиноки, подобный взгляд всегда казался не более чем наследием материализма с его односторонним и всегда негативным отношением к религии в целом и церкви в частности. Автор, будучи материалистом, все же не берется судить, насколько правы или неправы были его сторонники в отношении вещей нематериальных. Однако, посвятив пять лет изучению европейской средневековой философии в одном из центров ее развития – Карловом университете, все же вынуждены отметить, что вклад средневековых мыслителей в философию в понимании, привычном нам с Античности, минимален.

На самом деле, начать, конечно, следовало с периодизации философии. Всем известная схема Античность – Средневековье – Возрождение – Новое время все еще работает, но с оговорками, и Средневековье в этом смысле, очевидно, самое спорное. Действительно, где заканчивается Античность? Святой Августин – это еще Антика или уже Средневековье? А Плотин, фактически построивший основу для развития христианства в Европе? А греческие Отцы Церкви, каппадокийцы, годы жизни которых выпадают на IV в. нашей эры, но учение представляет собой восточное христианство с робкими попытками защитить некоторых языческих авторов? Не проще и с верхними границами: поздняя схоластика, Скот и Оккам – вполне ли они средневековы? И где грань между христианским и гуманистическим в творчестве Кузанского? Отдельная тема – это средневековая арабская философия, которая ни хронологически, ни географически, ни культурологически не вписывается в понятие средневековой философии, тем не менее номинально ею являясь.

Однако, чтобы не усложнять и без того непростую задачу, остановимся на европейском Средневековье, вернее, западноевропейском, минуя Византию и православие, поскольку этот феномен требует отдельного, глубокого и профессионального исследования.

Итак, традиционно описание европейской средневековой философии начинают римлянами Августином Блаженным и Григорием Великим и заканчивают англичанином, дожившим до середины XIV века, Уильямом Оккамом. Между ними располагается целая плеяда известных и не очень Отцов Церкви (в основном византийцев) и схоластов, среди которых Тертуллиан, (Псевдо-) Дионисий Ареопагит (был представителем восточной традиции, но оказал огромное влияние на средневековый запад), Боэций, Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр, Альберт Великий, Фома Аквинский, Дунс Скот и др. Цель настоящего очерка – понять, что каждый из этих персонажей, представляющих средневековую европейскую мысль, сделал для решения классических философских проблем и для ответов на вопросы, поставленных еще в Античности и продолжающих мучать философов всю классическую философию и по сей день.

Но прежде чем начать изучение ответов средневековых авторов, необходимо вспомнить сами вопросы. Какими вопросами задавался Сократ, а вслед за ним и его ученики Платон и Аристотель?

Во-первых, их волновали проблемы этики. Что есть справедливость, добродетель, порок? Рассуждения на эту тему встречаются во многих диалогах Платона («Горгий», «Гээтет», «Федон», «Протагор»), ей же посвящены этики Аристотеля («Никомахова этика», «Большая этика»). Эти проблемы унаследовала и позднеантичная философия в лице киников, эпикурейцев и стоиков. Они же не давали покоя философам и более тысячи лет спустя, чему самым ярким подтверждением всегда останется И. Кант с его практической философией и моральным императивом.

Волновала ли этика средневековых авторов? Едва ли. Разве что в контексте религиозного послушания и свободы воли. А. Гусейнов пишет в своей «Краткой истории этики»: *«Античная этика считала естественным и законным, что человек стремится к счастью; она искала моральные средства, которые наиболее адекватны этому стремлению. Средневеково-религиозная этика исходит из предпосылки (в отличие от античного эвдемонизма это уже была не самоочевидная установка общественного сознания, а общеобязательное, доктринальное, записанное в «священных» книгах положение), что цели человека заключены в боге, и создает*

соответствующий идеал моральной личности. Патристическая этика очень выпукло, более определенно, чем позднее схоластическая этика развившегося феодализма, выявила как раз эту противоположность между средневековым этическим идеалом и моральными образцами античности»¹. Этот короткий пассаж очень емко описывает содержание и смысл этики для средневековых авторов: нравственная добродетель, все моральные качества отныне принадлежат не человеку, а богу, как позднее скажет Л. Фейербах, отчуждены, все лучшее в человеке, что ранее было неотъемлемой частью его личности и свободной воли, отныне не о человеке, но о недостижимом и недоступном пониманию боге.

Августин, еще наполовину человек Антики и совсем недавно язычник, стал одним из первых, кто отождествил мораль с богом. Он делает это весьма осторожно, лишь описывая бога как абсолютное добро и не отказывая человеку в свободной воле. В трактате «О свободе воли» Августин пытается доказать, что всемогущество бога не ограничивает свободную волю человека, что даже провидение не отменяет свободу. Однако эта красивая и еще немного антично-гуманистическая попытка оставить человека субъектом этики, принимающим нравственные решения, не удастся, скатываясь в утверждение о том, что человек волен желать и в этом свободен, а подаренная ему богом свобода воли лишь инструмент, с помощью которого, он должен исполнять волю бога, не делая же этого, становится грешником и в наказание свободы воли лишается.

Тертуллиан, ярый борец с философией и ее языческим наследием, в «Трактате о стыдливости» выделяет семь смертных грехов: убийство, идолопоклонничество, обман, вероотступничество, богохульство, прелюбодеяние и разврат². Интересно в этой связи вспомнить список пороков Аристотеля, которые сам он называл «избытками» и «недостатками» тех или иных качеств, среди них страх, распущенность, мотовство и скупость, мелочность и безвкусная пышность, спесь и приниженность, гневливость, подхалимство и вздорность, хвастовство и притворство, а также шутовство и неотесанность³. Конечно, «грех» и «отсут-

¹ Гусейнов А., Иррилиц Г. Краткая история этики.

² Tertullianus. Depudicitia.

³ Аристотель. Никомахова этика.

ствие добродетели» – понятия едва ли сопоставимые, но интересна сама тенденция: насколько Аристотель и вместе с ним вся античная этика сконцентрированы на описании качеств личности и насколько Тертуллиана и средневековый морализм волнуют т.н. преступления против религии: идолопоклонничество, веротступничество, богохульство. О самом человеке здесь лишь два пункта: убийство и обман.

Тема отчуждения добродетели и свободы особенно ярко прослеживается в текстах Ансельма Кентерберийского. Оставляя бога единственным источником всего благого, он объективирует свободную волю, делает ее независимой от индивида силой, сводя ее функцию к тому, чтобы «хотеть того, что должно хотеть, а именно справедливости»⁴.

Здесь, наконец, впервые со времен Античности, всерьез встает вопрос о справедливости. Ансельм интерпретирует это понятие по-своему, определяя справедливость как изначальное и неотъемлемое свойство свободной воли, которое состоит в требовании желать то, что бог установил нам желать. Таким образом, свобода воли объективируется и больше не принадлежит человеку, а справедливость, одна из ключевых категорий этики, превращается в принципиально непостижимое божественное установление.

Немного отличается от общей средневековой тенденции видение П. Абеляра и Ф. Аквинского. Первый открыто наделяет человека настоящей свободой воли и способностью выносить моральные суждения и руководствоваться ими, второй же, поставив себе цель совместить христианскую этику с учением Аристотеля, вынужден считаться с аргументами античного философа. И если Абеляр, в отличие от большинства средневековых авторов, субъективирует мораль, придает большое значение сознательности человека и его выбору и отрицает необходимость божественной благодати для совершения добра, то Фома, напротив, пытается подогнать этику Аристотеля под христианскую догматику, совершая тем самым причудливый на первый взгляд синтез веры и логики.

Однако такой синтез станет совершенно естественным для поздней схоластики, ярким представителем которой являет-

⁴ Гусейнов А., Иррлиц Г. Краткая история этики.

ся Дунс Скот. Несмотря на небольшой шаг вперед, сделанный Скотом в эмансипации человеческой воли (у Скота воля свободна и индетерминирована, ее желания и мотивы – исключительно внутренние), все же он остается у классического средневекового постулата о боге как источнике всех нравственных норм: «всенебожественное является благом потому только, что этого захотел бог, но не наоборот, что бог захотел этого, потому что оно есть благо»⁵.

Нужно отметить, что приведенные выше авторы были немногими в Средние века, кого вообще интересовала проблема этики вне Священного Писания и которые делали попытку самостоятельной рефлексии на эту тему. Большинство же оставляло этические проблемы за рамками своего философствования, т.к. мораль отождествлялась с религией, а все, что необходимо знать о ней, уже содержится в заповедях.

Следующая за этикой традиционно философская тема носит метафизический характер и в общих чертах сводится к вопросу «Как возник наш мир и по каким законам он существует?». Этот вопрос задавался еще до Сократа, свой ответ на него давали древние натурфилософы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Демокрит и др.), оставался он актуальным и во времена Платона («Тимей», «Парменид») и Аристотеля («Метафизика»). На него же искали ответ Декарт («Рассуждения о методе», «Размышления о первой философии»), Лейбниц («Рассуждения о метафизике», «Монадология»), Гегель («Феноменология духа») и др.

Что предлагают на эту тему средневековые авторы? Во-первых, они не отличаются разнообразием мнений: ответ на вопрос «Как возник мир?» очевиден и не требует обсуждений. В самом начале Августин еще довольно робко пытается доказать верность иудейско-христианской версии, позднее в этом уже нет необходимости. Фома в доказательствах бытия бога использует аристотелевскую метафизику, но не для того, чтобы доказать бытие бога (это уже почти тысячу лет было излишним), а скорее для того, чтобы продемонстрировать, что Аристотель не такой уж опасный язычник, а его метод вполне может быть использован в це-

⁵ Ueberweg F. Grundriss der Geschichte der Philosophie.

лях христианства. Наиболее интересным с точки зрения онтологии может показаться позднесредневековый спор об универсалиях, но и он в итоге сводился к способу веры в бога и пониманию его компетенции.

Вся западная философия, от досократиков-натуралистов до наших современников, искала ответ на вопрос о происхождении и устройстве мира, предлагала разнообразные версии, опровергала саму себя и снова строила гипотезы. И целая тысяча лет была потрачена не на поиск ответа, а на обсуждение и доказательство того, что утверждалось не просто правильным, но единственно возможным ответом на этот вопрос. Вообще-то, это можно было объявить концом философии, фактически им оно и было, ведь если ответ на главный вопрос найден, философия больше ни к чему. В этом смысле последовавшее за Средневековьем Возрождение было не просто возрождением античной культуры и гуманизма, как принято считать, но возрождением самой философии: снова появились вопросы, снова искались ответы. В Средние века не было и не могло быть философии, поскольку все ответы были известны, а вопросы исчерпались.

На этом можно было бы закончить, но есть еще одна очень важная сфера философии, к которой средневековые авторы также не проявили интереса – это философия общества и государства. Будет лишним упоминать, насколько значительной она казалась как Платону («Государство», «Законы») и Аристотелю («Политика»), так и более поздним философам (Гоббс, Локк, Руссо, Гегель и др.).

За тысячу лет Средневековья тема общества, власти, государства, социальных и экономических отношений поднималась всего несколько раз. Первым традиционно был Августин, одним названием «О граде Божием» настроивший ряд читателей на социально-политический лад. Однако сам текст, как и следовало ожидать, был посвящен христианству и его преимуществам перед язычеством, и всего несколько слов было сказано о добродетелях христианского правителя.

Фома Аквинский, помимо своей знаменитой классификации законов, является автором и менее известного текста – очер-

ка «О правлении государей», в котором Фома приводит доводы в пользу монархии и замечания о том, как избежать тирании. Нужно отметить, что Фома Аквинский был одним из немногих средневековых авторов, кого действительно интересовали вопросы правления, закона и правосудия, при этом, разумеется, все его суждения согласованы с основными положениями христианства и обосновываются выдержками из Писания.

Чуть более политически заинтересованными были выходцы из позднесредневековой Англии, а именно известный У. Оккам и менее известный Дж. Виклеф. Обоих интересовали преимущественно отношения между светской и церковной властью, оба отрицали абсолютную власть Папы Римского и признавали независимость светских правителей от церкви. Также У. Оккама интересовали вопросы естественного права и взаимосвязь владения и пользования. Дж. Виклеф, несмотря на свой антиклерикализм, оставался теологом и священником, утверждал верховенство бога над всеми земными правителями, которых считал его слугами, и стал первым голосом грядущей реформации.

Менее известные представители средневековой социально-политической мысли, такие как Джон Парижский, Марсилиус Падуанский, Иоанн Жерсон, Филипп де Мезьер и др., более всего интересовались истоками и свойствами тирании, отношениями церкви и правительств и ведением войн. Примечательно то, как много каждый из нас знает об Августине, Фоме, Дунсе Скоте и Ансельме, и едва ли многие (кроме узких специалистов) слышали о Филиппе де Мезьере или Иоанне Жерсоне, хотя именно последние посвятили себя тому, что отдаленно напоминает одну из традиционных сфер философии. Именно этот факт громче всего свидетельствует о том, чем занималась и чем не занималась средневековая философия, и была ли она философией.

Возможно, выдвинутые здесь критерии «философичности» спорные, и на самом деле философия значительно шире и включает проблему бога, религии, веры и церкви. Не исключено. Однако, на наш взгляд, все эти темы должны быть частью чего-то большего, элементами более сложной системы, частями более всеохватывающей концепции, этапами на пути к истине, а не кон-

цом всех размышлений. Нефилософствующая философия, главной проблемой которой становится тема троичности и единства бога или степени грешности человека, не задающая вопросов и не ищущая ответов, не может называться философией. А мыслитель, сознательно установивший себе границу познания и сферу, за пределы которой он никогда даже не попытается выйти, не философ. Именно поэтому согласимся с теми, кто утверждает, что в Средние века не было философии. Было бесконечное оттачивание метода, унаследованного от Античности и доведенного схоластикой до совершенства, но не было цели, для достижения которой этот метод мог бы быть применен. Это был тысячелетний сон философии, едва не уничтоживший все достижения предшествующей эпохи, сведший их к упражнению в ученой словесности. Виной ли тому христианство или политико-экономическая обстановка – тема другой работы. Нам просто очень повезло, что Сократ остался жив.

Библиографический список

1. Августин. О граде Божием.
2. Августин. О свободе воли.
3. Аквинский Фома. О правлении государей.
4. Кант И. Критика практического разума.
5. Кентерберийский Ансельм. О свободной воле.
6. Фейербах Л. Сущность христианства.
7. Boreczky E., John Wyclif's Discourse on dominium in community.
8. deLibera A. *Středověká filosofie*. Praha: Oikúmené, 2001.
9. *Fidesquaerensintellectum*. Praha: Kalich, 1990.
10. Wyclif J. Political Philosophy // Stanford Encyclopedia of Philosophy.
11. Kobusch Th., *Filosofievrcholnéhostředověku*. Praha: Oikúmené, 2013.
12. Pieper J. *Scholastika*. Praha: Vyšehrad, 1991.
13. St. Thomas Aquinas on politics and ethics edited by Paul E. Sigmund.
14. Svoboda. *MetafyzickémyšleníTomášeAkvinského*. Praha: Krystal OP, 2012.
15. *Textykestudiiudějinstředověkéfilosofie* / ed. S. Sousedík, Karolinum. Praha, 1994.
16. The Cambridge History of Medieval Philosophy, J.H. Burns.
17. Thomas Aquinas, On Law, Morality and Politic edited by William P. Baumgarth and Richard J. Regan.
18. Wyclif J., DeCiviliDominio.

ФИЛОСОФИЯ СТРАХА

**Н. Белова, Е. Романович,
Н.И. Мартишина**

Сибирский государственный университет путей сообщения

Страхи, фобии, экзистенциалы, уровень тревожности, групповые эффекты.

Рассматривается страх как один из важнейших экзистенциалов человеческой жизни, с давних времен служивший темой для философских размышлений; различные варианты классификации страхов. Приведены данные исследования страхов и тревог современных студентов.

PHILOSOPHY OF FEAR

**N.A. Belova, E.V. Romanovich,
N.I. Martishina**

Siberian Transport University

Fears, phobias, existential, anxiety, group effects.

The fear as one of the most important existentials of human life since ancient times was a subject for philosophical reflection. Different variants of classification of fears are considered. The data about the fears and anxieties of modern students are given.

Экзистенциалы – это важнейшие ценностные ориентации, связанные с существованием человека. Каждому человеку приходится осознать присутствие в жизни таких вещей, как смерть, любовь, страдания, борьба, жестокость, враждебность, и определить свое отношение к ним. По сути, экзистенциалом является и страх. Со страхом так или иначе сталкивается каждый человек, и бесстрашных людей практически не бывает.

Биологически осмысленный (адекватный) страх выполняет в жизни защитную и адаптивную функции. Однако следует отметить, что страхи могут и не иметь данных позитивных функций, и тогда они становятся сигналами личностного неблагополучия.

Кроме биологической, страх имеет и социальную природу. В процессе социализации детей целенаправленно обучают бояться некоторых вещей (например, незнакомцев). Социальный и технический прогресс порождает новые страхи, о которых древние

люди даже не слышали (например, страх безработицы или боязнь полета). Феноменом нашего времени является катастрофическое сознание – страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа. Существует и большое количество внушенных страхов, обусловленных личностной тревожностью в сочетании с контролируемыми формами социализации страхов. Страх порой вселяют в целые группы, народы, страны; страх часто используют при осуществлении власти.

Страх необходимо изучать, так как это позволяет выявить основные причины страха, его формы и в итоге предопределить тот или иной страх, от каких страхов можно избавиться. Мы выбрали эту тему, потому что нам интересно изучение страха, мы хотим понять, почему он возникает, как с ним справиться и нужно ли это, как им управлять. Всем знаком страх на жизненном опыте, и мы стремимся узнать, какие возможности создают научные подходы к его изучению.

Тема страха не раз возникала в философских учениях. Еще Эпикур говорил о том, что для счастливой жизни необходимо избавиться от страхов. Он рассматривал два главных страха – перед смертью и перед богами – и показал, что оба они не оправданы. Со смертью мы никогда не встретимся, потому что пока мы есть – ее нет, а когда она придет – нас не будет. Боги же далеко, и им нет никакого дела для человеческих поступков.

С. Кьеркегор посвятил страху работу «Страх и трепет», где описывается двойственное отношение страха. Для С. Кьеркегора страх – это психологическая стадия, предшествующая греху. Страх описывается Кьеркегором как страх бездуховности, диалектическая определенность, ведущая к понятию судьбы, и диалектическая определенность, ведущая к понятию вины. При этом, согласно Кьеркегору, человек, желающий сделать в жизни что-то свое, самореализоваться, должен в какой-то момент перешагнуть через свой страх.

В отечественной философии страх специально анализировал В.А. Андрусенко. Он характеризовал страх как реакцию на потенциальную или реальную угрозу.

В основе каждого вида страха лежат испуг и, как его следствие, тревожность. Выделяются два вида тревожности: эндоген-

ная тревожность, или собственно тревожность, развитие которой приводит к различным видам индивидуальных или массовых неврозов, и экзогенная тревожность, или страх, в результате действия которого возникают индивидуальные или массовые паники.

Можно выделить разнообразные виды страхов в зависимости от выбранного основания для классификации.

Простейшую классификацию страхов предложил З. Фрейд, который разделил их всего на два вида: реальные и невротические. Реальный страх – вполне понятный, он является реакцией на появление внешней опасности. Невротический – уже проявление болезни (сюда же можно включить фобии). Этой классификации следуют многие ученые. Б. Дж. Сэдок и Г.И. Каплан делят страхи на конструктивные, т. е. те, которые представляют собой защитный механизм, помогающий приспособлению к экстремальной ситуации, и патологические (неадекватные) страхи.

Многие объекты с точки зрения этой классификации носят пограничный характер. Например, их объекты не представляют реальной опасности, но можно рационально объяснить их историческое происхождение. Так, мыши и тараканы – переносчики опасных инфекций, которые в прошлом губили целые города, а многие пауки и змеи имеют в арсенале опасные яды и т. д. Страх пауков, с одной стороны, оправдан, т. к. существуют ядовитые пауки, но с другой – шансы встретить, например, каракурта в России ничтожны, а некоторые люди боятся даже совершенно безобидных пауков. В большинстве случаев люди опасаются не конкретного насекомого, животного, а образа, который они сами нарисовали в своем сознании. Примерами сочетания реального и невротического страха являются страх общения, публичных выступлений, построения отношений, знакомств вообще: конечно, тут возможны определенные негативные переживания, но в большинстве случаев ничего реально угрожающего человеку произойти не может.

Можно разграничить также свободный и предметный страх. Свободный страх не определен и может быть приложенным к практически любому предмету, существу, объекту или ситуации. Это так называемый беспредметный, или безобъектный, страх. При этом виде страха возможны частая смена объектов страха или большое накопление объектов для опасений. Вторая

форма, наоборот, четко и тесно связана с определенным объектом или ситуацией: укусила собака – человек запомнил это на всю жизнь и к собакам не подходит.

Можно разделить страхи на редкие и популярные. Боязнь закрытого пространства (клаустрофобия) и открытого (агорафобия), высоты (акрофобия), страх перед туннелями, лифтами, толпой, полями и площадями, которые надо пересечь, принадлежит к числу самых распространенных. Самые редкие и странные или оригинальные, если можно так выразиться, фобии: пеладобия – боязнь лысых, гиппопотомомонстросесквипедалиофобия – боязнь длинных слов, боязнь того, что никогда не будет звонить мобильный – номофобия, магейрокофобия – боязнь готовить еду, евпофобия – услышать хорошую новость, боязнь гниющей материи – сеплофобия, кур – алекторофобия, смеха – гелофобия, театров – театрофобия, пить – дипсофобия, папафобия – боязнь Папы Римского, циклофобия – боязнь велосипедистов, двухколесного транспорта, боязнь клоунов – кулрофобия.

Примерно одинаковые страхи появляются примерно в одном и том же возрасте у всех, а будет «награжден» человек определенным страхом или нет, перерастет ли он в фобию – зависит от самой личности, социального окружения, воспитания и т. д. Но и фобии фактически довольно обычны и затрагивают около 10 % населения.

Мы провели опрос, направленный на выявление жизненных страхов и их проявление у студентов. В нашем исследовании обнаружилось, что низкой реактивной тревожностью обладает 5 (26 %) студентов, средней – 7 (36 %), высокой – 7 (36 %). Низкой личностной тревожностью обладают 3 (33 %), средней личностной тревожностью – 10 (52,6%) студентов, высокой личностной тревожностью – 6 (31,5 %). Основными причинами возникновения стресса у студентов специальности «Управление персоналом» являются опасения по поводу того, смогут ли они справиться с различными формами учебной работы, контролем знаний (опрос проводился в предсессионный период), а также общий страх перед будущим. Уровень постоянного стресса за последние 3 месяца учебы значительно уменьшился у 4 студентов (26,7 %); незначительно уменьшился у 5 (33,3 %); не изменился у 1 (6,7 %); незначительно возрос у 2 (13,3 %); значительно уве-

личился у 3 (20 %); т. е. в целом в группе он остается примерно тем же (средневысоким). Анкета включала специальные вопросы о том, как проявляется страх и как студенты с ним справляются. Проявляется стресс в группе в основном на психологическом уровне, сказываясь на понижении работоспособности студентов, плохом сне, нехватке времени. Биологические признаки проявления страхов у большинства студентов присутствуют в малых количествах (чаще всего это учащенное сердцебиение). Основным способом снятия стресса является сон (используют 100 % опрошенных). Радует то, что алкоголь, сигареты, наркотики в качестве «антидепрессантов» в группе практически не используются.

В целом же тот факт, что у 36,8 % студентов наблюдается высокая реактивная тревожность, а у 31,5 % студентов – высокая личностная тревожность, безусловно, говорит о том влиянии, которое на них оказывают страхи, и ставит задачу формирования умения их преодолевать.

Одна из особенностей страхов состоит в том, что они способны передаваться от человека к человеку и влиять на их взаимное поведение: эмоции одного человека находят отклик у других. Самые смелые и бесстрашные люди под влиянием групповых эффектов могут проникнуться паническим настроением. Страхи обладают большой заразительностью и передаваемостью.

Примером такому явлению может служить трагедия, произошедшая несколько лет назад в Минском метрополитене на станции «Нимига». Из-за сильной грозы народ ринулся с массового гуляния в метро, чтобы укрыться от дождя. Произошло заражение массовой истерией. Хотя можно сказать: ну и что, что пошёл дождь – это обыденное явление, которое постоянно случается каждое лето. Здесь как раз сработал принцип заразительности масс: страх передался мигом каждому члену толпы, и уже никто не понимал, что он делает, куда он бежит. Результат всем известен.

Нынешнее общество, именуемое «обществом риска», не дает человеку твердых гарантий безопасности. Пугающие перспективы развития мировой цивилизации, глобальные проблемы, природные катаклизмы, неизвестные ранее и неожиданно возникающие вирусы – все это не вносит в жизнь современного человека уверенности в завтрашнем дне. Лучшим подтверждением тому служит гло-

бальный экономический кризис, потрясший основы мировой экономической системы и поколебавший потребительские идеалы современного общества. Поэтому не случайно сегодня не уменьшается интерес к страху и тревоге. Философы, социологи, политологи, психологи продолжают изучать новые стороны этого явления.

Библиографический список

1. Андрусенко В.А. Социальный страх. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 168 с.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2011. 154 с.
3. Риман Ф. Основные формы страха. М.: Алетейя, 1999. 424 с.

АБСОЛЮТНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ МОРАЛЬНЫХ НОРМ

**А.Е. Герасимова,
Н.И. Мартишина**

Сибирский государственный университет путей сообщения

Моральные нормы, абсолютное и относительное в морали, мысленный эксперимент.

Рассматривается проблема существования абсолютных моральных норм. Сравняются точки зрения морального абсолютизма и морального релятивизма. Показано, как можно сделать выбор между этими подходами на основе мысленного эксперимента.

ABSOLUTE AND RELATIVE MORAL NORMS

**A.E. Gerasimova,
N.I. Martishina**

Siberian Transport University

Moral standards, absolute and relative morality, thought experiment.

The problem of the existence of absolute moral standards is discussed. The standpoint of moral absolutism and moral relativism are compared. Author shows how to make a choice between these approaches on the base of thought experiment.

Моральные нормы как элемент морального сознания – это базовые формы морального требования, задающие определенный образец поведения, который отображает устоявшиеся правила человеческих отношений и сосуществования людей. Мо-

ральные нормы формулируются как правила, которые носят общеобязательный характер и призваны определять поведение людей в большинстве типичных социальных ситуаций.

Моральные нормы во всех существующих обществах опираются на давние исторические традиции. Уже в первобытных племенах начали формироваться определенные правила взаимоотношений внутри племени и отношения к чужакам. С образованием государств эти правила взаимодействия стали более конкретизированными, и с этого момента одной из главных тенденций развития морали в обществе становится постепенное снижение уровня насилия (хотя оно сохраняется как неотъемлемая часть социальной жизни, особенно во время войн и внутренних конфликтов) и ослабление противостояния «свой – чужой» (расширение взгляда на всех людей как «своих», заслуживающих человеческого отношения в силу принадлежности к человеческому роду). Большую роль в укреплении единства моральных ценностей сыграло распространение религиозных учений, основным принципом которых было всеобщее равенство людей перед богом. С наступлением эры современности все большее распространение и значимость получает принцип гуманизма, согласно которому по отношению к каждому человеку в равной степени признается его безусловная ценность как личности, его право на свободное развитие и проявление своих способностей; утверждается, что человек не вторичен, а первичен по отношению к общественным взаимосвязям и благо человека является критерием оценки общественной жизни. Сами понятия гуманизма и единого нравственного отношения к человеку зародились в эпоху Возрождения, получили развитие в философии Просвещения и стали общепризнанными в европейских странах приблизительно к XIX веку. В современной культуре мы наблюдаем постоянное активное воспроизведение идеи универсальности гуманизма и тенденцию к выделению из нее идеи универсальности основных моральных норм, обусловленных самой природой человеческого бытия.

Но действительно ли моральные нормы человечества в основном едины? Как может быть соотнесена эта позиция с признанием многообразия культур, составляющих современную цивилизацию?

Позиция морального абсолютизма на этот счет состоит в утверждении, что содержание морали у всех народов примерно одинаковое, тогда как форма её реализации может иметь существенные различия, в том числе связанные с национальными особенностями и культурными традициями. Разнообразие складывающихся в реальности нравственных отношений значительно шире, чем разнообразие эталонов поведения и отношения к людям, составляющим сферу морали. Кроме того, очень часто речь идет не о принципиальных различиях систем ценностей, а о различиях способов решения конфликтов, моральных дилемм, а сущность самих конфликтов и предписываемая моралью направленность их решения в основном являются идентичными. К тому же опыт свидетельствует, что в отношении гражданской морали различий существует гораздо меньше, чем в частной сфере жизни людей.

Моральный релятивизм, напротив, акцентирует внимание на существующих различиях систем моральных требований в разных культурах. Моральный релятивизм как философский принцип отрицает существование абсолютного добра и зла, обязательных нравственных норм и объективного критерия нравственности. Существует два варианта морального релятивизма. Согласно одному из них, сами понятия добра и зла условны; согласно другому, моральные нормы условны по отношению к безусловным понятиям добра и зла. Но обе позиции исходят из того, что в разное время и в разных местах понятия морали различаются вплоть до противоположностей; и выделить универсальные нормы морали практически невозможно.

Рассмотрим вопрос об оценке позиций морального абсолютизма и релятивизма с использованием методологии мысленного эксперимента, смоделировав абстрактную ситуацию, в которой можно представить разные сценарии развития. Представим себе человека, оказавшегося в опасных обстоятельствах (например, в ситуации кораблекрушения) вместе со своими родными, близкими, друзьями, а также посторонними людьми, и поставим вопрос: будет ли поведение человека в этой ситуации зависеть от культурной традиции? Более конкретно – решение о том, кого

он бросится спасать в первую очередь, будет его личным решением или проявлением некоторой культурно заданной нормы?

Оказавшись с семьей на терпящем крушение корабле, представитель европейской культуры, скорее всего, в первую очередь будет спасать своего ребенка. Потому что дети – цветы жизни, потому что ребенок намного слабее и беспомощнее любого взрослого, потому что в него вложено много надежд и усилий, потому что в конечном итоге ребенок – это шанс каждого человека продолжить свой род и тем самым обрести бессмертие.

В свою очередь, представитель восточной культуры, вероятнее всего, первым делом начнет спасать своих родителей. Поскольку именно они дали ему жизнь и воспитание, потому что можно родить другого ребенка, но родителей других создать нельзя, потому что родители, хотя и стары и слабы, но мудры и могут поддерживать советом в трудных ситуациях.

Такое поведение людей будет являться не только их личным выбором, но и результатом действия культурных традиций, которые на определенном этапе поддерживаются и внедряются государством.

В Китае в эпоху Тан был принят ряд законов, направленных на укрепление семейных уз и почитание родителей. Российский востоковед В.М. Рыбаков приводит несколько примеров таких законов. Всем чиновникам, если они служили вдали от отчего дома, раз в три года предоставлялся отпуск «для проявления сыновней заботы». На отпуск давалось 35, 30 или 15 дней – в зависимости от дальности места службы от родных мест. Если кто-либо из старших родственников чиновника достигал преклонных лет или тяжело заболел, чиновник обязан был хотя бы временно уйти в отставку и отбыть домой, чтобы ухаживать за ним. Если чиновник не обращался за отставкой или скрывал семейную ситуацию в угоду выгодных перспектив в карьерной службе, ему грозило серьезное уголовное наказание. Если кто-либо «услуждал себя музыкой» в то время, как кто-то из старших членов его семьи находился в тюрьме за совершенное ими преступление, такой человек сам подвергался наказанию, поскольку преступниками они считались только по отношению к государству, а род-

ственным полагалось скорбеть по ним. Имя отца или деда следовало почитать, а присвоение себе славы своих предков также считалось преступлением [1, с. 82–83].

В Западной Европе в настоящее время активно продвигается идеология, направленная на обеспечение прав ребенка, их защиту (в том числе иногда и от родителей, и в таких ситуациях, где россияне бы посчитали, что родители действуют в своем праве). Априорное убеждение в приоритетности спасения ребенка, по крайней мере отчасти, поддерживается этой идеологией.

В конечном счёте такое различие глобальных культурных установок обусловлено различием ценностей, направленности развития и типологией цивилизаций: техногенной и традиционной. Так, западная техногенная цивилизация нацелена на прогресс, на будущее, этим и объясняется ее направленность в первую очередь на защиту и заботу о детях. Восточная традиционная цивилизация в первую очередь ценит и почитает мудрость прошлого и, соответственно, ставит в центр ее носителя.

Россия всегда находилась между Западом и Востоком, сочетая в своей культуре элементы обеих этих цивилизаций. Кого же в таком случае выберет россиянин? В современной России идет очень активная пропаганда традиционных семейных ценностей, в большей степени направленная на защиту детей. Наверняка очень многим людям при обсуждении нашего мысленного эксперимента покажется естественным, что в первую очередь надо спасать ребенка, особенно своего. Такое решение, которое кажется личным, во многом обусловлено теми культурными приоритетами, которые задаются сегодня.

Конечно, выбор человека в такой ситуации нельзя определить однозначно. Любое решение в конкретной ситуации может принять представитель любой национальности. Возможно, кто-то попытается спасти и ребенка, и родителей, пожертвовав при этом своей жизнью. Однако при этом ни в одной культуре не считается нравственным поступок человека, который будет спасать только самого себя, а всех остальных бросит. В особенности это касается представителей тех профессий, которые обязывают их взять ответственность за безопасность других людей. Это представление о нравственности как раз и может являться примером

одной из общечеловеческих абсолютных моральных норм. Значит, в основе моральных норм можно найти общечеловеческий принцип, который можно назвать абсолютной моральной нормой.

Библиографический список

1. Рыбаков В.М. Руль истории. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2012. 280 с.
2. Этика: энциклопедический словарь / под общ. ред Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

ДВЕ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «КОЛЛЕКЦИОНЕР»

**Е. Жагорина, В. Якимчук,
А.С. Черняева**

Сибирский государственный технологический университет

Fowles, collecting, ownership, beauty, development.

В статье представлена попытка проанализировать философские идеи современного английского писателя Дж. Фаулза, в частности его решение вопроса о возможности «обладания» красотой.

TWO MODELS OF THE PERSON IN THE NOVEL THE COLLECTOR BY JOHN FOWLES

**E. Zhagorina, V. Yakimchuk,
A.S. Chernyaeva**

Siberian State Technological University

Fowles, collecting, ownership, beauty, development.

Article analyzes philosophical ideas of the modern English writer J. Fowles, in particular, as he resolves an issue, whether it is possible «to own» beauty.

Философия – это стремление и любовь к мудрости. И, как известно, одним из источников мудрости можно смело назвать литературу, причем не только такие жанры, как эссе или публицистические статьи, но и художественные произведения. Безусловно, не любое художественное произведение включает в себе размышления по тому или иному философскому вопросу, но есть такие авторы, которые ставят перед собой цель не просто развлечь читателя, но и побудить его к размышлениям.

К числу подобных авторов можно, на наш взгляд, отнести Джона Роберта Фаулза – одного из самых ярких и известных писателей-постмодернистов. Его книги побуждают читателя к размышлениям, поскольку сам автор оставляет поставленный вопрос без ответа. Фаулз – это тот писатель, который относится к своим героям достаточно объективно. Нельзя сказать, что одного героя он одобряет и стремится показать его в «хорошем свете», а другого – ненавидит. Персонажи Фаулза отличаются как раз тем, что они противоречивы, неидеальны, не делятся на «белых-черных», «плохих-хороших». Противоречия, которыми наполнены его произведения, как раз и стимулируют читателя к размышлениям, к самостоятельному выбору точки зрения, к поиску ответов, то есть к философствованию. Для писателя, по его же собственному признанию, написание произведений становится «формой обучения», для него важнее быть хорошим философом, чем хорошим писателем [1].

Как и у любого писателя, у Джона Фаулза есть определённый круг тем, которые интересуют его более всего, о которых он пишет. Этот круг можно разделить на четыре сектора: поиск свободы, борьба мужского и женского начал, противопоставление «масс» и «меньшинства» и коллекционирование [1].

Роман «Коллекционер» был издан в 1963 году и сразу же прославил автора. Хотя это и первое опубликованное произведение Фаулза, оно не является ни ключевым, ни первым произведением, над которым он начал работать. «Волхв» – центр творчества Фаулза, в котором раскрывается его мир в полном объеме. «Коллекционер» же интересен своей основной темой.

Роман разделён на четыре части. Первая часть – повествование от лица главного героя – Клегга, который влюбляется в девушку-студентку художественного университета Миранду. Он не пытается завязать с ней отношения, хотя возможности такие у него были. Вместо этого, выиграв крупную сумму денег, Клегг похищает Миранду и запирает её в подвале своего нового дома, где держит как пленницу в надежде, что она полюбит его. Вторая часть романа – это дневник Миранды, в котором она рассказывает о своем заточении. Из него же мы узнаем прозвище Клегга, которое Миранда ему даёт и которое более ярко ха-

рактизует его, – Калибан¹. Как такового, сюжета в романе нет, но дневник главной героини, несмотря на её заточение, наполнен жизнью, желанием жить, её размышлениями, и именно эта часть является ключевой. Третья часть от лица Клегга повествует о смерти главной героини из-за болезни, а также о его мыслях об этом и как в итоге он поступил с телом Миранды. Четвертая часть больше напоминает эпилог, где читатель видит, что Клегг не останавливается после смерти Миранды, а находит себе новую «жертву».

С первых страниц книги читатель наблюдает, как развивается это нездоровое отношение Клегга к Миранде, которое герой называет любовью. Но разве действительно любовь испытывает главный герой? Разве это не помешательство, не болезнь? Где эта граница между светлыми, искренними чувствами и болезнью?

Попробуем ответить на этот вопрос: первое, а возможно, и главное, отличие одного от другого – это стремление обладать. Разве можно сказать, что коллекционер бабочек любит природу? Скорее всего нет, ведь он убивает живое существо ради себя, ради того, чтобы смотреть и любоваться, обладать чьей-то красотой... Но разве можно овладеть этим в действительности, ведь истинная красота и бабочек, и людей, и всего живого на нашей планете проявляется только тогда, когда это все живет своей жизнью, не по чужой указке – на свободе.

Для Миранды любовь – это не стремление удовлетворять собственные потребности или даже потребности другого человека. Скорее, любовь для неё – это пожелание другому саморазвиваться и быть свободным. Для неё самой сопричастие этому будет высшей наградой. Когда Миранда разговаривает с Калибаном, она говорит, что хочет ему помочь, оживить его, вылечить. И поначалу она не понимает, почему он не хочет отпустить её, даже при условии, что она будет с ним общаться. Но позднее в своём дневнике Миранда пишет: «Он даже сказал, что любит меня. А я ответила, вы любите не меня, а свою любовь. Это не любовь, это эгоизм. Вы думаете вовсе не обо мне, а о том, что вы ко мне чувствуете» [3].

¹ Калибан – персонаж-образ в комедии Шекспира «Буря», символизирует отношения между «благородными» и «черными», с одной стороны, и между «цивилизованной» буржуазией и «дикарями» колоний – с другой.

Главная героиня любит жизнь, тянется к свету, к свежему воздуху. Несмотря на заточение, она всё равно живет, а не выживает. Миранда борется не только со своим заточением, но и с отчаянием, которое периодически одолевает её. Благодаря воспоминаниям, рассуждениям, творчеству и попыткам помочь своему мучителю, её жизнь в заточении выглядит более яркой и насыщенной, чем жизнь Клегга.

Конечно, для Калибана Миранда – это особый «улов». Она для него не человек, а бабочка для его коллекции: «Смотреть на неё было для меня ну всё равно как за бабочкой охотиться, как редкий экземпляр ловить. Крадешься остороженько, душа в пятки ушла, как говорится... Будто перламутровку ловишь. Я хочу сказать, я о ней думал всегда такими словами, как “неуловимая”, “ускользающая”, “редкостная”... В ней была какая-то утонченность, не то что в других, даже очень хороших. Она была – для знатока. Для тех, кто понимает» [3].

Калибан, в отличие от Миранды, более сложный персонаж. Усложняет его, прежде всего, то, что он как будто «живой мертвец», который не хочет «оживать», но ему нравится жизнь чужая, и он стремится ею овладеть. Причем именно овладеть, присвоить чужую живую красоту. Но как уже было сказано, это невозможно. Сопутствовать прекрасному и любоваться им – это то, что возможно и к чему следует стремиться. Но Калибан на это не способен, а потому он не может сохранить жизнь тому, кем он хочет овладеть, кого хочет поместить в свою коллекцию. И самое отвратительное, что он прикрывает это гнусное животное желание прекрасным чувством, называемым «любовью». А самое ужасное в данном персонаже то, что человечность в нем есть, но в течение всего произведения она погибает, и даже переполненная жизнью Миранда не может помочь ему. Человек, идя на поводу у достаточно первобытного желания обладания, убивает в себе человечность: «Знаете, мы ведь не можем иметь все, что нам хочется. Быть человеком порядочным – значит понять это и принять, а не добиваться невозможного любой ценой» [3].

Противопоставление Миранды и Клегга – это также противостояние «меньшинства» и «масс». И на самом деле, в современном мире людей с чертами Калибана гораздо больше, чем лю-

дей с характером Миранды. Нельзя сказать, будто большинство людей – бесчеловечные мертвецы. Но многие стремятся к обладанию, маскируя свои пороки и животные инстинкты «искренними чувствами», которым невозможно противиться; порой люди относятся друг к другу потребительски, как к вещам; и есть люди, которые не растут духовно.

Фаулз в сборнике философских эссе «Аристос» пишет следующее: «Да, Клегг, похититель, совершил злодеяние; но я старался показать, что это злодеяние во многом, а может, и полностью – результат никудышного образования, убогой среды, сиротства; и все это факторы, над которыми он сам не властен. Проще говоря, я старался утвердить фактическую невиновность Многих. Миранда, его пленница, почти так же, как и Клегг, не властна над обстоятельствами, сделавшими её такой, какая она есть...» [2].

Получается, что если не сам Калибан виновен в том, кто он есть и кем становится, а виновата среда, а среда – это есть общество, люди, тогда можно прийти к выводу, что в невежестве «Многих», можно обвинить «Немногих»... Ведь они, видя эту «болезнь», при которой человек лишается человечности, вместо того, чтобы научить и помочь, осуждают и презирают большинство. Миранда хотела помочь Клеггу искренне, но в то же время она знает о своем преимуществе над многими и проявляет снобизм. Вполне вероятно, что если бы история «Коллекционера» была другой и Калибан не похитил девушку, а заговорил с ней, то она отвергла бы его и не стала «учить», ведь это для неё скучно...

Возможно, в том, что мир делится на Клеггов и Миранд, на «Многих» и «Немногих», виноваты не столько обстоятельства, сколько каждый отдельно взятый человек. Одни не хотят самообучаться, а другие не хотят обучать.

Библиографический список

1. Антипенко Е. Интертекстуальный характер романов Дж. Фаулза // Балтийский филологический курьер. 2003. № 2. С. 242–251.
2. Фаулз Дж. Аристос / пер. с англ. И. Бессмертной. М.: АСТ, 2008. 352 с.
3. Фаулз Дж. Коллекционер / пер. с англ. И. Бессмертной. М.: ЭКСМО, 2011. 400 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И. ИЛЬИНА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Я.В. Кубасова

Красноярский государственный аграрный университет

Национализм, патриотизм, извращенные формы национализма, И. Ильин. Современная действительность актуализирует такие понятия, как патриотизм и национализм. Эти понятия волновали многих русских философов. В статье мы остановимся на взгляде И. Ильина относительно данных проблем.

THE RELEVANCE OF NATIONALIST VIEWS I. ILYIN IN MODERN

Y.V. Kubasova

Krasnoyarsk State Agrarian University

Nationalism, patriotism, perverted form of nationalism, I. Ilyin.

Contemporary reality actualizes concepts such as patriotism and nationalism. These concepts were excited by many Russian philosophers, in this article we will focus on the look I. Ilyin regarding these issues.

На сегодняшний день такими понятиями, как национализм и патриотизм, пестрят не только заголовки научных статей, но и заголовки газет. И связано это не только с 70-тилетием Победы в Великой Отечественной войне. Какие события мы наблюдаем последние пару лет? Противостояние России и Запада вследствие так называемой аннексии Крыма; ухудшение российско-украинских отношений вследствие войны на Донбассе; латентно протекающая холодная война с США; противостояние насилию над чернокожим населением в США со стороны полиции (началось все с гибели чернокожего молодого человека Майкла Бруна в городе Фергюсон, который был застрелен местной полицией в ходе задержания); теракты во Франции; исламизация Европы; ксенофобное «восстание» в провинциях Южной Африки, нетерпимость проявляется в отношении иммигрантов из Китая (китайская диаспора), а также приезжих африканцев из других стран континента; и т.д. Примеров можно приводить множество, но и нашу страну подобные явления не обошли. Внутри нашего

государства тоже присутствует некое незримое противостояние. Одна из особенностей нашего государства – это его многонациональность, что накладывает свой отпечаток на внутреннее взаимодействие русскоязычного населения страны и представителей иных народностей. Это и географически близкие нам хакасы, тувинцы, а также армяне, чеченцы, грузины и др. Но что стоит за этой «дружбой народов»? Это китайские диаспоры на востоке страны, диаспоры народов Кавказа в европейской части страны, агрессивно настроенные к русскоязычному населению тувинцы в Сибири, что ведет к появлению большого количества криминогенных личностей внутри диаспор, не согласных с теми или иными правовыми нормами и морально-культурными ценностями нашей страны. Результатом подобных событий, противоречий чаще всего становится всплеск националистических настроений в обществе, выливающийся в межэтническое противостояние. Еще одним фактором возрастания национально-патриотических идей в обществе является победа, как прямая, так и косвенная, своего государства на мировой арене. Что, собственно, мы воочию наблюдали в нашей стране вследствие вхождения полуострова Крым в состав РФ.

Пожалуй, на данном этапе мы должны развести понятия «национализм» и «патриотизм». Для этого обратимся к определению, данному в Словаре философских терминов: «Национализм – это доктрина, идеология, система взглядов, в основе которой лежат идеи совпадения политических границ государства с границами проживания этноса, образующего это государство. Рассматривает нацию как высшую ценность, зачастую предполагает наличие внешнего ли внутреннего врага – представителей других этнических групп. Может быть не только этническим, но и региональным (раздел государств на регионы)» [3]. Еще одной разновидностью является гражданский, или государственный, национализм. Данная форма национализма направлена на доказательность легитимности государства, на сплочение гражданской нации, государственное расширение или изоляционизм. «В своих не крайних формах гражданский, или государственный, национализм близок понятию патриотизма. Эта форма национализма широко используется современными государствами» [3].

ми через официальную символику и идеологические институты (социальные науки, образование, СМИ и пр.) с целью утверждения общегражданской лояльности (“любви к Родине”, “уважения к стране” и пр.) и распространения общегосударственных правовых норм и морально-культурных ценностей» [3]. Патриотизм же предполагает любовь к отечеству, к Родине, преданность ей, готовность направить все свои действия, помыслы во служение ей: «...одно из глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» [2]. Также: «В современной эмпирической научной традиции патриотизм определяется как “национальный” или как “национализм” и провозглашается основной общественной ценностью. При этом патриотизм понимается как преданность национальной политической власти. Другими словами, <...> выделяют два разных подхода: а) исследование патриотизма в рамках изучения особенностей менталитета этносов, их социокультурных особенностей; б) изучение патриотизма как значимой характеристики политической жизни современных народов с целью эффективного управления формированием патриотических чувств, их направленности» [3]. Анализируя представленные выше определения, можно заметить одну особенность, которая сразу бросается в глаза: в какой-то момент данные понятия плавно переходят друг в друга. И становится не совсем ясным, когда мы имеем дело с патриотизмом, а когда с национализмом. Возможно, мы имеем дело только лишь с национализмом, а патриотизм является частным случаем его. Тогда по каким критериям мы будем определять «здоровый» (истинный) перед нами национализм или ложный? Чтобы немного разобраться в данных перипетиях, предлагаем вам обратиться к русскому мыслителю, философу, публицисту Ивану Александровичу Ильину.

В начале XX века, то есть в пору революционных потрясений, Иван Ильин преодолел большие испытания. Он не смог принять революцию, вынужден был эмигрировать. Был невольным участником «философского парохода» 1922 года, а также идеологом белого движения. Но как бы ни испытывалась его творческая судьба, в центре напряженных испытаний и раздумий всегда была судьба своего народа, судьба России, вопросы национализма.

В статьях И. Ильин четко очерчивает все стороны национализма, как положительные, так и отрицательные, предвидя опасности, с которыми можно столкнуться на пути к истинному национализму.

Итак, для Ильина национализм представляет собой «любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа. Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание» [1]. Он являет собой лицемерие своего народа перед лицом Божиим, восприятие его истории, души, талантов, а вместе с тем созерцание его недостатков, духовных проблем, опасностей, соблазнов и достижений. Национализм – это некая система поступков, методов, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и созерцания.

Именно благодаря этому И. Ильин описывает истинный национализм «как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ – к духовному расцвету. Это есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати. Национализм есть благодарение Богу за эти дары; но он есть и скорбь о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров» [1].

Истинный национализм всегда справедлив, почтителен не только к культуре, духовности собственного народа, но учит уважать и национальное своеобразие иных народов. Он уважает и чтит их духовные достижения и национальное чувство, ведь они имеют такое же отношение к дарам Божиим, какое имеем и мы. Но, как говорит И. Ильин, они попросту претворяют эти дары иным образом. Собственно, только в этом наше отличие и состоит. «Истинный национализм не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету» [1]. Только к такой истинной форме национализма и должен стремиться народ, дабы почувствовать и получить Дары Святого Духа.

Ильин предостерегает от извращенных форм национализма, которые могут появиться вследствие неправильной национальной политики и неправильных национальных чувств. В частности, он выделяет два вида ошибок, с которыми можно стол-

кнуться. 1. «...национальное чувство прилепляется к неглавному в жизни и культуре своего народа.

Первая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста прикрепляются не к духу и не к духовной культуре его народа, а к внешним проявлениям народной жизни – к хозяйству, к политической мощи, к размерам государственной территории и к завоевательным успехам своего народа. Согласно этому есть государства, националисты которых удовлетворяются успехами своего народного хозяйства (экономизм), или мощью и блеском своей государственной организации (этатизм), или же завоеваниями своей армии (империализм). Тогда национализм отрывается от главного, от смысла и цели народной жизни, – и становится чисто инстинктивным настроением, подвергаясь всем опасностям обнаженного инстинкта: жадности, безмерной гордыне, ожесточению и свирепости. Он опьяняется всеми земными соблазнами и может извратиться до конца» [1].

2. Во втором случае оно превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой. «Вторая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста, вместо того чтобы идти в глубину своего духовного достояния, уходят в отвращение и презрение ко всему иноземному. Суждение: “мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим”, превращается, вопреки всем законам жизни и логики, в нелепое утверждение: “национальное бытие других народов не имеет перед моим лицом никаких оправданий”...»[1].

С точки зрения Ильина, данные формы национализма не присущи русскому народу. Во-первых, главной чертой рускости всегда было православие, именно верой русский человек осмысливал своё бытие, а не хозяйством, оружием, властью. Во-вторых, русский народ всегда был скромнее, критично подходил к себе и мог учиться у других народов, подходил ко многим проблемам с юмором, а также обладал многоплеменным составом.

Наряду с понятием «национализм» И. Ильин выделяет понятие «патриотизм», детерминируемое той же основой, что и национализм. Патриотизм, по Ильину, высшая солидарность, сплоченность в духе любви к Родине (духовной реальности), творче-

ский акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и поэтому Благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении. Патриотизм живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святости своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя. Родина, отмечает Ильин, есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания этой духовной музыки народы живут из века в век в работах и страданиях, в падениях и подъемах.

Таким видел национализм Ильин. Проецируя данную модель националистических отношений на современную действительность, что мы увидим? Какую из форм национализма мы обнаруживаем? Если пользоваться терминологией Ильина, то «извращенную». Современная действительность обнаруживает в себе исключительно извращенные формы национализма. И для того чтобы возродить национальную Россию, надо провозгласить новый русский духовный характер, надо восстановить преемственность поколений. Современное же поколение, молодежь, учащиеся зачастую отвергают надобность знания истории, мотивируя это тем, что подобное знание никак не влияет на формирование самосознания личности. Ни в этот ли момент происходят отторжение своей национальной принадлежности, самости, разрушение личности, отказ от духовности, которая была свойственна русскому человеку не так давно?

Библиографический список

1. Ильин И.А. О русском национализме: сб. ст. М.: Российский Фонд Культуры, 2007. 152 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 28. С. 167.
3. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. Инфра-М., 2007. 731 с.

ТРИ МОМЕНТА ИСТИНЫ

Д.М. Сазиков,

С.П. Штумпф

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Духовная культура, материальная культура, духовные ценности, материальная зависимость.

Размышления автора о смысле жизни помогают расставить верные приоритеты. Осознание глубокого смысла каждого предложения складывает прочный фундамент для формирования успешной и счастливой личности в XXI веке. В статье описаны главные моменты, способствующие социальным конфликтам, как крупным, так и малым.

THREE MOMENT OF TRUTH

D.M. Sazikov,

S.P. Shtumpf

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Spiritual culture, material culture, spiritual values, material dependence.

Reflections on the meaning of life to help arrange the right priorities. Awareness of the deeper meaning of each proposal adds a strong foundation for the formation of a successful and happy person in the XXI century. The article describes the main points that contribute to social conflicts, both large and small.

ХХI век – век прогресса, век повышения уровня жизни, а также век потери духовной культуры! Духовная культура теряет актуальность. На первый план выходит материальная культура, которая в основном способствует деградации личности, а если и не деградации, то просто одиночеству и разочарованию. Первые предпосылки к утрате влияния духовной культуры на человека можно пронаблюдать в произведении XIX века «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Высокий статус, богатство, возможности и слава доставались тем людям, чье количество крестьян составляет как можно большее их число.

Время не стоит на месте, наука делает шаги вперед, появляется большое количество новых изобретений, которые доступны для покупки практически каждому человеку, и сейчас в XXI ситуация

изменилась, но все равно схожа с сюжетом вышеназванного произведения классика. Отличие заключается лишь в одном: тебя ценят не по количеству твоих крестьян, а по количеству денег, количеству и стоимости твоих материальных вещей, таких как машина, квартира, драгоценности, модная одежда, и даже по тому, в каких местах ты обедаешь. При этом духовные ценности: история родины, семейные традиции, религиозные традиции – уходят на второй план.

Главное проявление одухотворенности заключается в знании истории своей родины. На сегодняшний день молодые люди не знают даже главных дат из истории, судьбоносных для будущего страны, например дат, относящихся к Великой Отечественной войне. Наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки отдавали жизни за независимость страны, за дом, семью, за светлое будущее последующих поколений. Однако в реальной жизни умы молодежи затуманивает погоня за материальным.

Можно задаться вопросом: почему подрастающее поколение интересуется не историей своей родины, а тем, какие вещи и цвета будут в моде осенью, зимой или летом? Ответ обычно ищут в связях с предыдущим поколением, а именно в формах воспитания. У каждого они индивидуальны. Существует такое высказывание: «Воспитавай себя сам, и ребенок будет таким, как и ты». Получается, в незнании истории молодое поколение обвиняет поколение предыдущее. В неспособности или неохоте передать молодежи исторические ценности своего поколения виноваты их отцы, и так можно найти причины для обвинения к каждому вышестоящему поколению. Молодые люди, нам кажется, вообще не воспринимают духовную культуру, а материальные достижения превозносят выше всех других ценностей. Все так же в погоне за материальными достижениями происходят серьезные конфликты.

В современном обществе в России демократия заявлена формой организации общества, что подразумевает одной из главных ценностей свободу личности. По закону мы все свободны, а на деле индивиды попадают в материальную зависимость, в которую загоняют себя сами, не беря в расчет внутреннее духовное совершенствование. Люди не видят большего, кроме материального. У них просто нет времени на духовное развитие, так как ма-

териальные достижения завладели ими. Человек живет, учится, работает, что-то покупает. В основном эти покупки требуют последующих вложений, например, для машины нужно постоянно покупать бензин, за квартиру необходимо платить, мода меняется – нужны обновки – замкнутый круг: индивид работает, тратит, работает, тратит... умирает, а след в истории не оставил, вклад в развитие общества не внес. Спрашивается, зачем жил? Чтобы умереть в роскоши? Глупо...

Приведем пример из личного опыта. Есть две знакомые девушки, которые в юности попали в зависимость от материального, но их истории различаются. Первая девушка неплохо зарабатывала, ей хватало, чтобы прожить от зарплаты до зарплаты: купить хорошую еду, сходить куда-нибудь отдохнуть. Со временем ее потребности начали расти: она сняла квартиру. Теперь ей приходится отдавать большую часть зарплаты за квартиру. В итоге ей не хватает средств, чтобы позволить то, что она могла себе позволить до снятия квартиры. Теперь вместо того, чтобы повысить свой доход она хочет увеличить свои долги и попасть в еще большую материальную зависимость: она собирается оформить кредитную карту, чтобы позволить себе удовлетворять прежние потребности. Хочется убедить ее: «Что ты делаешь? Ты понимаешь, что ты пользоваться кредиткой будешь максимум 2–3 месяца, а после ты не сможешь выплачивать долги и тебе придется отдавать одну часть зарплаты за квартиру, а другую часть за кредитную карту, а проценты там очень большие! И в итоге ты будешь работать не на себя, а на банк! Все свои средства отдавать какому-то человеку, которые он будет вкладывать в себя и развитие своего бизнеса! Твоя самооценка станет настолько низкой, что ты превратишься в обиженного на жизнь, человека, и будешь винить в своих бедах всех вокруг, но не себя! В результате тебе придется взять еще один кредит, чтобы погасить предыдущий, потом возьмешь еще один, чтобы погасить второй и так далее до бесконечности, а для себя не останется ничего... Жизнь твоя превратится в бессмыслицу, пустую трату времени и сил». Это типичный пример раба системы! Девушка загнала себя в финансовую ловушку, из которой практически невозможно выбраться, и самое пе-

чальное, что она не осознает этого! Ей не хватает времени на саморазвитие, на творчество, она и не вспоминает о них – некогда. К 30–40 годам она превратится в человека, с которым можно будет обсуждать только то, что все вокруг плохие, что государство должно заботиться о ней, но не делает этого, как бы она могла жить, если бы не ввела в культ ценности преходящие.

Вторая история не настолько печальна – это история сильной девушки. Она, как и многие, в молодости попала в материальную зависимость: хотела купить себе машину, квартиру, новые вещи, предметы интерьера, сделать хороший ремонт, хорошо отдохнуть. И добилась этого непосильным трудом. Но однажды она остановилась и задала себе вопрос: «Зачем это все?». Она пришла к разгадке секрета счастья ближе к 45 годам, осознав, что все материальное преходяще. Поняла, что большую часть жизни прожила в погоне за счастьем, которое было всегда рядом и было всегда доступно без столь значительных финансовых вложений. С этого момента ее жизнь наполнилась совсем иным смыслом.

Очевидна для каждого истина: «Все, что господствует над человеком, рождено им самим». Но почему духовные ценности, созданные человечеством, не так сильно владеют нами? Ответ прост: люди ощущают большую зависимость от тех материальных объектов, которые могут чувствовать, видеть, трогать.

О духовных и материальных ценностях можно рассуждать достаточно долгое время, но как совместить успешность, счастье, богатство с наличием хороших друзей, нравственной порядочностью, независимостью?

По нашему мнению, человеку, чтобы стать достаточно успешным, необходимо развиваться и вкладывать время, средства и силы в шесть направлений: учеба, социум, отдых, работа, семья, взаимоотношения с противоположным полом.

Чтобы не попасть в материальную зависимость, каждому необходимо ориентироваться на универсальные законы человеческого общежития, изучать финансовую грамотность, права и законы.

Чтобы быть счастливым, каждому нужно изучать историю и не совершать ошибок прошлого. А самое главное – найти собственную позицию и развиваться в этом направлении.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФЕНОМЕНА «ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРА»

И.Н. Белых

Красноярский государственный аграрный университет

Феномен, интернет-культура, Интернет, культура, определение, функция, культурное ядро.

В статье анализируется специфика феномена интернет-культуры, описывается степень разработанности вопроса, сформулированы три определения данного понятия в зависимости от аспекта его рассмотрения, выделены наиболее общие социокультурные функции Интернета, а также характерные признаки интернет-культуры.

ON THE DEFINITION OF THE PHENOMENON OF «INTERNET CULTURE»

I.N. Belykh

Krasnoyarsk State Agrarian University

Phenomenon, Internet culture, Internet culture, definition, function, the cultural core.

The article analyzes the specificity of the phenomenon of Internet culture, describes the degree of elaboration of the questions formulated by the three definitions of the concept depending on the aspect of consideration, it highlights the most common socio-cultural features of the Internet, as well as the characteristics of the Internet culture.

Актуальность изучения феномена «интернет-культура» обусловлена ролью, которую играет Всемирная сеть в развитии культуры, что задает вектор развития как российского государства, так и мирового сообщества в целом [4]. Тем не менее в российской науке его изучением занимаются преимущественно имплицитно, как самостоятельный предмет интернет-

культура практически не исследуется. О многоаспектности данного феномена свидетельствуют существующие научные труды, рассматривающие его: 1) с философской и культурологической точки зрения (И.А. Остапенко, О.Б. Скородумова, И.Г. Опарина, Е.Ю. Журавлева, А.Н. Прокопенко, С.В. Михайлов); 2) социологической (А.Н. Шерemet, А.С. Биккулов, Е.А. Путилова), психологической (И.С. Шевченко, А.Е. Жичкина); 3) педагогической (Н.М. Белякова, Л.К. Раицкая, М.Р. Раянов, Ю.А. Якутова); 4) филологической (Н.А. Ахренова, В.В. Кихтан) и т.д. Однако сущность и содержание понятия «интернет-культура» до сих пор не определены однозначно.

В рамках педагогических исследований данный феномен определяют М.Р. Раянов и Ю.А. Якутова (Веселовская), М.Р. Раянов понимает интернет-культуру как сформированность следующих умений: 1) осваивать новые технологии и программные продукты, направленные на поиск, обобщение и использование информации во Всемирной сети; 2) использовать Интернет для контактирования с удаленными пользователями в рамках профессиональной деятельности; 3) использовать ресурсы Сети в процессе образования и самообразования [5]. Якутова Ю.А. – как «культуру использования возможностей Сети в процессе межличностного взаимодействия, а также необходимые умения успешного поиска, отбора и применения информации» [8], выделяя при этом такие ее составляющие, как информационная, коммуникативная и нормативно-поведенческая [8]. В рамках культурологического исследования понятие «интернет-культура» Е.С. Ляшенко определяет как «систему ценностей, эстетических норм, традиций, систему знаков, символов и смыслов, культуру обмена и хранения информации в нём, культуру взаимодействия пользователей» [3, с. 99], таким образом, подчеркивая 4 ее аспекта: аксиологический, семиотический, информационный и коммуникативный.

Попытаемся сформулировать описательное определение интернет-культуры. Для этого необходимо определить, что в себя включает исследуемое понятие. Будучи сложным, оно складывается из взаимосвязи Интернета и культуры, при рас-

смотреии которой можно выделить три аспекта. Во-первых, Интернет – средство хранения и передачи образцов человеческой культуры в неограниченном количестве. Во-вторых, Всемирная сеть отражает динамику культуры в ее многообразии. В-третьих, Интернет сам по себе является сложным развивающимся культурным феноменом, затрагивающим не только сферу развития информационных технологий, но и его влияние на саму культуру в узком смысле этого слова, массовое сознание людей, язык и т.д. Выделенные аспекты, на наш взгляд, позволяют обозначить наиболее общие социокультурные функции Интернета: кумулятивная, отражающая, формирующая.

Культурокумулятивный, культууроотражающий и культууроформирующий аспекты Интернета дают основание сформулировать следующие определения понятия «интернет-культура»: 1) совокупность всех образцов человеческой культуры, размещенных в Интернете в адаптированном под него виде и способов их передачи, т. е. «трансляция» культуры в Интернете; 2) совокупность всех культурных действий и изменений, отраженных и происходящих в интернет-среде (но не обусловленных ею); 3) динамичный тип культуры, обусловленный развитием Интернета в его технологическом и социологическом аспектах. При этом следует отметить, что граница между вторым и третьим определением нечетка, так как определить степень обусловленности того или иного культурного действия или изменения интернет-средой нередко довольно сложно.

Наиболее общим характерным признаком интернет-культуры, по нашему мнению, является универсальность, т. е. возможность взаимосвязи практически с любым культурным феноменом. Реализуя данное свойство, интернет-культура включает в себя «глобальную» (общечеловеческую) и локальные (этнические) культуры, суб- и контркультуры, «традиционные» культурные сферы (изобразительное искусство, музыка, литература, театр, кинематограф и т. д.). Во взаимосвязи с другими типами культур, актуальными в современном обществе (информационная, экономическая, экологическая [2]), исследуемый феномен в научной литературе рассматривается как разновидность

информационной (М.Р. Раянов, В.И. Кудашов), экранной и компьютерной культуры (В.И. Кудашов) [1]. С типологической точки зрения интернет-культура отнесена к инновационной, индивидуалистической, префигуративной (М. Мид), ориентированной на передачу информации (Ю. Лотман), к культуре с низкой степенью зависимости от социокультурного контекста (Дж. Хофстед) [1].

Вторым характерным признаком, логически связанным с первым, является отсутствие достаточно выраженного культурного ядра. С одной стороны, оно представляется четким, так как строится преимущественно вокруг: 1) достижений в области информационных технологий и возможностей их использования в социокультурных целях; 2) базовых принципов Глобальной сети, сформулированных в «Декларации независимости киберпространства» (свобода и доступность любой информации, полный демократизм, децентрализованность и т. д.) [6]; 3) правил сетевого этикета («нетикета») Вирджинии Ши, в основу которых положен традиционный речевой этикет («помните о человеке», «придерживайтесь тех же правил поведения, что и в реальной жизни», «будьте вежливы в режиме онлайн» и т. д.) [7].

С другой стороны, мультикультурный характер интернет-среды приводит к локализации тех этнических, религиозных и социальных групп, которые имеют виртуальные аналоги собственного функционирования (электронные библиотеки, кинотеатры, группы, чаты, форумы и т.д.). Каждая из этих групп имеет собственные культурные нормы и ценности. Многие этнические, религиозные и социальные группы, как и в реальной действительности, конфликтуют между собой. Кроме того, каждый пользователь потенциально способен создавать собственную культурную микро- и даже макросреду за счет создания сайтов, виртуальных групп, сообществ, социальных сетей и т. д. Данное положение вещей не позволяет пользователям Сети иметь единые нормы и ценности, т. е. достаточно выраженное культурное ядро.

Выводы. 1. Интернет-культура как феномен недостаточно исследована в научной литературе, рассматриваются, как

правило, ее отдельные аспекты. 2. Представляется невозможным сформулировать единое определение понятия «интернет-культура» вследствие сложности взаимосвязи Интернета и культуры. 3. Культурокумулятивный, культууроотражающий и культууроформирующий аспекты Интернета позволяют выделить его кумулятивную, отражающую и формирующую функции, а также сформулировать наиболее общие определения, связанные с каждым из аспектов. 4. Наиболее общими характерными признаками Интернет-культуры являются универсальность и отсутствие достаточно выраженного культурного ядра.

Библиографический список

1. Кудашов В.И. Экология сознания в информационной культуре: монография / Мин-во внутр. дел Рос. Федерации, Сиб. юрид. ин-т. Красноярск: Сибирский юридический институт, 2006. 255 с.
2. Лесовская М.И., Лесовская Л.В. Экологическая культура: попытка измерить неизмеримое // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 8. 2013. С. 265–270.
3. Ляшенко Е.С. Семиотический аспект интернет-культуры // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 99–105.
4. Миронов А.Г. Информационно-образовательные ресурсы по профессиональному самоопределению молодежи: типология, обзор содержания // Вестник магистратуры. 2013. № 10 (25). С. 12–18.
5. Раянов М.Р. Формирование интернет-культуры будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Самара, 2004. URL: <http://diss.rsl.ru/>
6. Скородумова О.Б. Социокультурные функции Интернета и особенности их реализации в современной России: дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. М., 2004. 435 с.
7. Трушина И.А. Этика библиотекаря: моральный закон внутри нас: опыт разных. М.: Гранд-Фаир, 2008. 272 с.
8. Якутова Ю.А. Интернет-культура: сущность, структура, основы формирования // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-kultura-suschnost-struktura-osnovy-formirovaniya>

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВ В XXI ВЕКЕ

Н.А. Брюханов

С.П. Штумпф

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Технократический склад мышления, дефицит этики, дефицит нравственности, технократический тип общества, технологический тип общества, биологический тип общества.

Статья посвящена рассмотрению эволюции понятия «технократия», а также разных его значений. Основной аспект изучения технократизма в данной работе социально-философский. Выделены наиболее важные характерные черты технократического склада мышления общества и способа поведения человека. Обозначены причина и последствия складывания и развития указанного состояния общества и человека. В общем плане указана последовательность выхода из сложившейся ситуации путем выделения типов общества в зависимости от степени затрат ресурсов (в том числе временных) по отношению к технической составляющей функционирования человеческого общества.

THE TECHNOCRATIC MODE OF EXISTENCE IN MODERN SOCIETY. DEVELOPMENT PROSPECTS AND THE SEARCH FOR ALTERNATIVES IN THE XXI CENTURY

N.A. Brukhanov

S.P. Shtumpf

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

The technocratic mindset, lack of ethics, lack of morality, technocratic type of society, technological type of society, the biological type of society.

The article is devoted to the evolution of the concept of «technocracy», as well as different meanings. The main aspect of the study of technocracy in this work is a socio – philosophical. Marked the most important characteristic features of the technocratic mindset of society and the way human behavior. The causes and consequences of folding and development of this condition of society and man. In General terms, indicate the sequence of the way out of the situation by highlighting the types of society depending on the extent of the cost of resources (including time) and the technical component of the functioning of human society.

Этимология понятия «технократия» восходит к 1919 году. Впервые его применил У. Смитт в статье «Технократия – пути и методы достижения индустриальной демократии» [6]. Из названия работы определяется единственный на то время смысл данного термина – форма управления государством, а также общественный строй, при котором процесс производства и распределения доходов находится под контролем общества, однако этот содержательный контекст делегирован лишь наиболее квалифицированным узким специалистам.

С течением времени слово «технократия» приобретает новые значения вследствие расширения спектра применения данного термина.

В итоге выкристаллизовались несколько общеупотребимых толкований:

- теоретическая концепция власти, основанная не на идеологии, а на научно-техническом знании;

- направление в общественной мысли, утверждающее, что общество может целиком регулироваться принципами научно-технической рациональности;

- тип социально-политического устройства общества, практически реализующий принципы этой концепции (политический режим, практически реализующий постулаты технократического управления);

- социальный слой носителей научно-технического знания, выполняющих функции управления (высшие функционеры промышленного производства и государственного аппарата);

- общественное движение в США в 30-х гг. XX в. (лидеры Г. Лозб, Г. Скот), ставившее целью достижение всеобщего благосостояния с помощью индустриального переворота в результате научного планирования производства в национальных масштабах, которое к началу 40-х гг. потерпело крах;

- социокультурное явление, предполагающее частичность, односторонность, жестокость, однозначность, рассмотрение средства в качестве цели.

Технократизм выступает в форме современного догматического, механистического мировоззрения и деятельности. С одной стороны, это жесткая административно-командная форма ор-

ганизации производства и всей жизни человека. С другой – это сам характер современной цивилизации, который принято называть в современной науке «машинной», или «техногенной». Способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления [3, с. 74–77].

Опора на данное определение предполагает установление в таком обществе вполне конкретной цели – производство и распределение материальных и нематериальных благ посредством всевозможных продуктов и достижений НТП. Однако технические средства, созданные человеком, требуют постоянного контроля и обслуживания для исправного функционирования во избежание техногенных катастроф или причинения ущерба частной и личной собственности. Такая ситуация превратила средство в цель, вещь поставлена выше человека самого по себе, выше всех его ценностей.

Технократический склад мышления и способ поведения человека характеризуются, как указано выше, первичностью средства над целью, а цели – над смыслом и общественными интересами, реалиями современного мира, первичностью (господством) техники над человеком и его ценностями. Это механистический рассудок, которому чужды разум и категории нравственности, являющийся прообразом искусственного интеллекта. Технократическое мышление нельзя отождествлять с мышлением ученых или техников – людей творящих [5]. Вещь становится выше (важнее) человека. Во всем видится средство для достижения определенной утилитарной цели.

Под влиянием перечисленных факторов, техническое развитие в значительной степени опередило нравственное и этическое развитие общества. Образовавшийся «дефицит этики и нравственности» и перекос в сторону техницизма общества привели к обострению «проблемы ценностей» – фундаментальной проблемы устойчивого развития человечества [4, с. 1].

Русский философ Н.А. Бердяев определяет развитие и распространение техники как интернационализирующий фактор, разрушающий такие понятия, как нация и национальность, которые определяются как единственная система, вырабатывающая

и воспроизводящая систему ценностей посредством функционирования своей культуры. *«Культура всегда имеет национальный характер и национальные корни. Интернациональная культура невозможна. Это была бы культура коммивояжеров»* [1, с. 55].

По отношению к биосфере общество с технократическим режимом мышления, а следовательно, существования, является интеллектуально вооруженным паразитом-самоубийцей. Паразит-самоубийца убивает того, на ком он паразитирует и погибает при этом сам. Технократическая цивилизация имеет тенденцию по мере развития техники и роста ее энерговооруженности нарушать устойчивое течение все более и более обширных природных процессов, превышая меру безнаказанного потребления природных ресурсов.

Это не может вызвать к действию общеприродных факторов поддержания устойчивости Мироздания. При сохранении таких тенденций и в будущем в худшем для человечества случае человечество вызовет глобальную экологическую катастрофу, в которой погибнет современная биосфера. В лучшем случае произойдет катастрофа культуры без уничтожения биосферы и придется начинать строить культуру опять с «обезьяньего» нуля [2, с. 70].

Относительно перспективы развития событий, данной Внутренним Предиктором СССР, имеется широко известная цитата, приписываемая А. Эйнштейну: *«Не знаю, чем будут воевать в третьей мировой войне, но в четвертой люди будут воевать палками и камнями»*.

Альтернативой отхода от технократического режима существования общества является постепенный переход к технологическому типу общества, в котором люди не обращают себя в невольников достижений технического прогресса, а поддерживают определенный баланс между техницизмом и нравственностью.

При удачном переходе к технологическому типу следует перейти к биологическому режиму существования общества, при котором культура ориентирована на освоение генетического потенциала человеческого организма. Благодаря этому общество воспроизводит и развивают свою культуру и систему ценностей, обеспечивая гармоничное существование и развитие человечества как части биосферы земли.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи). Paris: YMCA-PRESS, 1934. С. 55.
2. Внутренний Предиктор СССР «Мертвая вода». 1998. Ч. I. 489 с.
3. Кольчева С.В. Кризис гуманизма в условиях современной техногенно-технократической цивилизации // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 3. С. 74–77.
4. Мантатов В.В. Стратегия разума: Экологическая этика и устойчивое развитие: в 2 т. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1998. Т. 1. 204 с.
5. Словарь сайта Психотесты.ру [Электронный ресурс]. URL: http://psihotesti.ru/gloss/tag/tehnokraticheskoe_mishlenie/ (дата обращения: 18.04.15).
6. Smyth W.H. «Technocracy» – Ways and Means to Gain Industrial Democracy // Industrial Management». 1919.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ И АКТУАЛЬНОСТЬ

Н.В. Вергалец

Красноярский государственный аграрный университет

Социальные феномены, чайлдфри, даунишфтинг, мачизм, зависимость от социальных сетей.

Статья описывает социальные феномены, которые появились в нашем обществе в связи с изменением ценностных ориентаций современного человека.

SOCIAL PHENOMENON OF MODERNITY: ANALYSIS AND RELEVANCE

N.V. Vergalets

Krasnoyarsk State Agrarian University

Social phenomena, childfree, Downshifting, machismo, dependence on social networks.

This article describes social phenomena which have appeared in our society due to the change of value orientations of modern man.

Социальная философия в последние годы привлекает особое внимание исследователей, это связано с тем, что общество оказывает огромное влияние на политическую, экономическую,

научную, духовную сферу. Современное общество характеризуется определенной нестабильностью своего существования и постоянной изменчивостью, поэтому мы можем наблюдать появление таких феноменов, которые определенным образом характеризуют человеческое общество XXI века. Для того чтобы разобраться в изменениях социальной реальности, стоит обратиться к анализу некоторых явлений нашего века, меняющих социальную среду.

Одним из таких феноменов современности является движение чайлдфри, возникшее в США в 1970-х годах. В последние годы в нашей стране движение чайлдфри также набирает обороты. Идея движения заключается в том, что человек сознательно отказывается от процесса деторождения. Сторонники данного движения утверждают, что жизнь прекрасна, если ее не нарушают детские крики, карьера идет в гору, когда ничто не отвлекает от поставленных целей и сам процесс воспроизведения потомства в условиях глобальных проблем человечества достаточно бессмысленный. Нежелание иметь детей можно обосновать множеством значимых для чайлдфри причин: неприязнь к детям; незаинтересованность в размножении; отсутствие биологической тяги к родительству; ответственность на всю жизнь и необратимость ситуации деторождения; страх оказаться недостойным родителем; страх утраты физической и эмоциональной гармонии с партнером; нежелание менять привычный бездетный образ жизни; негативные воспоминания о собственном детстве; возможность передачи генетических заболеваний; финансовая ответственность; отсутствие свободного времени для хобби, общения, путешествий; дефицит ресурсов на планете; экономические и экологические кризисы. Большинство чайлдфри считают, что современный мир ужасен для рождения детей, поэтому для начала необходимо изменить условия существования людей на планете и только потом задуматься о продолжении рода. Дискуссии о чайлдфри постоянно возникают в обществе, сторонники традиционных ценностей не могут понять мотивов последователей движения, им кажется большим эгоизмом и глупостью отказ от воспроизведения потомства. Чайлдфри делают выбор не в пользу традиционных ценностей (семья, дети, любовь, совместное проживание), эти вещи не так значимы, как саморазвитие, образование, карьера, финансовая независимость, секс,

близость с партнером, эстетическая красота фигуры, индивидуализм, здоровье, свобода, хобби, интересный досуг. Поэтому можно говорить о том, что это социальное явление вызывает нетерпимость со стороны общества лишь потому, что чайлдфри придерживаются других ценностных ориентаций. Моральная паника со стороны общества заключается в том, что такие движения угрожают вырождению нации, повышению индивидуализации и гедонизма.

Если в целом оценивать феномен чайлдфри, то можно сделать выводы о том, что сами сторонники движения не так безнадежны, ведь основная причина отказа в воспроизводстве заключается в экономической и политической нестабильности социума. Тогда основной задачей общества станет развитие социальной политики, где наличие детей не будет означать отказа от привычного образа жизни со своими увлечениями, планами, кругом общения. В истории человечества бездетные люди существовали всегда, особенность XXI века состоит в том, что личный выбор должен быть признан со стороны сообщества, где человек не будет ощущать морального прессинга. Количественно число сторонников чайлдфри составляет около 12 % в России, 20 % в Западной Европе и 30 % в Восточной Азии и Южной Европе. Безбрачие и бездетность одних социальных слоев всегда компенсируется многодетностью других. Поэтому чайлдфри следует рассматривать как маргинальную группу, не представляющую собой угрозы для социальной жизни.

Еще одним показательным феноменом современного общества становится мачизм. В своем первоначальном значении данное явление было связано с маскулинностью, атрибутами которой являются физическая сила, смелость, половая зрелость, господство над женщинами и агрессивность. Если чайлдфри отрицает традиционные ценности общества, то мачизм, наоборот, чтит ценности, которые культура соотносит с мужскими, высказывая презрение ко всем остальным. Средства массовой информации пропагандируют определенное мировоззрение и стиль жизни мужчинам, определяя для них устойчивые образцы поведения. Мачизм рассматривает женщину как сексуальный объект, наличие и использование которого является непременным условием утверждения собственной маскулинности. Крайней формой проявления мачизма явля-

ются сексизм и шовинизм, что недопустимо для демократических обществ. Принадлежность к мачизму выражается в культуре материального потребления, усилении потребительских настроений, вещизме, что приводит человека к господству материальных ценностей, а значит, и к примитивизации мышления, отказу от моральных законов ради упрощения жизни в социуме и, как следствие, духовной деградации отдельного человека и общества в целом. Человек и общество начинают жить для материальных предметов, во имя них, а не ради высших ценностей.

Не менее интересным кажется такое социальное явление, как «смартфонная наркомания». Сам термин обозначает зависимость современного человека от различных гаджетов и социальных сетей. Современная психология дала название этой болезни как «Одиночество в толпе». Человек может находиться в обществе, но большую часть свободного времени он тратит на общение в Интернете, которое почти никогда не выходит за рамки экрана. Современный человек настолько открыт миру, что все свои мысли, события и даже вещи личного плана становятся достоянием общественности. Без особых усилий можно отследить, где человек живет, чаще всего появляется, что ест, с кем общается, какие взгляды разделяет – и весь внутренний мир перестает быть чем-то интимным. Во многом данное явление обусловлено тем, что современное общество стремится контролировать не только социальное поведение человека, но и его внутреннюю жизнь. У человека не остается возможности помыслить в одиночестве и, как следствие, критически осмыслить современное общество. Принятые способы поведения, готовые нравственные оценки, отсутствие всяких нравственных ограничений, социальные стереотипы, транслируемые современным обществом, привели к формированию огромной массы людей одинаковых и легко управляемых в своей одинаковости. Пребывание наедине с собой для многих представителей современного поколения не имеет смысла, а одиночество пугает, поэтому общение между людьми заменяется зависимостью от средств общения. В современном обществе практически отсутствует позитивное отношение к одиночеству. Психологическое понимание этого явления как болезнен-

ного эмоционального состояния привело к нивелированию ценности одиночества как индивидуального феномена, имеющего решающее значение для самосознания и самопознания личности.

Современная социальная реальность характеризуется тем, что возможности человека обрести себя и свой внутренний мир сдерживаются тиранией общественного, анонимностью, безликостью отношений, пропагандой опасности одиночества, хотя в философии известно отношение к одиночеству как к мощнейшему стимулу для творчества и самопознания. Философы экзистенциализма и вовсе считали, что одиночество является изначальным и неизбежным положением человека в мире. Одиночество понимается как экзистенциальное состояние, возникающее вследствие осознания человеком своей отдельности, особенности, уникальности, неповторимости, предполагающее полную и осознанную ответственность за свою жизнь, определяющее степень внутренней свободы личности, выводящее человека за пределы собственного Я и обращающее к миру, расширяющее круг его интересов и позволяющее самому определять меру и границы самореализации. Современный человек не должен отказываться от сосредоточении души на самой себе, ценность созерцания всегда ставилась на первое место в философии. Философская мудрость способна осуществиться лишь вне сферы человеческого общества для того, кто это общество покинул.

Современная социальная реальность почти не дает человеку возможность обрести самого себя и свой внутренний мир. Пропаганда опасности одиночества, тирания общественным мнением, безликость отношений – это все похищает у человека собственные мысли и ощущение свободы, поэтому неудивительно, что в нашем столетии возникает такое явление, как дауншифтинг, которое является ответом на массовость общества. Дауншифтинг – это жизненная философия жизни ради себя и отказа от чужих целей. Одними из первых дауншифтеров были римский император Диоклетиан, отказавшийся от власти и удалившийся в поместье для выращивания капусты, Сиддхартха Гаутама, покинувший свой дворец, и Диоген, живший в бочке. Для дауншифтинга характерна радикальная смена карьеры, отказ от больших доходов и предметов роскоши. Все дауншифтеры отказываются

от стремлений, которые пропагандируются обществом: постоянное увеличение капитала, карьерный рост, накопление материальных благ. Чаще всего дауншифтерами становятся люди, которые не могут смириться со стереотипами современного мира, отказом от свободы и независимости. Истинный дауншифтинг – это сознательный отказ от ненужных материальных ценностей и максимальное упрощение жизни. С недавних пор с дауншифтерами в мире ведется активная борьба. Во многом эта борьба связана с тем, что дауншифтеры перестают быть потребителями, а значит, не берут в кредиты ненужных вещей, не тратят деньги в постоянной погоне за улучшенными моделями телефонов, автомобилей, не привязаны к месту работы долговыми обязательствами, а значит, всем своим образом жизни показывают, что свободны и не являются рабами вещей, а умеренное потребление и простая жизнь дают им больше счастья, чем всем остальным.

Во многом изменения современного общества и появление в нем различных социальных явлений, таких как дауншифтинг, мачизм, чайлдфри, смартфонная наркомания, обусловлены изменениями в ценностном мире человека. Упадок нравственности и духовное отчуждение человека – это лишь следствие того, что люди ставят на первое место те или иные ценностные ориентиры, делая выбор в пользу детей, одиночества, реализации мужского начала, бездетности, простой жизни, зависимости от общественного мнения и т. п. Социальная философия, изучая такие феномены, анализирует и прогнозирует направленность развития будущего общества.

Библиографический список

1. Ивин А.А. Основы социальной философии. М.: Высш. шк., 2005.
2. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1998.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
4. Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М., 1995.
5. Социальная философия / под ред. И.А. Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003.

ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Т.А. Заглодина

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет*

Синдром выгорания, профессиональные деформации, социальная работа.
Происходящие в обществе социальные перемены изменяют роль и место социальных работников, которые выступают посредниками между обществом и индивидом, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Они соединяют в своей деятельности функции психолога, адвоката, социального терапевта, педагога. При этом, с одной стороны, многогранность профессии предполагает комплексную, системную подготовку, с другой – требует дифференцированного подхода, при котором необходимо учитывать современные условия реализации социальной работы. Смещение конечной цели образования со знаний на «компетентность» позволяет решать проблему, типичную для российского образования, когда студенты могут хорошо овладеть набором теоретических знаний, но испытывают значительные трудности в деятельности, требующей использования этих знаний для решения конкретных задач или проблемных ситуаций.

PROBLEM OF PREVENTION OF THE SYNDROME OF EMOTIONAL BURNING OUT AT EXPERTS OF THE SOCIAL SPHERE

T.A. Zaglodina

Russian State Professional Pedagogical University

Burnout, professional deformation, social work.

What is happening in society social changes transforming the role and place of social workers, who serve as intermediaries between society and the individual is caught in a difficult situation. They combine their functions of a psychologist, lawyer, social therapist, teacher. While on the one hand, the diversity of the profession involves a comprehensive, systematic training, on the other hand, requires a differentiated approach, in which it is necessary to consider the modern conditions of realization of social work. The offset is the ultimate goal of education with knowledge on «competence» can solve the problem, typical for Russian education, when students can acquire a set of theoretical knowledge, but experience considerable difficulty in activities requiring the use of this knowledge to solve specific problems or problem situations.

Проблема профессионального стресса особенно остро заявила о себе в настоящее время. В современном постиндустриальном обществе меняется отношение людей к работе, работающие теряют уверенность в стабильности своего социального и материального положения, в гарантированности рабочего места, материального благополучия, обостряется конкуренция за престижную и высокооплачиваемую работу [5]. Параллельно идут процессы узкой специализации в профессии и одновременно глобализации со смежными отраслями, быстро меняются запросы рынка труда [2].

Человек, встречаясь с какой-то сложностью, не может полноценно реализовать накопившуюся энергию (вызванную физиологическим механизмом стресса), и тогда эта энергия начинает разрушать его самого. Вместо вполне нормальных стрессовых реакций, человека начинают разрывать на части механизмы дистресса, когда энергия не может реализоваться в каких-то конструктивных действиях [3]. В итоге у работника начинается синдром эмоционального выгорания.

В качестве причин, обуславливающих психическое выгорание, чаще всего указываются две группы факторов: индивидуальные характеристики личности и организационные (ситуационные) факторы, связанные с содержанием и условиями самой профессиональной деятельности: острота проблем, глубина контакта с клиентом, обратная связь, справедливая оценка результатов деятельности, рабочие перегрузки, продолжительность рабочего дня. Некоторые авторы выделяют и третью группу факторов [4], рассматривая содержательные аспекты деятельности в качестве самостоятельных. Так, Т.В. Форманюк выделяет личностные, ролевые и организационные факторы у К. Кондо соответственно: индивидуальные, социальные и «характер работы и рабочего окружения» [6].

По результатам исследований феномена выгорания в зарубежной и отечественной психологии можно составить социально-психологический портрет специалиста социальной сферы, у которого с наибольшей вероятностью может проявиться эффект психического выгорания. Наиболее склонны к выгоранию педа-

гоги, медики и социальные работники. Представители этих профессий чаще всего имеют дело с человеческими проблемами, несущими в себе значительный отрицательный эмоциональный заряд, который тяжким бременем ложится на их плечи.

С наибольшей вероятностью выгорание возникает у работников с высоким уровнем притязаний, считающих свою работу высокозначимой и общественно полезной. Люди, сгоревшие на работе, как правило, начинают трудиться, имея высокие идеалы и самые лучшие намерения. Но вместо решения острейших проблем своих клиентов работники вынуждены большую часть рабочего времени заниматься рутинной – писать громадное количество всевозможных отчетов, справок, формуляров и т.д. Неудачи в достижении целей, неспособность решить жизненно важные проблемы своих клиентов вызывают у них чувство разочарования, которое в конечном счете приводит к выгоранию. «Сгоревшие» работники начинают испытывать гнев, фрустрацию и отчаяние. Они могут срывать эти чувства на людях, которым должны помогать, или сдерживать свои эмоции, ведя себя холодно и отстраненно.

Так как выгорание нарастает постепенно, человек продолжает работать в том же режиме с тяжелыми психологическими перегрузками до тех пор, пока не наступают критические его проявления.

В ходе исследования, проведенного на молодых специалистах социальной сферы, выявилось, что двое опрошенных из шести находятся на 3 – последней стадии формирования синдрома эмоционального выгорания. Они отмечают эмоциональный дефицит и деперсонализацию. Причину развития синдрома они видят в высокой загруженности, большом объеме работы с бумагами, недоброжелательном отношении клиентов и в отсутствии заинтересованности руководителя в укреплении коллектива.

У двух респондентов сформирована 2 стадия – «резистенция», на фоне чего наблюдаются редукция профессиональных обязанностей, расширение сферы экономии эмоций. Сами респонденты списывают это на высокую загруженность и недостаточный профессионализм, тем самым стараясь повышать квали-

фикацию, посещая семинары и обращаясь за помощью к высококвалифицированным коллегам.

Из шести опрошенных у двоих синдром выгорания не выявлен, только формирование отдельных его симптомов, которые относятся к 1 стадии: тревога и депрессия. Эти состояния связаны с острыми переживаниями мелких неудач в работе.

Респонденты, у которых не выявлены профессиональные деформации отмечают, что им работа приносит удовольствие. Они знают о признаках и сути синдрома эмоционального выгорания и стараются их предупреждать, например, организовывая праздники в коллективе, участвуя в выездных мастер-классах или организации семинаров. Кроме того, отмечается высокая роль руководителя в формировании корпоративного духа коллектива, а также в мгновенной корректировке любого отклонения от нормы в эмоциональном состоянии работника.

Не стоит думать, что главная роль в предотвращении выгорания принадлежит руководству предприятия, профилактика рассматривается и как деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям. Механизмы профилактики обеспечивают регулятивную систему стабилизации личности, направленную прежде всего на уменьшение тревоги, и во многом определяют поведение личности, устраняя психический дискомфорт, который мешает продуктивной работе специалиста.

Способов снизить эффект выгорания очень много. Есть целые технологии, которые разработаны на основе индустриально-организационной психологии. Они позволяют повысить производительность труда, улучшить психологический климат и социальные показатели в организации, найти новые способы совладания с трудными ситуациями.

Эффективным способом преодоления эмоционального выгорания могут стать выработка и внедрение копинг-стратегий в профессиональную деятельность специалиста [1].

Копинг-стратегии (англ. *Coping – справляться*) – это стратегии действий, предпринимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному

благополучию, осуществляемые в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах функционирования личности и ведущие к успешной адаптации. Они включают когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие для уменьшения или разрешения условий, порождающих стресс.

Большинство исследователей придерживаются единой классификации способов совладания со стрессом:

копинг-стратегии, воздействующие на ситуацию (например: планирование решения проблемы. Преодоление проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов);

когнитивные стратегии, направленные на переоценку ситуации (например: положительная переоценка. Преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. Характерны ориентированность на надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием);

усилия, направленные на снятие эмоционального напряжения (например: дистанцирование. Преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. Характерно использование интеллектуальных приемов рационализации, переключения внимания, отстранения, юмора, обесценивания и т. п. Самоконтроль. Преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на восприятие ситуации и выбор стратегии поведения, высокий контроль поведения, стремление к самообладанию. Поиск социальной поддержки. Разрешение проблемы за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки.

Объединение защитных механизмов и копинг-механизмов в целостную систему психологической адаптации личности пред-

ставляется вполне естественным и целесообразным, так как механизмы приспособления личности к стрессовым и другим жизненным ситуациям чрезвычайно многообразны и формируются при осознании и принятии целей, методов, своей роли (и ее границ). Они варьируются от активных гибких и конструктивных копинг-стратегий, до пассивных, ригидных и дезадаптивных механизмов психологической защиты.

Итак, обязательными условиями профессионального развития личности являются осознание работником приемов профессионального самосохранения, которое рассматривается как способность личности противостоять негативно складывающейся социально-профессиональной ситуации, максимально актуализировать профессионально-психологический потенциал (в условиях дестабилизации профессиональной жизни), противостоять профессионально обусловленным кризисам, стагнации, деформациям, а также готовность к профессиональному самоизменению.

Наличие четкой и осознанной жизненной перспективы дает социальному работнику мощные стимулы к творчеству, рождает оптимистическое мироощущение, формирует интерес к будущему как полю самореализации.

Библиографический список

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М.: Наука, 1996. 154 с.
2. Макарова Г.А. Синдром эмоционального выгорания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2>
3. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. № 22. 1. С. 90–101.
4. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://new.psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2901>
5. Экспертный клуб. Синдром эмоционального выгорания.doc [Электронный ресурс]. URL: [http://vtrc.ru/assets/files/ Экспертный клуб. Синдром эмоционального выгорания.doc](http://vtrc.ru/assets/files/Экспертный_клуб.Синдром_эмоционального_выгорания.doc)
6. Dion G. Le burnout chez les educatrices et garderie: proposition d'un modele theorique // Apprentissage et Socialisation. 1989. V. 12 (4). P. 205–215.

ХИППУЕМ В БУДУЩЕЕ

В.В. Зазулина,

С.П. Штумпф

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Хиппи, трасса, коммуна, тусовка, субкультура.

Статья посвящена изучению движения субкультуры хиппи, проблемам столкновения их интересов с политической идеологией стран, в которых это движение процветало. Рассматриваются инновационные взгляды молодого поколения на различные сферы жизни государства и общества. Данная тема актуальна среди людей всех возрастных категорий и социальных слоев, поскольку новые идеи всегда вызывают сопротивление со стороны приверженцев старых систем.

HIPPOES IN THE FUTURE

V.V. Zazulina

S.P. Shtumpf

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Hippie, road, commune, party, subculture.

The article is devoted to the study of the movement of the hippie subculture, the problems of the clash of interests with the political ideology of the countries in which the movement flourished. Examines innovative views of young generation on various spheres of life of state and society. This topic is relevant among people of all ages and social strata, because new ideas always arouse opposition from the adherents of the old systems.

Слово «хиппи» произошло от слов «хип» или «хипстер», употребляемого битниками (название группы американских авторов, работавших над прозой и поэзией) для описания кого-либо, являющегося частью их сцены. Буквально это значит «знать». Сами хиппи себя так никогда не называли. Они предпочитали зваться «прекрасные люди, дети цветов». Однако средства массовой информации обыграли термин «хиппи» и использовали его повсюду, чтобы описать массы молодых людей, отрачивающих длинные волосы, слушающих рок-музыку, употребляющих наркотики, практикующих свободную любовь, съезжа-

ющихся на различные фестивали и концерты, устраивающих демонстрации в знак протеста существующей власти и отвергающих массовую культуру 60-х гг.

Началом движения хиппи следует считать 1965 г. В США впервые в печати появилось слово «хиппи» (5 сентября 1965), использованное Майклом Фаллоном, журналистом из Сан-Франциско. Данная субкультура появилась в элитной молодежной среде как результат увлечения новой модой на внешний вид, музыку, а затем и образ жизни. Поскольку хиппизм первоначально прижился в среде так называемого «хай-лайфа» (красивая жизнь), он долгое время оставался немногочисленным. Но постепенно социальная база движения расширилась и демократизировалась, так как доступ к источникам информации, записям музыки, предметам модной одежды стал возможным также для подростков и молодых людей из других социальных слоев. Было модно протестовать против пуританской морали традиционной Америки под знаком пропаганды возвращения к природной чистоте под лозунгом «любовь и пацифизм».

Субкультура советских хиппи появилась в конце 60-х гг. XX в., на исходе «хрущевской оттепели». Это движение подразумевало некий вызов советской системе. Движение хиппи в СССР было распространено весьма немногочисленно. В массовом сознании слово «хиппи» вызывало ассоциации скорее негативные – хиппующий молодой человек воспринимался как неопрятно одетый юноша с длинными волосами, бездельник, выпивоха и наркоман, часто аполитичный и безыдейный. Такой образ противопоставлялся образу советского человека, строителя коммунизма – опрятно одетому и коротко подстриженному, целеустремленному, обладающему четкими политическими воззрениями по поводу «линии партии».

Идеологические взгляды хиппи заключаются в следующем. Человек должен быть свободен, прежде всего внутренне. Свободен человек и в любви, способствующей единению людей. Хиппи проповедуют пацифизм, призывают не отвечать на насилие насилием, выступают против службы в армии. Они верят в высшую реальность, существующую наряду с обыденной, в которой мы все живем. Выйти к ней можно через изменение сознания посредством

искусства. Отсюда интерес к творческой деятельности, отчасти религиозность. Хиппи – романтики, любящие все яркое, оригинальное, творческое. По их убеждению, галлюциногены и психоделики также способствуют расширению сознания, создают условия, в которых человек начинает осознавать в себе наличие души.

Стремление к естественности выражается в желании не изменять того, что происходит само собой (например, не стричь волос), не производить активных, целенаправленных действий, бездействовать, быть непритязательным в быту, уметь переносить невзгоды и лишения. Они хотят быть независимыми от общественных условностей.

Хиппи положили начало движению за экологию. Они основали и поддерживали такие организации, как «Гринпис», «Сначала Земля», «Друзья Земли». Они лоббировали конгресс и принимали прямые действия против тех, чьи единственные интересы были сконцентрированы на экономической выгоде. Хиппи призывали использовать натуральные ингредиенты во всем от тканей до шампуня. Они выступали за производство продуктов, отходы от которых разлагаются биологическим способом. Добились того, чтобы каждый продукт имел этикетку с указанием всех его ингредиентов. Бойкотировали те компании, чье производство или продукты загрязняли окружающую среду, испытывались на животных; компании, производящие опасные химические вещества и оружие. Отвергали поклонение материальным ценностям.

Хиппи изначально аполитичны. Живя вне «цивильного» общества, в мире, основанном на любви, дружбе и взаимопомощи, они предпочитали менять мир своим творчеством, жить вне политизированного строя.

Существует набор символических знаков, представляющих данную субкультуру. К ним относятся следующие. Старый разукрашенный яркими красками микроавтобус. На них группы хиппи любили ездить по небольшим консервативным американским городкам и шокировать их обитателей разными выходками. Пацифик – по убеждению представителей субкультуры символизирует вечный мир между людьми. Он является также логотипом Организации ядерного разоружения, используемым для антивоенных демонстраций. Дао или мандала (Инь Янь), утверждающий гар-

моничность мироздания. Применительно к человеку как микрокосму – это высший уровень развития личности.

К основным формам времяпрепровождения представителей хиппи относятся тусовки, коммуны, трасса. Тусовки – это четко установленные места встреч на улицах каждого крупного города. Во время тусовок хиппи беседуют, встречают знакомых, договариваются о делах, обмениваются информацией. Коммуны (общины) – главная форма их самоорганизации, где хиппи могут жить на собственный лад при поддержке общества и где соседи терпимо относятся к ним. Обычно это незаселённые пустующие дома в городах, но чаще усадьбы вдали от цивилизации. Трасса (путешествия). Хиппи обычно продвигаются двойками, четверками, шестерками. Нужно как можно дольше проехать на электричке, выйти на большую трассу и здесь поймать грузовик (лучше всего КамАЗ). Шофер, которому скучно в пути, обычно доволен, что приобрел собеседников, и не требует денег. Если кончились продукты и деньги, хиппи рассчитывают на то, что их накормят случайные попутчики, деревенские жители, другие хиппи в городах.

Внешний вид представителей данной субкультуры весьма оригинален. Дети цветов проповедовали свободу не только в мыслях и поведении, но и в одежде. Они тяготели к этнической культуре коренных жителей Америки, но постепенно вносили и что-то свое. Среди обязательного набора вещей хиппи – джинсы с вышивкой, оригинальные пояса, пестрые кофточки и топики, длинные юбки, плетеная или лоскутная сумка с бахромой, брюки-клеш, этническая бижутерия, вещи из замши, открытые сандалии или шлепанцы на босу ногу, туника или длинное тонкое платье (с высоко поднятой линией талии), фенечки из бисера, банданы, шарфы, платки, пончо, жакеты, очки с цветными стеклами, браслеты на руках и щиколотке ног, кольца, ожерелья, украшенные символами инь-ян и другими восточными символами.

Все хиппи носили длинные распущенные волосы, обычно расчесывая их на центральный пробор. Лоб и затылок охватывает тонкая повязка хайратник. Многие мужчины отпускают бороду.

Хиппи являлись яркими приверженцами вегетарианства. Натуральным продуктам, особенно со своего огорода, всегда отдавалось предпочтение. В наши дни магазины здоровой пищи от-

крыты буквально в каждом городе. Это непосредственный результат любви хиппи к здоровой, качественной и свежей пище. Хиппи помогли принять законы, регулирующие органическое производство.

Наиболее характерными для культуры хиппи являются такие лозунги, как:

«Give Peace A Chance» – Дайте миру шанс (по названию песни Джона Леннона);

«All You Need Is Love!» – Всё, что тебе нужно, – это любовь! (по названию песни The Beatles);

«Make love, not war!» – Занимайтесь любовью, а не войной!

В настоящее время в России организуются хиппи-фестивали: «Российская Радуга», летнее собрание вблизи водопада Шипот (на Украине); ежегодные встречи в Москве 1 апреля «на Гоголях», и 1 июня в Царицынском парке. Уличные тусовки не имеют большого распространения и являются скорее временным прибежищем для совсем молодых хиппи. Кроме того, они сильно дифференцированы и разбавлены представителями иных субкультур, включая всевозможных готов, эмо, байкеров и других.

Светлые люди, не нашедшие своей ниши в традиционной общественной системе, вынуждены постоянно противостоять ей. Их идеи отрицания любого вида насилия, противостояния военным действиям, борьбы за экологическое здоровье планеты мы поддерживаем сегодня, и готовы проводить в будущее.

ИЕРАРХИЯ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЛАСТИ

А.Г. Китариогло

В.В. Минеев

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Властные отношения, формы проявления власти, иерархические отношения.

В статье приводится попытка обоснования гипотезы о наличии иерархии между основными формами проявления властных отношений, приводятся критерии факторов оценки, делается вывод о практической востребованности такого подхода.

HIERARCHY OF POWER MANIFESTATION FORMS

A.G. Kitarioglo,

V.V. Mineev

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev*

Relations of dominance and subordination, power manifestation forms.

In the article the author makes an attempt to confirm the hypothesis that there is a hierarchy of power manifestation forms, gives criteria for assessment factors, and argues this approach to be useful.

Все сферы социальной жизни пронизаны властными отношениями. Очень часто там, где есть хотя бы два субъекта взаимодействия, отношения между ними приобретают иерархический характер. Традиционно властная проблематика рассматривается с привязкой к её носителям: личностям, социальным институтам. Однако за последнее столетие некоторые исследователи отмечают продуктивность такого подхода в рассмотрении природы власти, при котором на первый план исследования выходит её неинституциональный смысл¹.

Властные отношения существуют и проявляются в виде различных форм реализации власти – экзистенциальных ситуаций власти, основными из которых являются: авторитет, управление, подавление, подчинение, принуждение, насилие, владение, господство, манипуляция.

Для удобства дальнейшего рассмотрения условимся именовать осуществляющего власть Агентом властных отношений, а подчиняющегося – Реципиентом.

В случае несогласия с волей власти имущего, но в силу ультимативности свойства самой власти Реципиент испытывает большую степень собственной инструментальности, становясь объектом властных отношений. Тогда они характеризуются как принуждение, насилие.

Властные отношения типа «управление» происходят осознанно, открыто и добровольно с обеих сторон, наиболее кон-

³ См. например: Соловьева С.В. Феномены власти в бытии человека.

структивны, психологически комфортны и созидательны. Происходит парное взаимонаправленное взаимодействие: руководитель (управляет), подчинённый (подчиняется) – оба вместе осознают необходимость иерархических отношений для достижения общей цели.

Властные отношения типа «подавление» происходят осознанно, открыто и добровольно со стороны Агента, но не имеют добровольного принятия Реципиентом. Подавление не предполагает конструктивного, созидательного взаимодействия и используется, как правило, Агентом для устранения / подавления влияния / активности Реципиента. Реакцией-состоянием последнего является вынужденное самоограничение.

Властные отношения типа «манипуляция» имеют место тогда, когда Агент скрывает или подменяет для Реципиента истинные цели своего властного воздействия на ложные, декларируемые. При манипуляции действия как деятельности (предполагающей сознательное соотнесение целей и средств) нет. Состояние Реципиента может быть описано синдромом Жертвы, т.к. он реализует как минимум две цели: истинную, фактическую, которая лежит за горизонтом его сознания, и номинальную, декларируемую, которая является инструментальной по отношению к первой.

Введём три базовые характеристики властного взаимодействия и рассмотрим вышеперечисленные формы проявления власти по отношению к ним:

локализация источника принуждающей силы – характеризует положение источника силы властных отношений между полюсами внешней и внутренней локализации, т. е. по степени чуждости / близости источника властного импульса самому Реципиенту;

осознанность подчинения – показатель степени принятия Реципиентом мотива и необходимости подчинения;

величина силы воздействия – показатель необходимого количества усилий Агента для обеспечения успешного акта подчинения.

Таблица²

Форма	1	2	3
Насилие	↓ извне внутри	↓ локализация источника силы	↓ осознанность подчинения
Принуждение			
Господство			
Владение			
Подавление			
Подчинение			
Управление			
Манипуляция			
Авторитет			

Анализ форм властных отношений согласно трём выбранным базовым характеристикам демонстрирует прямую зависимость первого и второго фактора и обратную зависимость третьего, что позволяет говорить о наличии иерархических отношений между формами властных отношений внутри каждого из этих трёх факторов.

Полными формами проявления власти являются насилие и авторитет.

В случае насилия Реципиент испытывает властный импульс как максимально чуждый, не разделяет его мотива и требуется максимальное усилие со стороны Агента властных отношений для достижения акта успешного подчинения.

В случае властного воздействия по типу авторитета наблюдается максимальная причастность Реципиента мотиву воздействия, максимально близкая ему же локализация импульса, и, соответственно, требуется минимальное усилие для достижения акта успешного подчинения.

Прямым практическим следствием наличия иерархических отношений между основными формами проявления власти является, с одной стороны, возможность более точного, инструментального определения конкретного типа властных отношений, с другой – возможность получения требуемого типа властных отношений с помощью перемещения воображаемого слайдера в пределах трёх вышеупомянутых критериев.

² Стрелкой показано направление возрастания / изменения фактора.

Библиографический список

1. Соловьева С.В. Феномены власти в бытии человека: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Самарский гос. ун-т. Самара, 2008.
2. Китариогло А.Г. К вопросу о власти как предмете междисциплинарного исследования // Человек, семья и общество: история и перспективы развития»: материалы Всероссийской научно-практической конференции (20 ноября 2014 г.) Красноярск, «КГПУ», 2014. С. 57–61.
3. Орехов А.М. Социальная философия: Предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М.: Либроком, 2011. 272 с.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Н.Н. Клещина

*Московский государственный университет технологий
и управления им. К.Г. Разумовского*

Языковое образование, современная ситуация, переориентация, международное взаимодействие, региональная языковая политика.

В статье рассматривается проблема релевантности обучения иностранным языкам в нашей стране в период осложнения внешнеполитической ситуации, оценивается эффект незнания иностранного языка российским обществом, приводятся примеры социальных проектов по языковой образовательной деятельности, предлагаются пути повышения эффективности отечественного языкового образования в условиях сегодняшнего дня.

LANGUAGE EDUCATION IN RUSSIA IN TERMS OF POLITICAL TURMOIL

N.N. Kleshchina

*Moscow State University of Technologies and Management
named after K.G. Razumovskiy*

Language education, the current situation, reorientation, international cooperation, regional language policy.

The article discusses the relevance of foreign language learning in Russia in terms of political instability. Although the relationships between Russia and the West have been recently worsened, Russia continues to take part in cross-cultural relationships, carry out international projects, host world cultural and

educational events. The article considers the effect of not knowing foreign languages by the Russian people, while foreign language illiteracy may lead to negative consequences. There are given some examples of social projects on language educational activity, and suggested ways of improving language education nowadays.

Динамично меняющаяся парадигма международных взаимоотношений диктует новые требования к системе отечественного образования, в том числе и в области изучения иностранных языков. В результате осложнения политических отношений между РФ и ведущими западными странами перспективы ряда направлений международного сотрудничества с ними поставлены под сомнение. Ухудшение отношений с Европой и США и переориентация российской экономики на Восток приводят к значительным изменениям на отечественном рынке лингвистических услуг. Спрос на языковое знание в российском обществе сегодня претерпевает существенные изменения, однако для эффективной реорганизации языкового образовательного процесса необходимо учитывать фактическую грамотность российского населения в области иностранных языков.

Какова ситуация с языковым знанием в РФ на данный момент? Согласно проведенным опросам, лишь каждый двадцатый россиянин считает, что владеет иностранным языком свободно, т. е. мог бы по мере надобности осуществить все вышеперечисленные социально-коммуникативные действия. Еще 33 % российских граждан считают, что способны к общению, но на самом элементарном уровне, недостаточном для нормальной коммуникации, особенно в деловой или научной среде. Это не удивительно, отсутствие практического взаимодействия с иностранными гражданами большинства россиян ведет к тому, что языковые компетенции многих из них остаются ограниченными чтением и переводом. Согласно опросам, только 38 % респондентов хоть иногда применяли языковые знания на практике. Только 7 % опрошенных осмелились применять языковые знания в зарубежных поездках и столько же – при пользовании компьютером и на работе. Наконец, оставшееся большинство соотечественников совершенно не знают иностранных языков¹.

¹ <http://www.rg.ru/2013/07/24/yazik-site.html>

При этом использование английского языка не ограничено общением с американцами, англичанами, австралийцами и канадцами, т. е. представителями англоязычных стран, политические и экономические отношения РФ с которыми ухудшились в свете недавних политических событий. Английский язык – медиум глобальной коммуникации, и хотя в общении с его естественными носителями, а также пользователями из континентальной Европы его использование в нашей стране уменьшилось за последнее время, актуальность этого языка как посредника при общении россиян с представителями других мировых регионов – Африки, арабских стран, латинской Америки – продолжает оставаться высокой.

В глобальной социально-экономической среде иноязычные компетенции, в том числе и в общении с представителями западных держав, оказываются востребованными в целом ряде межкультурных событий, отказ от участия в которых для любой солидной мировой державы, включая нашу страну, неприемлем, поскольку означает признание собственной слабости и политической несостоятельности.

Значимым примером крупного международного мероприятия в РФ можно считать прошедшие в феврале 2014 года в Сочи Олимпийские игры. Понимая необходимость языкового совершенствования, городские сочинские власти приняли меры по формированию языковых компетенций у населения города. В апреле 2011 года началось осуществление ряда языковых образовательных проектов. В рамках одного из них для сочинцев начали действовать бесплатные курсы английского языка. Однако за три года принимаемые меры не принесли требуемого результата и сочинцы так и не заговорили по-английски. Проводимые курсы в полумиллионном городе посетили всего несколько сотен человек. Среди причин неудач отмечались просчеты рекламной деятельности, недостаток количества занятий, а также некомпетентность преподавателей, большинство из которых были студентами-волонтерами⁵.

Тем не менее межкультурное взаимодействие нашей страны с мировым сообществом продолжается, на очереди новые

² <http://www.stadium.ru/News/Theme/22?Alias=25-10-2013-jiteli-sochi-tak-i-ne-viuchili-angliiskii-yazik-k-olimpiiskim-igram>

крупномасштабные проекты, например чемпионат мира по футболу 2018 г.

Таким образом, в условиях сегодняшних социально-политических реалий языковое знание продолжает оставаться на сущностной профессиональной компетенцией. Социальные ориентиры и управленческие пути его формирования приобретают специфические особенности. Сегодня наше общество нуждается в такой языковой образовательной системе, которая могла бы учитывать различные пути развития международной ситуации, гибко реагировать на изменения в общественном заказе на языковое знание, а также принимать во внимание региональное экономическое развитие и соответствующие коммуникативные потребности местных социумов.

Например, региональная образовательная политика в области изучения иностранных языков должна учитывать: региональное дву- и многоязычие, фактический языковой реестр, положение языков малых народов и т. д. Расположение Российской Федерации в различных мировых регионах и потребности в иностранных языках в ее субъектах существенно различаются. Например, на Дальнем Востоке наиболее популярными являются китайский и японский языки, тогда как в целом по стране на китайском языке говорит менее 1 % российского⁶ населения, что составляет менее 7 % от числа россиян, владеющих каким-либо иностранным языком. Также следует принимать во внимание общий вектор развития политических отношений РФ с мировым сообществом и тенденции становления и развития крупных государств (Китай) и регионов (Арабские страны, Латинская Америка и т.д.), чья экономическая и социальная среда оказывает все возрастающее воздействие на глобальную политическую ситуацию, а следовательно, и межкультурную коммуникацию.

К сожалению, по политическим причинам сегодня в нашей стране наблюдаются уменьшение международного сотрудничества, резкое сужение межкультурного коммуникативного поля. Но формируемое в таких условиях языковое знание, если ему не содействовать, может настолько ослабеть, что будет неспособ-

³ <http://www.levada.ru/28-05-2014/vladienie-inostrannymi-yazykami>

но обеспечить содержание языковой коммуникации на последующем этапе интенсификации международного сотрудничества.

Для решения поставленной задачи управление языковой образовательной деятельностью должно осуществляться со стратегической позиции. Необходимы совместные усилия ученых для разработки системы социальной и социологической диагностики языкового образования и знания. Оценка языковых и речевых способностей российского населения должна опираться на социальные параметры, как, например, это уже делается за рубежом, по т. н. технологии «Языкового портфеля» – протокол языковой образовательной траектории индивида – досье его языковых способностей и практического опыта межкультурной коммуникации, являющегося также инструментом учебной рефлексии и самостоятельного языкового обучения. Становится все более актуальной и концепция развития социально-ориентированного языкового образования, в котором в роли обучающихся выступают не только педагоги, но и другие члены общества, способные оценить социально-коммуникативные способности учащегося. В результате научно обоснованного управляемого языкового воздействия на личность и социум в целом в нем происходит трансформация культурных ценностей, формируется наднациональное сознание и даже новое понимание собственной роли в общественном мироздании. Народное языковое образование может, таким образом, выступать в роли инструмента формирования человека и общества нового типа с более высоким уровнем культуры, социальной терпимости, способностью понимания и принятия языковых и культурных особенностей других наций и рас, долгосрочного взаимовыгодного сосуществования с ними.

Библиографический список

1. Жители Сочи так и не выучили английский язык к Олимпийским играм. URL: <http://www.stadium.ru/News/Theme/22?Alias=25-10-2013-jiteli-sochi-tak-i-ne-viuchili-angliiskii-yazik-k-olimpiiskim-igram>
2. Насколько хорошо в России знают иностранные языки? URL: <http://english-spanish.ru/naskolko-horoshho-v-rossii-znayut-inostrannyie-yazyiki.html>
3. Половина россиян владеет иностранными языками. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/24/yazik-site.html>

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

**Л.А. Лоскутникова,
С.В. Костылев**

Сибирский федеральный университет

Потребность, интерес, цель, активность, социально-культурная активность, установка, ценность, творческий потенциал личности.

В статье рассматривается механизм формирования активности личности. Предлагаются различные модели взаимодействия между потребностью, интересом, целью, активностью, установкой и ценностью.

FACTORS OF FORMATION OF WELFARE ACTIVITY OF THE PERSONALITY

**L.A. Loskutnikova,
S.V. Kostylev**

Siberian Federal University

Requirement, interest, purpose, activity, welfare activity, installation, value, creative potential of the personality.

In article the mechanism of formation of activity of the personality is considered. Various models of interaction between requirement, interest, the purpose, activity, installation and value are offered.

Осознанная активность является отличительной чертой личности как биосоциального субъекта и объекта, который является носителем общественных и культурных ценностей. Именно осмысление и сознание во всех действиях человека, стремление к постижению истин, желание и, что самое главное, возможность реализации сущностных сил и обогащения духовного мира делают его отличным от представителей фауны.

Осуществляя движение в процессе социального развития, люди накапливают культурный опыт во всем многообразии ценностей, в итоге отражая неповторимую специфику культуры, создаваемой человеком. И активность социально-культурная как особый тип является источником развития творческого потенциала личности, преобразующего окружающую действительность в позитивном направлении, что позволяет поддерживать и накапливать культурное наследие социума.

Итак, социально-культурная активность представляет собой «интегральное качество личности, отражающее ее жизненную позицию, находящее свое выражение в нравственно-мотивированном стремлении и готовности участвовать и проявлять инициативу в деятельности, связанной с созданием, освоением, сохранением и дальнейшим развитием ценностей культуры» [1]. Акцентируя внимание на социальности, мы должны понимать, что личностный рост осуществляется непременно в процессе социализации, когда из человека, рожденного существом лишь биологическим, формируется духовно-богатая личность. Соответственно, прежде чем личность сможет развиваться сама и позитивно преобразовывать окружающий мир, необходимо стимулировать ее личностный рост. Поэтому необходимо определить механизм формирования активности, которая и является залогом развития.

Итак, приступая к разговору об активности, мы должны обратиться к личности, являющейся ее носителем, и определить ее строение. И в первую очередь необходимо остановиться на уровнях психических проявлений, характерных для личности. Согласно теории А.Ф. Лазурского и С.Л. Франка, индивидуальность человека определяется не только внутренними психическими процессами, психофизиологическими элементами и их взаимодействием, которые относятся к эндопсихическим проявлениям, но и экзопсихическим уровнем, который характеризуется отношениями человека с окружающим его миром [3]. Так, А.Ф. Лазурский делит такие отношения на 15 видов, начиная при этом с объективно существующих материальных объектов, окружающих человека, постепенно переходя к абстрактным категориям, таким как мораль, религия, знание и искусство. Последней категорией, которую необходимо отметить отдельно, будет являться отношение к собственному Я. Выделенные же им виды отношений, являются не чем иным, как «интересами» личности.

Ядро личности – эндопсихика – находится под постоянным воздействием экзопсихики, вследствие чего врожденные черты первой могут с течением времени трансформироваться, адаптируясь под окружающее пространство, либо дополняться новыми чертами, рожденными искусственно. Таким образом, происходят процесс адаптации индивидуальности человека под внешние

условия, корректировка его поведения, необходимая для определения своей ниши, где возможно комфортно вести жизнедеятельность и заниматься саморазвитием. Причем развитие черт происходит постоянно, отражая достигнутый уровень богатства личности, выражающийся в интенсивности и сознательности психических проявлений. Высшим же этапом развития личности является концентрация на определенном роде деятельности, где возможна полноценная реализация своих возможностей.

Уровни взаимодействия эндо- и экзопсихических проявлений представлены в таблице.

Уровни взаимодействия эндо- и экзопсихических проявлений

Уровень развития	Характеристика
Низший уровень	Внешние факторы оказываются сильнее личностных характеристик и подчиняют психику человека. «Недостаточно приспособленные»
Средний уровень	Человек выбирает род деятельности и способ существования сознательно, чем обеспечивает себе духовный и физический комфорт. «Приспособившиеся»
Высший уровень	Проявление творчества, где человек даже в неблагоприятной обстановке приспособливает среду себе. «Приспособляющие»

Мы видим определенную взаимосвязь эндо- и экзопсихического уровня и можем говорить о том, что личностный психический рост возможен только при условии развития отношений с окружающим миром. Поскольку даже богато одаренная в плане талантов личность не сможет реализоваться без взаимодействий с окружающей действительностью. Учитывая тот факт, что, начиная рассматривать уровни психики, отношения с миром явились именно «интересами» личности, мы делаем вывод о том, что для развития сущностных сил человека необходимо расширение именно сферы его интересов.

Итак, рассмотрим, что представляет собой понятие «интерес». Во-первых, стоит сделать акцент на том, что интерес как таковой является прерогативой именно человека как члена социума, обладающего сознанием. Соответственно, совершая деятельность любого рода, человек выбирает для себя цель и определен-

ное направление, в котором движется, при этом рационально выбирая пути и средства достижения этой цели [4].

И конечно, в основе любой активности, будь то человек или животное, лежит потребность. Таким образом, потребность, лежащая в основе действий, побуждает двигаться в определенном направлении. Интерес, таким образом, будет выступать осознанной потребностью, своего рода абстрактной направленностью к цели, в основе которой лежит желание удовлетворить первичную потребность. Мы можем представить элементарную модель для данного процесса на рис. 1.

Потребность → Интерес → Цель

Рис. 1. Модель взаимодействия «Потребность, интерес, цель»

Потребности принадлежат внутренним условиям функционирования и развития живых организмов, и увидеть их наглядно не представляется возможным. В то время как интерес является показателем существующих потребностей, на основе которых возможно сделать выводы о росте и развитии личностных качеств. Биологические потребности как проявления физического необходимы лишь для поддержания жизни. Социальные же потребности являются прерогативой сущности личности, имея под собой огромный потенциал в вариациях отношений с внешним миром, а именно широкий спектр интересов, дающий возможность реализоваться в жизни. Соответственно, удовлетворив биологические потребности низшего порядка, необходимые для существования, личность должна переходить к удовлетворению потребностей следующих уровней социальной природы. При этом социальные потребности носят как субъективный, так и объективный характер, учитывая не только особенности и интересы отдельной личности, но и обращаясь к требованиям и установкам общества.

Итак, выше мы воспроизвели условную модель того, как потребность превращается в интерес – направление деятельности, вследствие чего личность ставит перед собой определенную цель. Поставив же ту или иную целевую установку, человек начинает совершать активность в сторону совершения действия. Рассмотрим механизм функционирования активности.

Когда личность определила для себя цель, она начинает двигаться к ее достижению. Таким образом, совершается активность в сторону деятельности. Дойдет же человек до стадии активности только в том случае, если будет сформирован механизм мотивации этой активности, а именно стимулы и мотивы. Так, мотив, действуя изнутри, представляет собой механизм побуждения на основе чувств, желаний и стремлений. Стимул, в свою очередь, действует извне – побуждение на основе необходимости, внешнего импульса [5].

В целом активность, подкрепленная мотивами и стимулами, порождает установку – модель именно этого вида активности в определенной ситуации, в отношении какого-либо предмета или явления. В свою очередь, взаимодействие мотивации, активности и установки порождает такое явление, как диспозиция, которая определяет предрасположенность к определенному поведению вообще, в основе которого лежат социально-культурные нормы и ценности. Данное взаимодействие схематично можно представить на рис. 2.

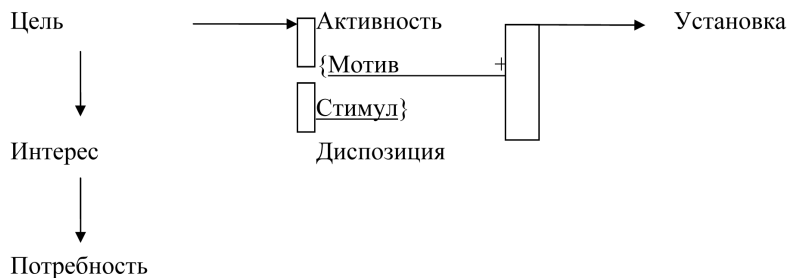

Рис. 2. Модель взаимодействия
«Потребность, интерес, цель, активность, установка»

Итак, все потребности людей, и биологические, и потребности высшего порядка, социализированы, то есть они преломляются через достигнутый уровень культуры и социальных отношений, что позволяет выстраивать модель соответствующего поведения. Поведение, в свою очередь, регулируется не только самой личностью, но и общественными установлениями, то есть оно испытывает на себе влияние извне. Широта интересов человека охватывает большее

число отношений с окружающим миром, благодаря чему повышается социально-культурная адекватность личности и выстраивается идеальная в данных условиях модель поведения [6].

Рассматривая взаимодействие эндо- и экзопсихических проявлений, мы отметили, что черты, приобретенные в процессе жизнедеятельности, могут стать наклонностью личности, вызывая, таким образом, потребность в удовлетворении желаний, побуждаемых этой наклонностью, то есть приобретенные социальные потребности в итоге будут априори регулировать поведение, становясь чертами личности.

Рассмотрев значение поведения в цепочке активности личности, мы можем отметить следующий этап – деятельность, которая является процессом удовлетворения изначальной потребности. Интерес как направление деятельности позволяет побудить человека к действию, то есть совершить активность до момента удовлетворения потребности. Однако осуществление дальнейшей активности как постоянного качества личности в данной сфере возможно только тогда, когда в процессе деятельности по удовлетворению потребности человек заинтересуется ею [2]. При осознании же того факта, что эта деятельность заинтересовывает личность, она становится ценностью. При этом деятельность, осуществляемая личностью должна быть свободной, иначе она не сможет достигнуть стадии заинтересованности, а следовательно, не станет и ценностью. Ценность же наравне с чертами личности становится потребностью, восприятие и удовлетворение которой становится постоянным желанием (рис. 3).

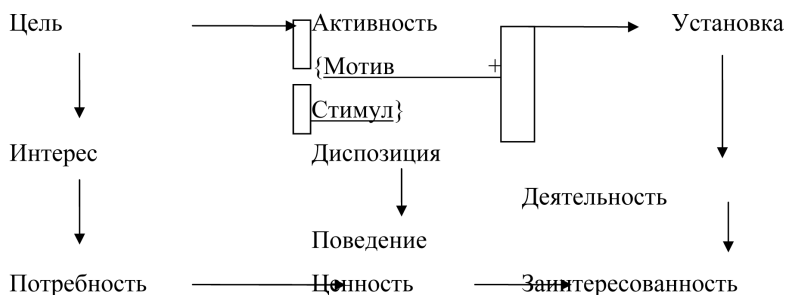

Рис. 3. Модель взаимодействия «Потребность, интерес, цель, активность, установка, ценность»

В итоге, учитывая все аспекты процесса удовлетворения потребностей, мы смогли определить механизм постоянной активности личности. Она становится присуща образу жизни человека только в том случае, если та или иная деятельность, имея статус ценности, становится потребностью личности, которая, в свою очередь, толкает человека на дальнейшие действия. Источником развития всегда является движение, без которого личность априори не может развиваться и успешно социализироваться. Поэтому стимулирование к постоянной активности, к движению, должно осуществляться как сознанием самой личности, так и со стороны внешнего мира. Выведенная модель характерна для активности во всех сферах социальной жизни людей. Нас же интересует именно социально-культурная активность как качество, развивающее личность именно в плане духовном, сферу интересов и потребностей высшего уровня, направленного на творчество, самореализацию, как итоговый этап социализации, формирующий полноценное Я.

Библиографический список

1. Ариарский М.А. Прикладная культурология / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, Ассоц. музеев России. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ЭГО, 2001. 287 с.
2. Бернацкий В.О. Интерес: познавательная и практическая функции: монография. Томск: Томский университет, 1984. 167 с.
3. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии: монография / Российская академия наук. Институт психологии. М.: Наука, 1997. 446 с.
4. Михайлова Л.И. Социология культуры: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям. М.: Дашков и К, 2008. 395 с.
5. Стрельцов Ю.А. Педагогика досуга: учебное пособие для студентов вузов культуры и искусств. М., 2010. 307 с.
6. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 492 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

О.В. Мясоутов

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

Политическое сознание, модернизация, общество.

В период модернизации политическое сознание становится важнейшей составляющей процесса трансформации, а его изменение обуславливает перемены во всех сферах социальной жизни. В данной статье с позиции социальной философии освещается проблема соотношения политического сознания и процесса модернизации.

POLITICAL CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

O.V. Myasoutov

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev*

Political consciousness, modernization, society.

During modernization the political consciousness becomes the most important component of process of transformation, and its change causes changes in all spheres of social life. In this article from a position of social philosophy the problem of a ratio of political consciousness and process of modernization is covered.

Понимание сущности и содержания категории «модернизация», а также методов ее исследования формировалось в ходе становления современного знания на всех его уровнях. Концептуальное осмысление трансформационных процессов в природе и обществе нашло отражение в сочинениях Гераклита, Платона, Аристотеля. Совершенную картину трансформационных процессов в природе и обществе создал Гегель. Он синтезировал предельно возможное для его времени полное системное видение процесса социальных изменений.

Модернизация есть сложная категория, содержание которой расширяется по мере становления социального качества.

Дискуссионный характер проблемы модернизации в современном мире привел к тому, что даже при широком распространении данного понятия оно так и не получило однозначного определения. Под модернизацией в социально-философском аспекте следует понимать форму социальных трансформаций, существом которой выступает переход социальной системы, ее структурных элементов и функций из одного состояния в качественно другое, к иной социальной системе посредством целенаправленной деятельности социальных субъектов – людей и их институтов.

Основными предпосылками модернизационного процесса являются социальные субъекты, носители процесса – «социальный субъект», «актор» и «агент». Социальный субъект – это не просто активно действующий индивид или группа, его деятельности обязательно присуще самостоятельное, продуцирующее те или иные социокультурные формы начало.

Социально-философским содержанием категории «модернизация» является социальное изменение. Следовательно, модернизация – это процесс системных социальных изменений. В процесс модернизации втягиваются именно социальные институты и социальные системы. Это государства с их политической организацией, культуры и цивилизации. Втянутые в данный процесс, они меняют свои координаты в историческом времени и социальном пространстве [4, с. 48].

Одно из первых проявлений процесса модернизации и трансформации политического сознания – это смена политических настроений. Именно настроения становятся заметными при рассмотрении достаточно динамичных процессов. Одним из первых обращается к этому понятию Аристотель, связывая «настроения лиц, поднимающих восстание», с мятежами, направленными на свержение власти, с «политическими смутами и междоусобными войнами».

Как правило, в период политических и социально-экономических преобразований остро встает вопрос о признании общественным сознанием необходимости и целесообразности новых, еще только возникающих и прежних, модернизи-

рующихся политических институтов, об их легитимации. Внимание привлекает такая проблематика, как соотношение процессов институциональной модернизации и изменения массовых политических ориентаций, природа, конкретные механизмы и формы взаимосвязи между ними. Особо значимой следует назвать гипотезу о сопряженном развитии (коэволюции) политических институтов и массовых политических ориентаций в ходе модернизации [3].

Современному обществу достаточно часто приписывают политическую пассивность, эгоистические настроения, недооценку нравственных ценностей, падение престижа честного труда, преобладание потребительских интересов, проявление цинизма и агрессии. По нашему мнению, объективно оценить состояние политического сознания общества возможно лишь на основе глубокого научного исследования.

Индивидуальное сознание, с которым человек в большинстве случаев вовлекается в сферу политики, часто носит предполитический характер. Человек автоматически выполняет политическую роль, при этом не выяснив своих реальных жизненных интересов и не осознав своего подлинного гражданского статуса. В этом случае он еще не является «человеком политическим» в полной мере.

Собственно политический уровень представлений человека о власти и властных отношениях формируется только тогда, когда он более или менее осознает свои социально-политические интересы и чувствует свою групповую политическую идентичность, может сопоставить свои интересы с интересами других социальных групп. Существующие требования к политическому сознанию достаточно высоки. Только при их соблюдении личность может выступать в качестве действительного политического субъекта. В обществе, находящемся в процессе модернизации, каким сейчас является российское общество, часть его членов находятся в процессе политической социализации, а другие претерпевают процесс политической ресоциализации. И то и другое существенно влияет на состояние политического сознания общества целом.

Характерной чертой нынешнего политического сознания современного общества является состояние «перманентного сомнения». К такому состоянию приводят отход от прежних идеалов, их дискредитация в СМИ, давление которых не способствует формированию у людей собственной системы ценностей. Как следствие, возникают сомнения по самым различным поводам, появляется тенденция к нигилизму. Все чаще люди прибегают к механической имитации образцов политического поведения, что усиливает возможность применения политического манипулирования.

Важное воздействие на формирование политического сознания общества оказывают социально-экономические и социально-политические условия, характерные для общества.

После распада СССР затянувшиеся глубокие социально-экономические и политические преобразования и кризисы в России, а также отсутствие цельной комплексной программы реформирования и нехватка финансирования на местном уровне во многом изменили отношение граждан к вопросам значимости модернизационных процессов для развития страны. Сложившаяся ситуация усилила социальную напряженность в обществе, а с другой стороны, породила стремление руководства страны решать личные проблемы за счет государства. В результате сформировалось своеобразное по ценностям и избираемым парадигмам политическое сознание населения. Усилилась прагматичная ориентированность ценностей, повысилось значение материального аспекта в восприятии людьми происходящих процессов и смысла собственной жизни в целом.

Библиографический список

1. Арефьева Г.С. Общество как объект социально-философского анализа. М., 2005.
2. Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.
3. Моисеев Н.Н. Коэволюция природы и общества // Экология и жизнь. 1997. № 2–3.
4. Социальные трансформации в Европе XX века / сост. М.Б. Корчагина. М., 1998.

МОДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Г.А. Овечкина,

Е.А. Мальцева

Сибирский государственный университет путей сообщения

Мода, социокультурный феномен, общественный регулятор, функции.

В статье мода рассматривается как сложный социокультурный феномен, влияющий на поведение человека, на развитие общественных отношений. Выделяются следующие функции моды: интегративная, социализирующая, социальной дифференциации и нивелирования, функция психофизиологической разрядки.

FASHION AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

G.A. Ovechkina,

E.A. Maltseva

Siberian Transport University

Fashion, sociocultural phenomenon, social regulator.

This article examines fashion as a complex of social and cultural phenomenon that affects at person's behavior and the development of public relations. There are the following functions of fashion: an integrative, socializing, social differentiation and leveling function psychophysiological discharge.

Мода определяется словарями как кратковременное господство определённых вкусов в какой-либо сфере культуры. Чаще всего мода отражает внешние, поверхностные изменения, происходящие в том или ином виде деятельности человека.

Являясь сложным культурным феноменом, мода охватывает самые различные сферы общественной жизни – политическую, экономическую, художественную, спортивную и т. д. Эта особенность обуславливает большой интерес исследователей к данному явлению. Еще в 1759 г. А. Смит в работе «Теория нравственных чувств» писал о влиянии моды как на объекты материальной культуры (мебель или одежду), так и на духовную сферу (нравственность, искусство и др.), отмечая особое значение элитарной культуры как объекта для подражания остальным населением.

Исследователи анализировали социально-психологические аспекты моды (Н.К. Михайловский, Г. Тард), выявляли её связь

с политическим устройством общества (В. Зомбарт), обнаруживали зависимость моды от динамики социальной жизни (А. Крёбер, Д. Ричардсон). Делались попытки психоаналитического объяснения феномена моды.

Кроме того, моду изучают как социокультурное явление, как механизм культурной и социальной регуляции, тесно связанный ценностными установками современного общества.

В частности, ряд работ отечественных авторов (таких, как Л.В. Петров, Л.И. Ятина, А.Б. Гофман, Ю.Ф. Гизатулина, Р.Б. Фишман и др.) посвящён изучению ценностно-нормативной сущности моды, её воздействия на современную культуру.

Характеристика моды как социокультурного феномена позволяет выделить такие её характеристики, как универсальность, доминантность, современность. Универсальность моды означает, что она может действовать в любых сферах, проявляться в отношении любых объектов (одежда, род занятий, идеи, поступки). Доминантность предполагает, что новая мода, её новый цикл обычно формируются вокруг какого-либо объекта культуры (доминанты). Современность моды заключается в её кратковременности, сиюминутности, мода не живёт долго.

Исследуя функциональные характеристики моды, можно признать, что она влияет на поведение людей, на развитие общественных отношений и потому может быть отнесена к числу регуляторов общественных отношений. Как общественный регулятор она обладает соответствующими характеристиками:

- в структуре имеет гипотезу, диспозицию и санкции (т. е. указывает на определённый круг лиц, на которых распространяет своё действие, указывает на то, что делать можно, даже обязательно, а что – нельзя, и предполагает некие неблагоприятные последствия в случае нарушения);

- является повторяемой, т. е. воспроизводится в жизненных ситуациях, смоделированных в гипотезе;

- обращается не к индивидуальному адресату, а к группе, имеющей некие типовые характеристики (половые, возрастные, имущественные и др.).

В качестве социального общественного регулятора мода выполняет социально-интегративную функцию. С одной стороны,

она объединяет людей в группы, с другой – отделяет эти группы друг от друга. При этом она может работать как межгрупповая, так и внутригрупповая коммуникация. Она крепко связана с социально-психологическими механизмами общения, такими как убеждение, внушение, копирование. Огромную роль в моде сыграло копирование. Эталонами для воспроизведения чаще всего являются общественные люди: политики, артисты, музыканты, модели.

Выполняя функцию социализации, мода приобщает человека к культурному и социальному опыту, позволяет освоить присущие обществу ценности, нормы, ощутить себя полноправным членом определённой группы. Т.Б. Любимова в исследовании отмечала, что «от других видов социализации мода отличается тем, что она обращена на общедоступные образцы» [2]. Данная характеристика отличает моду, например, от таких форм социализации, как профессиональная деятельность, образование. Возможно, с этим связан тот факт, что мода имеет большое значение для молодёжи. Процесс социализации наиболее активен в молодости, именно в этот период человек активно ищет и осваивает новые для себя роли, ценности, нормы. Следование моде в такой ситуации становится важной частью социализации, фактом участия в жизни общества.

Ряд авторов (в частности, А.Б. Гофман [1]) выделяют выполняемую модой функцию социальной дифференциации и нивелирования. Две составляющие этой функции проявляют себя на разных этапах модного цикла. На ранней стадии преобладает дифференцирующая составляющая – выделение тех, кто идёт в авангарде моды, следуя сверхмодным образцам, тех, кто следует уже устоявшейся моде, и тех, кто придерживается старомодных стандартов. На пике развития моды доминирует нивелирующая составляющая – мода охватывает большое количество людей, делая их «одинаковыми».

Присоединяясь к моде, люди начинают физиологически и психологически ощущать себя лучше, а значит, можно выделить ещё одну функцию моды – функцию психофизиологической разрядки. Мода позволяет вырваться из серости и однообразия повседневной жизни, она даёт толчок к движению вперёд, заставляет испытать новые эмоции и переживания. Каждая новая, престижная вещь приносит, прежде всего, положительные эмоции и опре-

деленную выгоду людям, так как она владеет свойствами, способными наиболее полно удовлетворить потребности людей. Отсюда и поднятие настроения людей, присоединяющихся к моде.

Кроме прочих, мода выполняет и так называемую престижную функцию. Действительно, мода может стать фактором понижения или повышения престижа каких-либо объектов культуры (наряду с другими факторами). Собственно, описание объекта как «модного» или «немодного» может и означать его престижность или непрестижность.

Мода имеет повторяющийся цикл. В этом цикле наблюдаются её рождение, признание массами, потом распространение и в последующем закат. На каждом из данных шагов появляются определенные закономерности, и в движении моды сообразно шагам её цикла имеются все шансы воспринимать роль различных людей с закрепленными за ними специфичными функциями. Цикл движения моды наступает с предписания чего-то новейшего, что потом может стать популярным. Того, кто дает новое, именуют законодателем моды либо ее создателем. Чаще всего это исключительный, творчески одаренный человек, который способен создать что-то такое, что может получить высшую оценку со стороны общества.

Как видим, мода является важной и необходимой составляющей культуры. Однако всегда ли будет так? В каком направлении она будет развиваться дальше?

Предположим, что в развитии культуры многократно усилится тенденция к движению и инновациям. Этому будет способствовать глобализация мирового сообщества, дающая дополнительный импульс развитию массовой культуры, различным формам массовой коммуникации. Смеем предположить, что мода как социокультурный феномен не исчезнет в ближайшем будущем. Возможно, трансформируются формы её проявления, обозначатся иные функции, но она будет всё так же сильно влиять на общество, на её отдельные группы и индивидов.

Библиографический список

1. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
2. Любимова Т.Б. Мода и ценность // Мода: за и против. М.: Искусство, 1973. С. 7–39.

3. Петров Л.В. Мода как общественное явление. Л.: Наука, 1973. 26 с.
4. Фишман Р.Б. Мода как социальное явление: автореф. канд. дис. ... Свердловск, 1990. 26 с.
5. Ятина Л.И. Мода глазами социолога. СПб.: Элексис Принт, 2006. 175 с.

ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ФИЛОСОФОВ НА ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

А.Г. Русаков

Красноярский государственный аграрный университет

Правовой нигилизм, социальная философия, русские либеральные философы.

В статье исследуются взгляды либеральных русских философов на правовую нигилизм.

VIEWS OF LIBERAL PHILOSOPHERS ON LEGAL NIHILISM

A.G. Rusakov

Krasnoyarsk State Agrarian University

Legal nihilism; social philosophy, Russian liberal philosophers.

The article studies views of liberal philosophers on legal nihilism.

Актуальность исследования вопросов правового нигилизма возрастает по мере того, как российское общество сталкивается с рядом трудностей во внешней и внутренней жизни. Ввиду тесных связей между правовой культурой, правосознанием и правовым поведением, представление о ненужности, бессилии и нравственной бесплодности права превращается в устойчивую установку массового сознания, формирующую на практике соответствующее поведение [16, с. 135]. Ошибочно думать, что правовой нигилизм характерен только для маргинальных слоев населения. Им страдают и политическая элита, и интеллигенция, и государственные служащие, и высокообразованные профессионалы. Разочарование в правовых идеалах, утрата веры в абсолютную ценность права, законности и справедливости, своеобразная установка на выход из правового поля

деятельности и стремление противопоставить идее права. Мы наблюдаем пренебрежение к праву, нормам закона со стороны отдельных лиц и даже государств.

В.В. Ткаченко дает следующее определение: «Правовой нигилизм – негативное социальное явление, девиантная форма общественного сознания, которая характеризуется совокупностью чувств, представлений, настроений, переживаний, эмоций по поводу отрицания правовых форм регуляции общественной жизни и наличия альтернативных праву идей и способов организации общественных отношений. По мнению В.В. Ткаченко, до середины XIX века слово “нигилизм” встречается главным образом в художественной литературе и употребляется в узком кругу лиц. В 50–70-х годах XIX века нигилизм используется для обозначения общественного явления – определенной совокупности идей и умонастроений демократических сил России, которые выступают с крайне резким отрицанием господствующей морали, идеологии норм поведения в общественной жизни» [14, с. 75].

В.В. Попов пишет, что во взглядах представителей разных философских течений, за исключением анархизма, мы не находим явного отрицания права. Революционеры-народники отвергали не само право, а только порядки в обществе. Правовой нигилизм, скорее, особая форма правового мышления, способствующая эволюции правового мышления, зарождению новых методов познания, предполагающая способность к критике и создающая нетрадиционные подходы к пониманию сущности права. Поэтому многие идеи русских мыслителей о правовых и духовных основах общества, соотношении власти, нравственности и права имеют непреходящее значение и поучительны для современного российского общества [10, с. 96].

М.Н. Новикова отмечает, что так называемый «нигилистический роман» стал особым направлением в русской литературе, представленным произведениями Лескова, Писемского, Достоевского, сформировал обобщенный и точный образ «русского нигилиста» и нигилизма, открывающий возможность социально-философского истолкования этого общественного явления. Л.А. Лушина утверждает, что в России нигилизм на благоприятной социальной почве, пройдя как течение философской мысли, при-

вел к определенному отрицательному результату, так как Россию этот поток отрицания, ненависти и разрушения захлестнул в связи с утратой идеи православия, соборности и духовности, ввиду того, что не стало связи с истоками, с прошлым [9, с. 28, 75–76].

Ю.В. Тихонравов, считал, что право есть, несомненно, мера вынужденная, поэтому она направлена на то, чтобы ликвидировать условия, порождающие необходимость права, следовательно, предельный идеал права есть его полное отсутствие [10, с. 92]. Он писал, чтобы прийти к идеальному сообществу, мы должны уже сегодня отказаться от следования тем требованиям, которые не совпадают с нашими собственными требованиями, внутренними побуждениями, в том числе с требованиями права. Но эта позиция есть правовой нигилизм и самым прямым образом ведет к беззаконию, произволу силы и социальному хаосу [13, с. 115–116].

Е.Н. Трубецкой рассматривал мысль о гармонизации позитивного права естественным правом, которое является призывом к усовершенствованию и играет роль движущего начала в истории [7, с. 403]. И.А. Ильин писал: «Народу необходимо и достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Поэтому нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно знание права... Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права» [6, с. 23–25].

Л.Н. Толстой считал, что только нравственность способна помочь человеку путем самосовершенствования достичь смысла жизни – бессмертной души. Н. Михайловский полагал, что развитая индивидуальная личность является двигателем социального прогресса и отмечал роль личности в истории. С.Н. Булгаков подвергал резкой критике и осуждению позицию Л.Н. Толстого, называя ее «социально-политическим нигилизмом». С.А. Котляревский, рассматривая соотношение права естественного и права позитивного, говорит о том, что не закон дает силу праву, а право дает силу закону и законодатель должен не создавать, а находить право, выработанное в создании общества [7, с. 593–603].

По мнению И.В. Кириевского, свобода индивида возможна при условии ее подчинения абсолютным ценностям: любви к Богу, народу, церкви и государству. Утверждение православных

ценностей, по его мнению, есть основа существования личности и общества [15, с. 75–77].

Славянофилы отстаивали идею соборности и выделяли роль России в становлении духовным вождем Европы. А.С. Хомяков подчеркивал особый путь развития России, которая исторически сохранила православные ценности, утерянные Европой. Он полагал, что личность выступает не иначе как покоряющаяся общему закону, главным началом выступает «соборность» – свободное единение людей, основанное на христианской любви и направленное на поиски совместного, коллективного пути к спасению своего рода. При таком отрицании автономности личности право как необходимое явление, обеспечивающее равенство и свободу личности, становится просто ненужным [14, с. 79].

Православие всегда внушало идею обязанности, а не права, отмечал Н.А. Бердяев. Он подчеркивал, что в России право не считали добродетелью, исторически Русь стремилась скорее «к справедливости, чем к законности», скорее «к правде, чем к праву». Л.И. Петражицкий полагал: чтобы способствовать развитию и процветанию общества, официальное право должно вобрать в себя прогрессивные положения интуитивного права, прежде всего аксиомы интуитивного порядка, выраженные в понятии «справедливость».

Б.Н. Чичерин считал, что право – это внешняя свобода человека, определяемая законом, тогда как сфера внутренней свободы воплощается в нравственности, носителем которой, помимо индивида, следует считать и церковь. Б.Н. Чичерин отстаивал индивидуализм человека, обладающего качествами достоинства и свободы. Он утверждал, что право – это норма, воплощающая свободу человека, которая ограничена действиями норм права [8, с. 163–170].

П.А. Бердяев отмечал, что русский нигилизм был религиозным феноменом и стал возможным лишь на духовной почве православия как результат нераскрытости в православии положительного отношения к культуре. Он писал, что русский нигилизм в народной среде проявился в крайних формах русского раскола и сектантства. В нигилизме есть своеобразное мироотрицание, неприятие мира как основанного на лжи и неправ-

де, в дальнейшем нигилизм привел к распущенности и разложению. По мнению Н.А. Бердяева, именно в русской интеллигенции воплотились все грехи, и в грядущем веке требуется новая интеллигенция – без нигилизма и жажды насилия, а с духом веротерпимости и умеренности, с установкой на позитивное творчество [2, с. 486, 504].

В.С. Соловьев идеализировал возврат к народу и объединение в единое всеобщее государство, в котором произойдет соединение двух христианских церквей. Он подчеркивал, что ядро личности человека – это такие качества, как вера, любовь, добро и самопожертвование. Право для Соловьева было немислимо без нравственности, свободы, равенства и справедливости, а законы, не соответствующие понятию добра, являются неправыми и подлежат отмене [10, с. 92]. В.С. Соловьев писал, что если Россия «не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины – она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [11, с. 295].

Христианскому гуманизму М.Ф. Достоевского была присуща идея ценности каждой человеческой личности. Он утверждал, что отказ от веры в Бога влечет сомнения в душу человека, то есть «если Бога нет, то все дозволено». Ф.М. Достоевский в произведениях показал, сколь характерна «бесовщина» именно для молодых людей высшего общества, особенно в критические, переломные моменты его развития выступает объективная социальная реальность: ужас перед морально разложившимся обществом, перед враждебной человеку нивелировкой личностей, вытекающей из власти денег и связей. Ф.М. Достоевский критикует моральных нигилистов, атеистов, равнодушных и безверных людей, которые и являются врагами духовно-нравственного христианства, так как они лишены религиозно-православной опоры. Его герои достигли внутреннего разложения, морального распада, оторваны от народа и исконной почвы. Он показал, как быстро захватывают бесы свое излюбленное жилище – человеческую душу, лишь только человек изгоняет из нее Христа. Причины нравственной и умственной незрелости современной ему молодежи Достоевский видит в неправильном воспитании в семье, где не-

редко встречаются «недовольство, нетерпение, грубость невежества...». Достоевский показывает, что и бесовство как высшая стадия нигилизма привлекательна и соблазнительна для молодых или некрепких в своих религиозных убеждениях умов. Но свобода человеческой личности и заключается в свободе личностного выбора: бесовство или Христианство.

Л.П. Гогина, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, указывает на его основной вывод: «...человек, пришедший к вере, тотчас перестает быть нигилистом, а нигилист не может быть истинным христианином» [5, с. 226–228].

В художественно-философском творчестве Достоевского содержатся «порицание бесовства», указания об опасности западных влияний на формирование мировоззрения русского человека, христианские мотивы человеколюбия и смирения как альтернатива нигилизму и своеволию. В его творчестве последовательно отстаивается мысль, что в душе человека вступают в борьбу два противоречия – добро и зло – начало божественного и дьявольского, это происходит постоянно и человеку не избежать выбора между ними. По его мнению, подлинная свобода – это большая ответственность человека за свои поступки вплоть до страдания. Свобода должна принадлежать сильным духом, которые способны переносить страдания, чтобы приблизиться к богочеловеку. Ф.М. Достоевский утверждал, чтобы человек не совершил зла или злодеяния и не превратился в зверя, ему нужен Бог, чтобы достичь добра через страдания [15, с. 154–155].

Таким образом, в русской философии права XIX века четко прослеживалась единая составляющая – устремленность к нравственному Абсолюту. М.О. Хазамов полагает, что для В. Соловьева, Н. Бердяева, И. Ильина был характерен скептицизм во взглядах на самоценность права; у славянофилов существовало предубежденное отношение к праву, которое часто перерастало в правовой нигилизм. Но и тех и других объединяло критическое отношение к классическим для Западной Европы политико-правовым ценностям, которое часто обосновывалось этическими аргументами: пагубностью рационализации общественной жизни, насильственным характером права, полной несовместимостью морали и права. Исключением на этом фоне

выглядит либерально ориентированная философская позиция Ф.М. Достоевского [16, с. 17–19].

Философское осмысление понятия и содержания правового нигилизма и способов его преодоления является актуальным и нуждается в дальнейшем исследовании, поскольку проблема эффективного функционирования права во многом связана с проблемой правильного ценностного определения значения нравственных и собственно правовых средств в механизме правового регулирования.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К., 1997.
2. Бердяев Н.А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Антология мысли. Бердяев Н.А. Судьба России. Харьков, 2004.
3. Воровский В.В. Сочинения. М., 2004. Т. 2.
4. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1975. Т. 7.
5. Гогина Л.П. Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского: дис. ... М.: Московский государственный областной ун-т, 2007.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.
7. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. проф. В.С. Нерсесянца. Изд. 2-е. М.: НОРМА-ИНФРА М., 1999.
8. Михалкин Н.В. Философия права: учеб. пособие.
9. Новикова М.Н. Нигилизм как социальный феномен: опыт изучения нигилизма в русской социальной философии: дис. ... Н. Новгород: Нижегородский гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2010.
10. Попов В.В. Правопонимание и правовой нигилизм в российском обществе: дис. ... М.: МВД РФ «Академия управления», 2004.
11. Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990.
12. Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2002.
13. Тихонравов Ю.В. Основы философии права: учебное пособие. М.: Вестник, 1997.
14. Ткаченко В.Б. Российский правовой нигилизм: дис. ... М., 2000.
15. Философия: учебник / под ред. проф. В.Н. Лавриенко. М.: Юристъ, 1998.
16. Хазамов М.О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России: дис. ... Краснодар, 2006.

К ОБСУЖДЕНИЮ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПОВТОРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗАБРОШЕННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ: НЕОБХОДИМОЕ РЕШЕНИЕ ИЛИ АНТИГУМАННАЯ ПРАКТИКА?

**Д.Р. Серюпова, И.А. Хусайнова,
С.П. Штумпф**

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

Законопроект, места захоронений, брошенные могилы, повторное использование, религия, социология.

Статья освещает тему законодательной инициативы, которую в марте этого года предложило Министерство строительства и ЖКХ РФ. Предлагается повторно использовать старые места захоронений путем эксгумации заброшенных могил, кремации и помещения праха в «могилы невостребованных останков». Практичность предложенной инициативы понятна, но остается неясен этический аспект вопроса.

TO THE ISSUE OF ABANDONED OLD GRAVES REUTILIZATION BILL: NECESSARY MEASURE OR INHUMANE PRACTICE?

**I.A. Khusainova, D.R. Seryupova
S.P. Shtumpf**

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

The bill, burial sites, abandoned graves, reuse, religion, sociology.

This article touches upon the topic of legislative initiative made by the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation in March this year. He proposed to re-use abandoned old graves, through exhumation and cremation of found there mortal remains and putting the ashes in the room or tomb named «unclaimed remains grave». Though utilitarian aspect of the problem is evident, the ethical one remains unclear. What kind of response in the society can this initiative produce, what does sociology and religion say on this issue? These and other questions we're trying to answer in this article.

В марте этого года (18.03.2015) в Совет Федерации был внесен законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

рации» Министерством строительства и ЖКХ РФ [3]. Основные дополнения коснулись вопроса повторного использования мест старых захоронений. Суть дополнений заключается в следующем: могилы, которые считаются заброшенными, вскрываются, останки извлекаются, кремируются, и урна с прахом размещается в «могиле невостребованных останков». Вполне естественно, что законодатель неспроста решил разработать подобный законопроект, тому есть свои причины. На бумаге он выглядит вполне рациональным и логично сформулированным. Но вопрос о введении подобной практики достаточно спорный. Как показывает практика, введение конкретного закона может повлечь и непредусмотренные отрицательные последствия. (Примером может послужить введение НСОТ в 2008 году, преследующее цели более рационального распределения фонда заработной платы работников, но при введении практики закона вскрылись его отрицательные стороны.) Поэтому обсуждаемый законопроект следует рассмотреть предельно внимательно, максимально анализируя его со всевозможных точек зрения, чтобы заблаговременно предотвратить нежелательные последствия. В статье мы хотим рассмотреть данный законопроект с разных точек зрения, делая, прежде всего, акцент на социальной стороне вопроса, выяснить, чего больше несет он в себе – плюсов или минусов, насколько целесообразно его введение. Актуальность проводимого анализа, ввиду синхронности процесса написания статьи и прорабатывания в соответствующих органах рассматриваемой законодательной инициативы, сомнению не поддается.

Прежде всего, следует понять причину такой законодательной инициативы. Комментарии, найденные нами в официальном источнике, освещающем этот вопрос, весьма краткие и сдержанные: «Глава московского департамента торговли и услуг Алексей Немерюк считает разработку Минстроя своевременной. По его словам, если сейчас не принять соответствующих мер, то через 100 лет Россия превратится в огромное кладбище...», сообщает газета «Известия» [1]. Преследуемые цели прагматичны и направлены на решение насущных проблем. Места для захоронений невозможно расширять бесконечно, поэтому встает вопрос о том, чтобы разрешить наболевший вопрос превращения мест-

ных кладбищ в настоящие некрополи. Для этого и предлагается провести следующие нововведения.

«...Захоронение считается заброшенным, если оно находится в ненадлежащем состоянии и при этом отсутствует информация как о похороненном, так и о лице, ответственном за могилу» [3]. В документе уточняется, что «места захоронения не могут быть признаны брошенными при наличии на них надмогильных сооружений». Брошенным захоронение может быть признано специальной комиссией. В ее состав должны входить представители органа государственной власти региона, прокуратуры, а также федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор. Если речь идет о вероисповедальном кладбище, в состав комиссии по признанию места захоронения брошенным включается представитель централизованной религиозной организации соответствующего вероисповедания. После того как комиссия признает могилу брошенной, региональные власти обращаются в суд – он должен прийти к такому же выводу. Министерство предлагает останки из заброшенных могил кремировать, а урны размещать в «могилу невостребованных прахов». «При отсутствии возможности кремации останков умершего организовывается перезахоронение», – говорится в законопроекте. – Освобожденные места предлагается использовать для новых захоронений. Повторное использование места захоронения на региональных и муниципальных кладбищах допускается не ранее двадцати лет со дня последнего захоронения. Повторное использование мест захоронения на военных мемориальных и воинских кладбищах не допускается...» [3].

Кажется на первый взгляд, изъянов вроде бы и нет. К положительным сторонам следует отнести такие: решается проблема с нехваткой мест захоронений, а кроме того, при возникновении чрезвычайных ситуации (например, затопление кладбищ), снижается возможный уровень заражения из-за сокращенного количества останков, также учтены возможные последствия коммерциализации данной отрасли: «Возможность изъятия останков из мест захоронения с целью последующей продажи, аренды этих мест должна быть исключена из законопроекта» [1].

Вопрос о признании могил заброшенными решается коллегиально, кроме того, учтены и чувства верующих: в состав комиссии входит представитель соответствующей религиозной организации. Но есть то единственное, что юридический документ отразить не в силах и что он никогда сделать не сможет, – этическая и социальная сторона вопроса. Необходимо учитывать реакцию граждан, восприятие такой инициативы.

Первый аспект, который мы раскроем в данной статье, религиозный. Рассматриваемый вопрос обращения с останками волнует прежде всего духовенство. Отношение представителей всех культур и религий к останкам предков было почтительным, неспроста именно на этой почве возник культ предков [2]. Сохранили традицию уважения и современные религии. Мы прокомментируем вопрос на примере его рассмотрения и критики с точки зрения наиболее распространенной в нашей стране православной веры. Первый негативный комментарий мы получаем здесь же, в «Известиях». Член Патриаршей комиссии по вопросам семьи при РПЦ отец Максим Обухов отмечает, что «...согласно христианскому мировоззрению, к телу умершего человека нужно относиться с почтением. В Греции могилы находятся на земле веками, так как считается, что жизнь человека бесконечна. РПЦ не поддерживает сжигание останков, это обряд других вероисповеданий. Такой метод будет противоречить христианской вере, даже если раскапывать могилы усопших будут не через 20, а через 50 лет...» [1].

Для более полного уточнения вопроса мы дополнительно обратились к священнослужителю РПЦ иерею отцу Андрею с целью получить достоверное мнение. Результаты проведенной беседы получились следующие: «У меня есть свое давно сформированное мнение, но вот, прочитав ваш вопрос, был озадачен, мне неясно, для каких целей сжигать, уничтожать старые захоронения, для того чтобы производить новые? Не кажется ли вам это абсурдно и отчасти уныло, какая-то глупость. Гораздо проще поднять вопрос о строительстве крематория. Подобные действия мне напоминают чехарду». Подтверждают это мнение и слова его коллеги: «На мой взгляд, уничтожение даже забытых захоронений есть не что иное, как осквернение могил, это приведет к крушению многих устоявшихся взглядов и традиций о процессе по-

гребения и почитании, а возможно, и вовсе полет бурной фантазии реформаторов нельзя будет остановить. Если нет коммунистов и родственников Ленина, давайте снесем все его памятники. Если большая часть молодежи не помнит, кто такой Ломоносов, долой и его мемориалы».

Если рассматривать данный законопроект с социологической точки зрения, а именно с точки зрения взаимоотношений государства и общества, то получается, что государство здесь выступает с чисто прагматическими целями, а общество, наоборот, является носителем нравственно-этических ценностей, ведь, как показал общественный опрос, большинство граждан негативно отнеслись к законопроекту. Ситуация переходит в своего рода пассивный конфликт между государством и обществом, где нет агрессоров, где каждая сторона пытается отстоять свою точку зрения с разных сторон: экономической выгоды и моральных устоев.

Неудивительно, ведь выкапывание останков – по сути, вандализм для этически устоявшихся норм православного, да и не только православного человека, и уже никакие нюансы и уточнения законопроекта роли играть не могут. Еще в первобытном обществе закрепился культ почитания предков, культ погребальных обрядов и захоронений. Обогащение усопших – одна из самых древних и распространенных обрядовых форм. Это не только форма выражения поклонения ушедшим, но и признание доминирования старшего поколения, уважения и благоговения перед отцами. Почитание предков, семейных и родовых святынь выражает единство человеческого сообщества, сохраняющееся сквозь века. Отсюда берут начала наши моральные и нравственные ценности [2]. Культ предков был связан как с одной семьей, так и со всем родом, общиной. У людей за долгое время выработался определенный моральный и нравственный стереотип мышления по отношению к данному вопросу – представление о том, что земля, в которой лежат наши предки, и их останки неприкосновенны.

Рассматривая вопрос в таком ключе, приходим к выводу, что в сфере политики и экономики этот проект вполне целесообразен и даже необходим (минимальные затраты земли, наличие мест для захоронений). Но вот в сфере этики, религии и культуры такая мера, как извлечение из могил старых останков и их кремация, со-

всем не несет в себе положительного начала. На наш взгляд, законопроект о повторных захоронениях, является в большей степени негативным явлением, так как он попросту уничтожает устои, нормы, традиции, ценности, существовавшие в обществе веками. Мы и так уже потеряли немалую часть духовной культуры, так можем ли мы позволить себе потерять еще и наши понятия о священности и неприкосновенности останков наших предков. Государство в проблеме нехватки земли для захоронений предлагает нецелесообразный закон, когда альтернатива всегда есть, например строительство крематория. В общей совокупности результаты исследования привели нас к мысли о том, что не все законопроекты, предлагаемые государством (даже из лучших побуждений), могут нести положительные изменения для общественного устройства. И будем надеяться, что данный законопроект законопроектом так и останется, не перейдя в нечто большее, точнее, в форму закона.

Библиографический список

1. Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 17.04.15).
2. Мызгина Д. Культ предков [Электронный ресурс]. URL: <http://family-history.ru> (дата обращения: 20.04.15).
3. Проект Федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 29.12.2014, с изм. от 06.04.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://pohoronotrasl-souz.ru> (дата обращения: 20.04.15).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА: ПИАР ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

О.О. Чудинов

Красноярский государственный аграрный университет

Социокультурная деятельность, бизнес, общество, взаимосвязь, необходимость.

Статья посвящена вопросам, касающимся нехарактерной для основного вида бизнеса социальной и культурной деятельности, и дает авторский ответ на вопрос, является ли такая активность пиаром компаний или их жизненной необходимостью.

SOCIOCULTURAL BUSINESS ACTIVITIES: PR OR NECESSITY?

O.O. Chudinov

Krasnoyarsk State Agrarian University

Sociocultural activities, business, society, relationship, need.

The article is about socio-cultural activities of modern business

Все чаще на страницах газет, интернет-сайтах, в сводках новостей или лично на посещаемых мероприятиях мы замечаем, как бизнес занимается на первый взгляд не характерной для него работой. Например, мы узнаем, что одна из крупных компаний профинансировала озеленение территорий в новом жилом районе, корпорация ввела самые современные стандарты охраны труда, которые отвечают требованиям, намного более высоким, нежели тем, что прописаны в отечественном законодательстве и нормативных документах, или при участии известной коммерческой организации был проведен театральный фестиваль. Многие скажут, что это всего лишь реклама, пиар. Но не все оказывается столь просто, как хотелось бы и нам, и самим коммерческим организациям.

Чтобы объяснить мотив такого завершения абзаца и понять специфику сего поведения бизнес-структур, на наш взгляд, необходимо обратиться к основополагающим фактам – истории развития представлений об этике бизнеса. Источником ее трактовок являлся нравственно-экономический конфликт, который в ходе развития сформировал несколько этических направлений. Их подробно раскрыли в работе «Этика бизнеса» отечественные ученые Ю.Ю. Петрунин и В.К. Борисов [2].

Согласно этим исследованиям, отправной точкой является *религиозная этика*, в основе которой лежит ориентация на абсолютные нравственные ценности, берущие начало из иудео-христианской традиции. Для нее, прежде всего, характерна обязательность выполнения этических норм, таких как честность, трудолюбие, обязательность, справедливость, соблюдение обещаний, а аскетизм, ограничивающий личное потребление ради расширения производства, являлся важнейшим принципом поведения, совершенно необходимым для развития рыночных отношений. Од-

нако немецкий философ, социолог и политический экономист Макс Вебер отметил, что когда дух аскезы ушел из «мирской оболочки», в центре внимания оказался лишь коммерческий успех.

Более современной явилась теория *утилитаризма*, основателем которой принято считать Иеремию Бентама.

По мнению английского социолога и юриста, какое-либо действие является правомерным с этической точки зрения, если суммарный полезный эффект этого действия превышает суммарный полезный эффект любого другого действия, которое могло бы быть совершено вместо первого. При этом максимум пользы является момент наступления пользы для всех лиц, которые оказываются в сфере действия результатов акции, а в качестве результатов рассматриваются не только текущие, но и отдаленные позитивные и негативные последствия.

Однако данная теория имела свои недостатки и альтернативной ей послужила *деонтическая этика*, которую можно отнести к классической философии морали. В ее основе лежит категорический императив Канта, основанный на наличии у человека моральных прав – прав, которыми обладают все люди только потому, что они являются людьми.

Но выделяют также еще одно направление – *этику справедливости*, которая, в отличие от этики утилитаризма и деонтической этики, имеет более узкую направленность. Она охватывает проблемы, связанные преимущественно с взаимоотношениями бизнеса и общества. Суть данного направления сводится к тому, что люди по природе существа общественные, они живут в обществе и создают социальные структуры для его поддержания и функционирования. Основными ценностями в данном случае становятся человеческое равенство и справедливость как его выражение [2].

Духу этого направления вполне соответствует уже современное высказывание профессора Чикагского университета Лойолы Гомера Джонсона, которое звучит следующим образом: «Мы должны дышать, чтобы жить, однако мало кто рассматривает дыхание в качестве единственной цели своей жизни. Так же и бизнес существует для цели, более высокой, чем получение прибыли, – прибыль же, подобно дыханию, позволяет бизнесу достигать этой цели» [4].

Таким образом, история экономических учений наглядно показывает, что коммерция всегда была связана с социальными, духовными и моральными мотивами, но определяющим толчком в столь бурном появлении различных как культурных, так и социальных программ бизнеса явилось само общество и его требования. В качестве примера можно даже не рассматривать роль влиятельных сил в лице, например, групп общественного давления. Достаточно привести с первого взгляда вполне бытовой исторический факт.

Во второй половине XIX века домохозяйка, феминистка и аболиционистка Элизабет Хейрик (Elizabeth Heyrick) из британского города Лестер, узнав о тяжелых условиях рабов на карибских плантациях, организовала один из первых в мире бойкотов, который касался необходимости социальной деятельности бизнеса и впоследствии получил довольно широкую огласку. А произошло то, что на улицах города, где жила Хейрик, была организованная раздача листовок, содержание которых убеждало жителей отказаться от употребления сахара, добытого рабами на плантациях East India Company. Среди горожан это вызвало широкий резонанс, и в итоге социальная активистка добилась того, что в течение 30 лет поставщику приходилось возить сахар из другой страны, где его выращивали свободные люди. Но на этом история не закончилась, и продолжавшаяся активистами кампания по формированию общественного мнения против рабства подготовила основу для его отмены через несколько лет (закон был принят в 1833 году) [3; 5].

Такие далеко не единичные примеры привели к тому, что самые прогрессивные предприниматели того времени всерьез озаботились тем, какую степень влияния имеет общество по отношению к ним, а не наоборот, как было принято считать ранее.

В подтверждение этого можно привести несколько исторических примеров, описанных в работах М. Мескона, М. Альберта и Ф. Хедоури [1].

Так, в 1892 году за счет собственных средств, полученных от ведения бизнеса, Джон Рокфеллер основал Чикагский университет, в 1901 году им был построен Медицинский институт имени Рокфеллера, а через год – Всеобщий образовательный совет.

Кроме упомянутого, американский предприниматель предоставил денежные средства на строительство Центра Рокфеллера для индустрии связи в Нью-Йорке, а также пожертвовал 9 млн дол. на строительство здания ООН. Все эти воплощенные в жизнь проекты существуют и по сей день. Кроме этого, Рокфеллер также потратил 550 млн дол. на благотворительность.

Такому направлению последовал и один из крупнейших в свое время сталепромышленников – Эндрю Карнеги, имевший прозвище «стальной король». При жизни он вложил 350 млн дол. в социальные программы США и построил более 2 тыс. общедоступных библиотек. Примечательно, что предприниматель в 1889 году отразил свои взгляды на бизнес в книге под названием «The Gospel of Wealth» («Евангелие богатства»). В ней он рассмотрел доктрину «капиталистической благотворительности», согласно которой прибыльные организации должны жертвовать часть своих средств на благо общества [1].

Появление подобных программ сравнительно недавно в нашей стране, в том числе и те, о которых было упомянуто в начале представленной читателю работе, обуславливается несколькими причинами. Во-первых, это связано с тем, что социокультурная деятельность, осуществляемая со стороны бизнеса, присуща именно рыночной экономике. Во-вторых подобные явления могут возникнуть только в том случае, когда такой тип экономической системы начинает приобретать человеческие черты, а гражданское общество начинает выдвигать требования к бизнесу.

Если немного отвлечься от содержания определенного заданной темой, то можно оптимистично заявить, что наша страна начинает уходить от модели дикого капитализма и при условии активной работы со стороны общества, государства и бизнеса, можно добиться еще большего внимания коммерческих структур к социально-культурным проблемам.

Подводя итоги, можно уверенно утверждать, что в государствах с цивилизованной рыночной экономикой и развитым гражданским обществом уже возникло устойчивое мнение, согласно которому бизнес больше, чем экономическая целостность. Конечно, существует понятие юридической ответственности, означающее следование законам и нормам государства. Однако компа-

нии, соответствующие этим требованиям, не всегда будут пользоваться одобрением масс, поскольку пришло понимание о том, что коммерческие структуры являются частью окружения, от которого зависит их существование. К такому окружению относятся местные сообщества, поставщики и потребители, СМИ, сами работники этих предприятий и другие представители. Как показали ретроспективный анализ, изложенный в трудах по философии, и современная практика, столь многогранное окружение может оказывать существенное воздействие на достижение бизнес-структурами своих целей. Отсюда компаниям просто приходится взаимоотношения чисто экономические интересы с культурными и социальными требованиями представителей своей среды, что по определению переводит проводимые бизнесом социокультурные программы из разряда самопиара в разряд жизненной необходимости, обусловленной требованиями общества. А это уже дает нам ответ на изначально поставленный в работе вопрос.

Библиографический список

1. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1994.
2. Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: учебное пособие. М.: Дело, 2000.
3. Яровой А.И. Корпоративная социальная ответственность в современной России: опыт и перспективы развития: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010. 166 с.
4. Johnson H. Does it pay to be good? Social responsibility and financial performance // *Business Horizons*. 2003. Vol. 46, issue 6. P. 34–40.
5. Hilton S., Gibbons G.. Good business. Making money by making the world better. London; New York: Texere. 2003. P. 97.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

КВАНТОВАЯ ХИМИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ ЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ?

Д.В. Антишин

Сибирский государственный технологический университет

Квантовая химия, полуэмпирические методы, теоретическая реальность, наблюдаемая реальность, переломные моменты в истории квантовой химии.

В статье кратко анализируется квантовая химия через развитие методов прогнозирования поведения химической системы и появляющиеся проблемы, связанные с расхождением реальностей. Рассмотрены переломные моменты в истории квантовой химии, когда такие философски научные формы, как высшая форма движения – химическая и низшая – физическая получили двухстороннюю связь, а также момент перехода от неэмпирических методов расчета к полуэмпирическим. В заключение обоснованы объективные и субъективные проблемы современной квантовой химии и путь сближения реальностей: теоретической и наблюдаемой.

QUANTUM CHEMISTRY: THE CONSTRUCTION OF REALITY OR THE EXPLANATION?

D.V. Antishin

Siberian State Technological University

Quantum Chemistry, semi-empirical methods, theoretical and observed reality, the turning points in the history of quantum chemistry.

This article briefly examines quantum chemistry through the development of methods of forecasting the behavior of chemical systems and emerging issues related to the divergence of reality. Just consider the turning points in the history of quantum chemistry, such as philosophically scientific form as: The highest form of movement – and lower chemical – physical got two-way communication, as well as the moment of transition from non-empirical calculation methods for semi-empirical. In conclusion justified objective and subjective problems of modern quantum chemistry, and the path of convergence of reality: theoretical and observed.

*Химия – это самая сложная физика,
поэтому физики отдали ее химикам.*

Ричард Фейнман

Квантовая химия появилась примерно в середине 20-х годов XX века и, поддерживаемая квантовой механикой, прошла ряд переломных моментов в роли синтеза наук химии и физики. Развитие ее в фокусе философии науки прослеживает доктор философских наук А.А. Печенкин. Он анализирует полемику 50-х годов XX века, которая стала первым переломным моментом в истории этой науки. Химизация в СССР требовала прорыва в химии, для этого было необходимо установить истинную природу пути протекания химической реакции. Не углубляясь в химию, можно сказать, что на тот период не было теории, объясняющей устойчивость того или иного промежуточного комплекса, не говоря уже о существовании переходных состояний, прогнозирование выходов химических веществ теоретическим путем было невозможно. Теория резонансных структур, созданная в рамках теории квантовой химии, которая развивалась в мировом сообществе, встретила не с конструктивной полемикой, а с проблемой перехода между фундаментальными формами движения энергии, который выделял Энгельс: механической, физической, химической и биологической [3]. Но какой бы не была влиятельной теория, практические данные в химии имеют больший вес в связи с возможностью однозначно теоретически обосновать конечный результат. Поэтому теория резонансных структур включена во все современные учебники по органической химии.

Но это была не последняя проблема на пути развития квантовой химии, дело в том, что неэмпирические методы расчета показали значительное расхождение с экспериментальными данными уже на стадии перехода от молекулярной формы к ионной. А это означает, что методами квантовой химии можно рассчитать только молекулы в покое, не реагирующие с реакционной средой, а лучше и вовсе вне реакционной среды. Но в химии основой являются динамически протекающие реакции, изменяющиеся химические системы. Соответственно, квантовой химии нужно было найти такие методы расчета, которые могли бы сократить время расчета и ском-

пенсировать влияние не только среды, но и мира в целом. Дело в том, что для упрощения рассматривается только одна молекула или пара в момент их взаимодействия, но в реальном мире это невозможно, помимо реагирующих молекул все процессы идут в среде других молекул. И какими бы они ни были инертными к процессу, они все равно вносят свой вклад в процесс.

Для решения этой проблемы были разработаны полуэмпирические методы. И первым из появившихся методов был CNDO (Complete Neglect of Differential Overlap – Полное Пренебрежение дифференциальным перекрыванием). Главная проблема данного метода – используемое в расчетах приближение Нулевого дифференциального перекрывания (НДП) [1]. Дело в том, что при последовательном использовании НДП при расчете многоатомных линейных и ветвистых молекул выявилась зависимость: чем больше цепочка атомов, тем менее точно рассчитывается энергия молекулы. Получился парадокс: для повышения точности расчетов нужно упростить химическую систему и расчеты. Это даже звучит странно, тем более это затруднение имеет чисто математический характер. Более того, НДП не имеет физического смысла, и правомерность использования этого приближения подтверждается только физико-химической адекватностью расчетов, выполненных полуэмпирическим методом.

Для того чтобы разрешить парадокс, некоторые параметры не рассчитываются, а берутся табличные значения, которые получены экспериментально или подобраны так, чтобы лучше согласовываться с экспериментом.

Эксперименты, основанные на методе CNDOб, показали ряд неразрешимых проблем, для борьбы с которыми разработали на основе CNDO новый метод, названный INDO (Intermediate Neglect of Differential Overlap – Частичное пренебрежение дифференциальным перекрыванием) [1]. Он впоследствии также был модернизирован, и в методе изменился подход к параметрам, участвующим в расчетах. Так, вместо прямого расчета кулоновских сил в молекуле их оценивают по формуле, дающей результаты, согласованные с эмпирическими данными. Энергию отталкивания атомных остовов аппроксимируют зависимостью взаимодействующих атомов. Все это приводит к тому, что очень многое зависит от параметров, вводимых исследователем.

В 1985 году группа исследователей под руководством М. Дьюара разработала метод АМ1 (Austin Model 1 – Остиновская модель № 1. Метод назван в честь города Остин в США, в университете которого и был разработан) и последующую его модификацию РМ3 (Parameter Model 3 – Параметрическая модель № 3) [1], которые на сегодняшний день принимаются эталонными методами для расчета параметров многих химических структур. Опять же, популярность была достигнута за счет усовершенствования набора параметров и увеличения количества используемых априорных значений.

Разработать метод, не требующий вмешательства исследователя, которое порой граничит с творческим подбором параметров, в процесс параметризации так и не удалось. Многое зависит от априорных данных или системы гипотез, что ставит под сомнение адекватность расчетов и требует экспериментальной проверки полученных данных.

Как видно, развитие эмпирических методов сопровождалось упрощениями, пренебрежениями и использованием усредненных экспериментальных значений [2]. Возникает правомерный вопрос: квантовые химики описывают существующий мир, или же они создают свой, более удобный для них? Ведь проблема не в точности и достоверности, а в реальностях: наблюдаемой и предполагаемой, потому что при теоретическом расчете химической системы она описывается, исходя из математических соображений и лучшего согласования параметров системы. А при наблюдаемой реальности химическая система получает описание исходя из химической теории, так как увидеть процесс невозможно, ввиду размерности десятой части нанометра и времени существования в миллисекундах.

Определение параметров и свойств химической системы экспериментальными методами всегда трудоемко и очень дорого. Это выражается как в дороговизне аппаратного оформления, так и в необходимости проведения серий экспериментов. А порой определение параметров и свойств вообще невозможно по объективным причинам: множественность вариантов протекания реакций, малое время жизни переходных состояний и т. п.

Таким образом, мы получаем две реальности, которые стремятся к описанию истинного состояния химической системы, но разными методами. Каждая интерпретация, каждая реальность

имеет ряд подтверждений, в то же время неизбежно имея ряд пренебрежений, свою рациональность и субъективный характер доказательств, ввиду отсутствия доказанной и выявленной структуры протекания процесса. Очевидным решением достижения истины является объединения двух реальностей для более полного высчитывания параметров химической системы. Но для этого исследователь в себе должен объединить знания таких наук, как квантовая механика, математика, физика, химия, информационные технологии, что объективно по силам только большой исследовательской группе с координаторами и узкими специалистами.

С каждым годом в научных журналах все больше появляется статей с заголовками «Квантово-химические расчеты...», в таких статьях часто встречаются объяснения аномальных данных, полученных аппаратными методами исследования химических структур путем создания той среды и условий, в которых эта аномалия фиксировалась [5].

Изучение таких аномальных ситуаций не только позволяет понять природу химической структуры, но и прогнозировать подобные аномалии при изучении других подобных химических структур. Это, конечно же, имеет огромное значение для теоретического раздела химической науки и сближает реальность наблюдаемую с теоретической.

Наряду с трудами, которые объясняют расхождение в реальностях, большая часть публикаций прорабатывает механизмы реакции квантово-химическими методами. Зачастую ссылаясь на то, что целью этих трудов является изучение механизма квантово-химическими методами, авторы и вовсе не используют экспериментальные данные о переходных состояниях и затрачиваемой энергии, а рассчитывают их квантово-химическими методами, не проверяя на практике [4]. При этом сказать, когда накапливаемые ошибки и погрешности приведут исследование к ложному заключению или в тупик, невозможно.

Ответом на вопрос, конструируют ли квантовые химики реальность или приближают свое видение к реальности, служит различие названий основных методов квантовой химии: неэмпирические, то есть полностью расчетные методы, не опирающиеся на экспериментальные данные, и полуэмпирические, которые, используя экспериментальные данные, подводят теоретическую реальность к на-

блюдаемой. И так как от неэмпирических методов квантовая химия ушла к полуэмпирическим методам, можно говорить, что происходит попытка простроить математическую модель реальности, избегая трудно решаемые задачи, заменяя их частными решениями.

Библиографический список

1. Блатов В.А., Шевченко А.П., Пересыпкина Е.В. Полуэмпирические расчетные методы квантовой химии: учебное пособие. Самара, 2005. 32 с.
2. Викторук Е.Н., Черняева А.С. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей. Красноярск, 2014. 156 с.
3. Печенкин А.А. Проблема редукции химии к физике: диалектика VS аналитическая философия // Эпистемология & философия науки. 2014. № 2. С. 157–173.
4. Самуилов А.Я. и др. Квантово-химическое изучение изоцианатов с линейными ассоциатами метанола / А.Я. Самуилов, Т.А. Камалов, Ф.Б. Балабанова, Я.Д. Самуилов, А.И. Коновалов // Журнал Органической химии. 2012. Вып. 48. Т. 2. С. 173–178.
5. Чернышев К.А. и др. Квантово-химические расчеты химических сдвигов ЯМР органических молекул / К.А. Чернышев, Л.И. Ларина, В.Г. Розинов, Л.Б. Кривдин // Журнал Органической химии. 2013. Вып. 49. Т. 2. С. 207–209.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

О.С. Ардюкова

Е.Н. Викторук

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

Профессиональная этика, прикладная этика, педагогическая этика, этическое образование, диагностическое исследование, профессиональный стандарт педагога.

Анализируются изменения в профессиональной этике педагога. Приводятся данные диагностического исследования, направленного на понимание степени остроты этических проблем преподавательского этоса. Оценка остроты этических проблем в профессии и мер по их преодолению осуществляется на основе анкетирования двух групп респондентов: 1) экспертов (руководители и преподаватели педагогического университета); 2) учителей (магистранты заочной формы обучения).

PROFESSIONAL ETHICS IN MODERN PEDAGOGICS

E.N. Viktoruk, O.S. Ardukova

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Professional ethics, applied ethics, pedagogical ethics, ethical education, diagnostic testing, the professional standard of a teacher.

The changes in the teacher's professional ethics are analyzed. The data concerning the diagnostic investigation aimed at understanding the degree of acuteness of the ethical problems in teaching ethos are provided. The accession of acuteness of ethical problems in a professional activity and accession of the measures for the problems be overcome are carried out on the base of questionnaire study of two groups of respondents: 1) the experts, i.e. heads and teachers of pedagogical university; 2) the teachers, i.e. master's degree extramural students.

Современные тенденции свидетельствуют о том, что роль этической составляющей в профессиональной компетентности педагога необычайно высока. Общество склонно относить педагогику к разряду «высоких», «судьбоносных» профессий, признающих своей целью служение нуждам социума, страны, человечества.

13–17 апреля 2015 года нами было проведено исследование, направленное на понимание степени остроты этических проблем преподавательского этоса. В опросе участвовали магистранты исторического и биологического факультетов, также была опрошена группа экспертов, состоявшая из профессорско-преподавательского состава КГПУ им В.П. Астафьева.

Методы исследования: анкетирование, экспертные опросы, дебрифинг как инструмент тренинга.

Объект исследования. Оценка остроты этических проблем в профессии и мер по их преодолению осуществляется на основе анкетирования двух групп респондентов: 1) экспертов (преподаватели педагогического университета); 2) учителей (магистранты заочной формы обучения).

Гипотеза исследования состоит в том, что практикующие учителя с трудом идентифицируют этические проблемы в сфере образования, плохо осознают этический контекст изменений

школьного образования, склонны неадекватно оценивать свой персональный уровень (не)этичности, а также этичность своей организации и профессии в целом.

Для проверки этой гипотезы в апреле 2015 года нами было проведено диагностическое исследование в форме анкетирования, направленное на выявление понимания (видения) остроты этических проблем в современной педагогике.

В опросе приняли участие 47 респондентов, которым было предложено ответить на ряд вопросов, оценив предлагаемые критерии по десятибалльной шкале. В случае необходимости участникам опроса предлагалось дополнить имеющиеся перечни.

Отвечая на вопрос «Какие проблемы современного образования являются наиболее важными?», магистранты и эксперты выстроили свои иерархии проблем современного образования следующим образом (табл. 1).

Таблица

Эксперты		Магистранты	
Кадровые	8,00	Экономические	7,90
Профессионально-этические	8,00	Кадровые	7,66
Экономические	7,63	Профессионально-этические	7,63
Внедрение современных образовательных технологий	7,13	Внедрение современных образовательных технологий	7,07
Организационные	6,63	Социальные	6,70
Социальные	6,29	Психологические	6,17
Психологические	6,00	Организационные	5,83
Политические	5,18	Политические	4,38

Рассматривая в сравнении группы магистрантов и экспертов, можно заключить, что эксперты, имеющие дело не только с теорией, но и с практикой, более остро осознают роль профессионально-этических проблем современного образования и ставят их на одном уровне с кадровыми (8,0). Также эксперты

высоко оценивают экономические проблемы (7,63) и проблемы, связанные с внедрением современных образовательных технологий (7,13).

Для группы магистрантов весьма острыми являются экономические проблемы современного образования (7,90). Вероятно, это обусловлено необходимостью использования широко спектра высокотехнологичного оборудования, вспомогательных средств в работе будущих ученых биологов и историков и т. д.

В то же время магистранты не умаляют значение кадровых аспектов (7,66). В качестве пояснения несколько респондентов подчеркнули проблему низкой компетентности специалистов.

Будущие историки и биологи достаточно важными считают профессионально-этические проблемы (7,63) и проблемы, связанные с внедрением современных образовательных технологий (7,07).

Очевидно, что такая оценка профессионально-этических проблем обусловлена развитием новых технологий, порождающих и все новые проблемы, требующие не только правового обоснования, но и решения вопросов морали и нравственности (биоэтика). Это справедливо не только для естественных наук. В условиях искажения, «переписывания» исторических фактов в связи высоким влиянием политического фактора историческая наука стала инструментом лоббирования интересов в руках отдельных стран. Поскольку историки изыскивают все новые пути и методы переосмысления исторического опыта, особую актуальность приобрели вопросы профессиональной этики ученого-историка.

Равно как и магистранты, эксперты относят к группе второстепенных факторов, образующих проблемное поле современного образования, социальные, психологические и организационные вопросы.

К наименее важным участники опроса обеих групп относят политические проблемы современного образования (5,18 и 4,38 балла соответственно).

При обработке результатов ответов на вопрос «Какие меры, на Ваш взгляд, способны повысить уровень профессиональной этики в образовательных учреждениях?» были получены следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Эксперты		Магистранты	
Учет этико-моральных факторов при отборе руководящих кадров	9,00	Учет этико-моральных факторов при отборе руководящих кадров	7,43
Обучение учителей и руководителей деловой и профессиональной этике (деловые игры, тренинги)	8,94	Обучение учителей и руководителей деловой и профессиональной этике (деловые игры, тренинги)	6,63
Отбор через введение профстандартов и аттестационных экзаменов	8,00	Повышение зарплаты и стимулирование труда педагогов	6,40
Представление в СМИ успешных профессионалов, имеющих высокий моральный статус	7,29	Представление в СМИ успешных профессионалов, имеющих высокий моральный статус	6,13
Деятельность специальных институтов профессионально-этического контроля	6,47	Деятельность специальных институтов профессионально-этического контроля	5,80
Повышение зарплаты и стимулирование труда педагогов	5,59	Проведение специальных конкурсов	5,70
Проведение специальных конкурсов	5,35	Отбор через введение профстандартов и аттестационных экзаменов	5,13

Наибольшие ожидания респонденты связывают с мерами по учету этико-моральных факторов при отборе руководящих кадров (9,00 и 7,43 соответственно). Также участниками опроса высоко оценивается эффективность мер, связанных с обучением учителей и руководителей деловой и профессиональной этике (деловые игры, тренинги).

Эксперты связывают возможные успехи от введения мер по отбору кандидатов через введение профстандартов и аттестационных экзаменов (8,94), в то время как магистранты предлагают повысить зарплаты и усовершенствовать систему стимулирования труда педагогов (6,4).

Необходимо отметить, что группа магистрантов рассматривает отбор через введение профстандартов и аттестационных экзаменов в последнюю очередь (5,13), как наименее эффективную из предложенных мер повышения уровня профессиональной этики в образовательных учреждениях.

Эксперты и магистранты полагают, что в равной степени успешны меры, направленные на представление в СМИ успешных профессионалов, имеющих высокий моральный статус, а также деятельность специальных институтов профессионально-этического контроля.

Эксперты крайне низко оценивают потенциал мер по повышению зарплаты и стимулированию труда педагогов.

Чрезвычайно важно, что магистранты склонны проявлять меньший оптимизм по отношению к возможному повышению уровня профессиональной этики в образовательных учреждениях.

В следующем вопросе мы попросили участников опроса оценить уровень этичности различных участников образовательного процесса в образовании в целом, а также в их организации (табл. 3).

Таблица 3

Эксперты		Магистранты	
Педагогические университеты	6,47	Система дополнительного образования и переподготовки педагогических кадров	6,69
Учителя	6,29	Учителя	6,57
Система дополнительного образования и переподготовки педагогических кадров	5,88	Надзорные органы	6,30
Общественные организации	5,80	Педагогические университеты	6,20
Руководители образовательных учреждений	5,76	Руководители образовательных учреждений	6,17
Родители	5,33	Общественные организации	6,11
Министерства	5,06	Министерства	5,47
Ученики	4,65	Родители	5,03
Надзорные органы	4,40	Ученики	4,90

Наиболее высоко респондентами оценивается уровень этичности педагогических университетов (6,47), системы дополнительного образования и переподготовки педагогических кадров и учителей (6,69), а также самих учителей (5,88 и 6,3 балла соответственно). Это обусловлено некой априорностью профессии педагога как обладателя «истинного знания».

По мнению респондентов, наименьший уровень этичности характерен для представителей министерств и учеников.

Необходимо отметить, что респонденты достаточно низко оценивают уровень этичности различных участников образовательного процесса и в образовании в целом, и в их организации.

Также мы задали вопрос респондентам, кто может выступить в роли агента изменений и в большей мере способен повлиять на улучшение профессионально-этической ситуации в образовании (табл. 4).

Таблица 4

Эксперты		Магистранты	
Педагогические университеты	8,29	Учителя	9,14
Сильные моральные авторитеты	8,12	Сильные моральные авторитеты	7,97
Родители	7,88	Педагогические университеты	7,47
Учителя	7,86	Родители	6,67
Система дополнительного образования и переподготовки педагогических кадров	7,41	Система дополнительного образования и переподготовки педагогических кадров	6,53
Общественные организации	7,13	Президент России	6,30
Министерства	6,76	Министерства	6,07
Президент России	6,24	Общественные организации	5,74
Надзорные органы	6,00	Надзорные органы	5,66
Ученики	5,88	Ученики	5,37

По мнению магистрантов, повлиять на улучшение профессионально-этической ситуации в образовании способны учителя (9,14), по мнению экспертов – педагогические университеты (8,29).

Участники опроса отмечают высокую роль в улучшении профессионально-этической ситуации в образовании сильных моральных авторитетов.

Наименьший оптимизм респонденты связывают с развитием системы дополнительного образования и переподготовки педагогических кадров, а эффективность влияния общественных организаций и надзорных органов и вовсе ставится под сомнение. Необходимо отметить, что все респонденты достаточно низко оценивают и роль учеников в улучшении профессионально-этической ситуации в образовании.

Заключительный вопрос анкеты (открытый) был сформулирован как просьба перечислить несколько деловых и личностных качеств, образующих профессионально-этический эталон педагога. У респондентов этот вопрос вызвал растерянность и неготовность назвать самые важные черты. Более 30 % опрошенных оставили этот вопрос без ответа.

В эталонных чертах педагога, названных экспертами, было мало повторений. Наиболее повторяемыми оказались четыре качества: лидерские качества – 9; ответственность – 7, толерантность – 4, сдержанность – 4. Дважды в ответах этой группы повторились: психологическая устойчивость, коммуникабельность, терпение, стремление к саморазвитию. Кроме этого, были названы: желание обучаться и перестраивать свое видение проблемы, профессионализм, внимательность, приверженность моральным стандартам, компетентность, широкий кругозор, патриотизм, заинтересованность в результатах, знание предмета, умение найти подход к ребенку, понимание, умение выслушать и направить, опрятность, аккуратность, умение рефлексировать свои действия и мысли, учтивость, честность, эрудированность, логичность, правильная речь, внешний вид, творческая составляющая, корректность, объективность взглядов, тактичность.

Исследование тенденций развития профессиональной этики в современной педагогике – это продолжающийся эксперимент. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что такой «размытый» перечень качеств, скорее всего, не случайность: «портрет» учителя нового типа еще только формируется как в общественном сознании, так и в ходе научных исследований [5], опирающихся

ся на разработанные и апробированные методики (портретный опросник Шварца). Хотя основные его черты контекстуально читаются в проекте Профессионального стандарта педагога. Надо отметить, что в устных замечаниях магистранты настроенно-скептически отнеслись к реалистичности требований этого стандарта. В ответах экспертов более четко прослеживаются этические индикаторы профессии: профессиональная компетентность, профессиональная идентичность, руководство профессиональными «кодами».

Библиографический список

1. Бакштановский В.И. Университетская этика: Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров: учебное пособие. Тюмень: НИИ прикладной этики ТЮМГНГУ, 2014. Ч. 3. 242 с.
2. Викторук Е.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В. Философия образования. Кейс-метод в этическом образовании / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 00 с.
3. Викторук Е.Н., Викторук Е.А. Инновационные технологии этического образования / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 234 с.
4. Гусейнов АА. Образование, обучение, воспитание // Этика образования. Ведомости / под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 2005. Вып. 26. С. 88–124.
5. Королева Д.О., Хавенсон Т.Е. Портрет инноватора образования XXI века // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 182–200.
6. Парадигмы прикладной этики. Ведомости / под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. Вып. 35 (специальный). 252 с.

АУТИЗМ: ОТ НОМОСА К ЛОГОСУ. ДОКСАЛОГИЯ

А.Ф. Гох

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Аутизм, философия, дефектология, доксалогия, логос, номос, онама, онамастика, дианоия, докса.

Статья предлагает новую оному «доксалогия» для наименования раздела дефектологии, изучающего проблемы психического развития, а также воспитания и обучения лиц с расстройствами аутистического спектра.

AUTISM: FROM NOTOS TO LOGOS. LJKOLOGY

A.F. Goh

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Autism, philosophy, defectology, doksalogy, logos, nomos, onoma, onomastics, dianoyya, doksa.

This article proposes new to the afore-mentioned of doksalogiya, for the designation of the division of defectology, which studies the problems of mental development, and also training and instruction of the persons with the disorders of autistic spectrum.

В современной науке о психофизических особенностях развития детей с психическими и (или) физическими недостатками, о закономерностях их обучения и воспитания – дефектологии – до сих пор отсутствует раздел специальной психологии и специальной педагогики, изучающий проблемы психического развития, а также воспитания и обучения лиц с расстройствами аутистического спектра. Безусловно, дефектология использует в своей практике накопленные многочисленные исследования в аутизме, но не имеет выделенного раздела с собственным названием, необходимость в котором становится все более актуальной в связи с неуклонным ростом доли таких людей в общей численности. Поскольку исследования феномена аутизма как сущности и в психологии, и в дефектологии носят преимущественно описательный и поверхностный характер, этим наукам сложно выступать пропедевтикой к феноменологии, скорее наоборот [6]. В таком случае мы можем в полной мере использовать потенциал философии. Именно философия как методология науки в сфере познания и мировоззренческой интерпретации ее результатов работает на раскрытие сущностных и причинно-следственных связей и отношений [4].

Что же такое «аутизм» в философском понимании? Обратившись к классическому примеру платоновского диалога «Кратил», делаем заключение, что «аутизм» есть не что иное, как онама. «Кто же, спрашивает Сократ Гермогена, создает слова? Ответа нет. Кто же тогда передает нам употребляемые нами слова?» Опять нет ответа, и Сократ его подсказывает: номос, то есть обычай или закон. А тот, кто создает слова, – законодатель («номотетес»). Имя, онама, – част-

ный случай закона, номоса, и среди законодателей реже всех встречается «ономатург», который, создавая имя, обязан как можно больше приблизиться к истинной сущности («эйдос») этой вещи. Что соответствует идее, является ее адекватным воплощением, то и «правильно», соответствует природе («фюсей»). Тот закон или имя природосообразны, правильны, в которых отражена идея вещи, – но не всякое имя, будучи «номическим», одновременно «логично». Во всяком случае, оно всегда отвечает обычаю (то есть номо) [7].

В древнегреческой философии, в частности у Демокрита, можно найти другую интерпретацию ономы – условная связь между именем и вещью. Аналогичные суждения находим и у древнекитайских философов даосского направления, например у Сюнь Куана: «Нет изначальной связи между названием и реальностью, название дается людьми по договоренности; но когда название становится привычным, его привычное употребление считается правильным».

Однако Сократ еще раньше подчеркнул, что сущность вещи проявляется в ее объективном использовании в деятельности. Не только сама по себе идея орудийности, но и то, чего мы этим орудием достигаем, входит в сущность вещи. И судить о правильности имени (и вообще номоса) вправе лишь тот, кто его использует, употребляет, а именно диалектик, то есть тот, кто «умеет ставить вопросы и давать ответы». Интересно, что именно диалектик, так сказать, «мыслящий вслух», рассматривается как «потребитель» труда ономатурга (подобно тому как кормчий – «потребитель» труда корабельного плотника). И здесь мы приходим к очень важному тезису Платона, в частности к тому, что правильность имени определяется его соотношением с речью – логосом (как раз в этом смысле термин «логос» встречается и у Демокрита, где он понимается как «сплетение имен»). Дело в том, что именно речь – не само по себе как таковое – раскрывает суть вещей. Обозначение того, что мы говорим, мысля, чтобы сделать это обозначение понятным собеседнику, и есть истинное именование [7]. «Правильность языка лежит в возможности сообщения, то есть выражения или изображения того, о чем мы мыслим, и понимания выраженного» [9].

То есть мы видим, что онама «аутизм» выступает как гераклитовское «номос». Но можем ли мы причислить эту оному к «логосу» как абсолютной сущности? «Эту вот Речь (Ло-

гос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [её], и выслушав однажды, Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [её], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как этого не помнят спящие» [10].

«Аутизм – это нарушение развития, которое отражается на возможности ребенка общаться с окружающими его людьми» (Национальное Британское общество по аутизму) [1].

«Аутизм – это пожизненное тяжелое нарушение развития, которое обычно проявляется в течение первых трех лет» (Американское общество по аутизму) [1].

«Аутизм – расстройство, возникающее вследствие развития головного мозга и характеризующееся выраженным и всесторонним дефицитом социального взаимодействия и общения, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями» [3].

Все эти определения аутизма дают весьма условные сущности бытия носителей – людей с аутизмом. А она «аутизм» и во все далека от логоса. Откуда же возникла эта она? В 1911 году выдающийся швейцарский психиатр Ойген Блейлер опубликовал ставшую впоследствии знаменитой работу, в которой он ввел в психиатрию два термина: «шизофрения» и «аутизм» (от греческого «autos» – «сам»). По Блейлеру, аутизм, наряду с амбивалентностью, ассоциативными и аффективными расстройствами, являлся одним из признаков шизофрении, как автор ее тогда понимал. Блейлер называл аутизмом погруженность в мир оторванных от реальности фантазий, вымыслов, грез, иллюзий, вплоть до бредового уровня, однако, по выражению крупнейшего современного специалиста в области аутизма профессора Уты Фрит, «аутистическое мышление, как его понимал Блейлер, не имеет никакого отношения к аутизму, каким мы его знаем» [8]. Так же после Блейлера интерпретировал и выдающийся психолог прошлого столетия Л.С. Выготский, обозначая крайнее (пограничное) состояние шизофрении термином – аутизм [5].

В узких научных кругах уже проскальзывает выражение «аутология», которое определенно подчеркивает принадлежность

ономы «аутизм» к номосу, а не к логосу, так как не отражает тех характеристик особого психического развития, которые исследованы в последнее время в результате достижений науки и техники, у лиц с расстройствами аутистического спектра.

В чем же причина, что мы, признавая аутизм ономой, не допускаем его до понятия логоса? «Имя, онома – не единственный составной элемент логоса: наряду с ним выступает “рема”. Штейнталь дает интересный анализ содержания этих понятий у Платона, подчеркивая, что это не субъект и предикат в грамматическом и даже логическом смысле и тем более – не имя и глагол, как они понимались впоследствии, особенно в Александрийской школе... Логос есть соединение идей, выраженных в словах или “членораздельная, четко артикулированная и отчетливо выраженная вовне мысль”» [2]. Эти идеи двоякого рода: идеи действия или признака, то есть собственно идеи (эйдосы), и образы вещей. Вещи (как единичные чувственные образования) обозначаются при помощи ономата, а идеи, им приписываемые, – при помощи ремата. Логос Платона и есть акт приближения и приобщения мира вещей к миру абстрактных сущностей, к гераклитовскому логосу этих вещей при помощи номоса.

Сама по себе идея знаковости языка у Платона заслуживает внимательного рассмотрения. Его концепция такова. Слова (ономата и ремата) суть знаки вещей и идей. Отдельные идеи, сочетаясь друг с другом, дают диалектическую структуру особого рода – «дианойю», или рассуждение. (Кроме идей. Компонентами дианойи являются восприятия или представления вещей. Они обладают свойством истинности, то есть правильно или неправильно отражают сущность. Поэтому дианойя и ее продукт – докса относятся к сфере номоса; только в общении, в Платоновом логосе мы приходим к подлинному, абсолютному знанию.

Дианойя есть диалог, «беззвучная беседа с самим собой». Результатом же этого диалога является “докса”, то есть мнение (утверждение или отрицание): оно-то и отображается при помощи знаков – в логосе, который есть структура особого рода, отличная от дианойи. Иначе говоря, докса – это содержание, которое человек выражает в речи, в логосе» [7].

«Орудием “поучения и разбора сущности”, то есть рассуждения, является слово. Только через него идеи становятся доступными, соединяются в нашем разуме с вещами. Но оно само по себе не обязательно отражает сущность вещи, “логос” (в гераклитовском смысле) или “идею” (по Платону), но лишь номос – закон или обычай. Мера соответствия номоса вообще (и слова в частности) логосу и есть их природосообразность, соответствие сущности. Поэтому сами по себе слова (имена) не являются источником познания свойств вещей, как утверждает в диалоге “Кратил”. Ономатург, словотворец, создает слово, стремясь как можно больше отобразить в нем скрытый логос, или идею, вещи. А диалектик судит о том, насколько это ему удалось, на особой реальности, различие логоса и номоса. И именно общение, диалог и делает необходимым существование слова как особой реальности, различие логоса и номоса. И именно общение, то есть логос, верифицирует “правильность” имен.

Слово выступает в двух видах деятельности: в рассуждении (дианою), результатом которого является мнение, докса; и в общении, то есть в логосе, который при помощи знаков обозначает и выражает для другого мнение. Первое есть акт индивидуальный; второе – акт совместного целесообразного действия при помощи слова. Докса может быть верной или ошибочной, и лишь в логосе это выясняется.

Но ономатург создает не вообще слова, не вообще слово соотносимо с вещью и выступает как “правильное” или “неправильное”: речь идет пока только об имени, об онома. Чтобы построить логос, мало иметь ономата: необходимы и ремата, в которых отображены идеи действий или сущностных признаков. Логос и есть процесс приписывания вещи определенных свойств, процесс утверждения бытия или небытия вещи, описание действий этой вещи (субъекта) или действия с ней. Он – предикат к реальности, опосредованный дианою» [7].

Использование трудов классиков античной философии позволяет обратиться к такому разделу философии и лингвистики, как ономастика.

Некоторые могут посчитать параномазией предложение ввести оному для обозначения отраслевой дефектологии, изу-

чающую аутизм, как **доксалогия, доксапедагогика, доксапсихология**. Но при внимательном изучении именно эта она позволяет номосу (в случае становления) максимально приблизиться к абстрактной сущности, подлинному пониманию т. н. «аутизма» в настоящем и будущем. В определении Платона **докса** есть не что иное, как «словесное выражение, но без участия голоса и обращенное не к кому-то другому, а к самому себе, молча» [9]. В этом определении заложен и глубинный, сущностный смысл аутизма как феномена незримого, абстрактного и таинственного.

Библиографический список

1. Богдашина О.Б. Расстройства аутистического спектра: введение в проблему аутизма: учебное пособие / под науч. ред. Е.А. Череневой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015.
2. Васильева Т.В. Беседа о логосе в платоновском «Тезетете» // Платон и его эпоха. М., 1979.
3. Википедия. American Psychiatric Association. Diagnostic criteria for 299.00 Autistic Disorder // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 4th, text revision (DSM-IV-TR). 2000.
4. Myers SM, Johnson CP, Council on Children with Disabilities (2007). «Management of children with autism spectrum disorders». Pediatrics 120 (5): 1162–82. DOI:10.1542/peds.2007-2362. PMID 17967921. Lay summary – AAP (2007-10-29).
5. Викторук Е.Н., Черняева А.С. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014.
6. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996.
7. Глухих Н.И. Феноменологический автопортрет магистранта // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. №1 (27).
8. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.
9. Морозов С.А. Основы диагностики и коррекции расстройств аутистического спектра. М., 2014.
10. Перельмуттер И.А. Платон. Аристотель. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. М., 1980.
11. Эмпирик Секст. Три книги Пирроновых положений / пер. Н.В. Брюлловой-Шаскольской; предисл. А.И. Малеина. Спб., 1913.

ЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СИСТЕМА МОРАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.В. Костылев

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Этика, этическое пространство, художественное и культурологическое образование, профессиональное образование в сфере культуры, общекультурные компетенции.

Благодаря этическому пространству молодежь приобщается к жизни общества, социализируется и интегрируется в социально-культурную сферу. Нравственное воспитание молодежи и формирование её мировоззрения направлены в первую очередь на то, чтобы привить молодому поколению общечеловеческие ценности и основы гуманистической морали.

ETHICAL SPACE AS SYSTEM MORAL AND VALUABLE RELATIONS

S.V. Kostylev

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Ethics, ethical space, art and culturological education, professional education in the sphere of culture, common cultural competences.

Thanks to ethical space the youth joins life of society, is socialized and integrated into the welfare sphere. Moral education of youth and formation of her outlook are directed first of all on instilling in the younger generation universal values and bases of humanistic morality.

Теоретико-концептуальные положения непрерывного образования отразили новое понимание целей, задач, содержания и функций образовательной сферы, необходимость этического и культурологического подходов к обучению и воспитанию, ориентированных на общекультурное и профессиональное развитие и совершенствование личности в течение всей жизни.

Требования нового федерального закона об образовании в Российской Федерации, особенности потребностей современной экономики, своеобразие социально-профессиональных запросов абитуриента и необходимость лично ориентированного подхода в дополнительном и профессиональном образова-

нии сферы культуры и искусства поставили задачу организации принципиально иного структурирования системы художественного и культурологического образования.

Современный противоречивый процесс становления и развития новой системы профессионального образования в сфере культуры отвечает актуальным и перспективным потребностям не только социально-культурной сферы, но и интересам самой личности, способствует углублению и формированию профессиональной компетентности и преемственности от дополнительных до профессиональных образовательных программ.

Современные федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования укрупненных групп направлений подготовки Искусство и культура предъявляют требования к общекультурным компетенциям выпускников, включающим в себя способность использовать основы этических знаний для формирования гражданской позиции, толерантного отношения к окружающим людям (табл.).

Требования к общекультурным компетенциям выпускников высших учебных заведений

Направление подготовки	Общекультурные компетенции
1	2
073900 Теория и история искусств (квалификация (степень) «бакалавр»)	Способность осознать и внутренне принять и усвоить духовно-нравственные обязанности по отношению к самому себе, окружающим людям, окружающей природе, обществу, способность использовать в собственной профессиональной деятельности, личной и общественной жизни духовно-нравственные, этические и правовые нормы, регулирующие отношение человека к человеку, обществу, окружающей среде (ОК-6)
035200 Изыщные искусства (квалификация (степень) «бакалавр»)	Способность и готовность к социальному и профессиональному взаимодействию на основе ценностно-нравственных и этических норм (ОК-2)

1	2
035300 Искусства и гуманитарные науки (квалификация (степень) «бакалавр»)	Готовность выстраивать и реализовывать перспективные линии интеллектуального, культурного, нравственного, физического и профессионального саморазвития и самосовершенствования (ОК-6)
035400 История искусств (квалификация (степень) «бакалавр»)	Способность осуществлять интеллектуальное, культурное, нравственное и профессиональное саморазвитие и самоусовершенствование, повышать свою квалификацию и мастерство (ОК-6)
073900 Теория и история искусств (квалификация (степень) «бакалавр»)	Способность осознать и внутренне принять и усвоить духовно-нравственные обязанности по отношению к самому себе, окружающим людям, окружающей природе, обществу, способность использовать в собственной профессиональной деятельности, личной и общественной жизни духовно-нравственные, этические и правовые нормы, регулирующие отношение человека к человеку, обществу, окружающей среде (ОК-6)
071500 Народная художественная культура (квалификация (степень) «бакалавр»)	Способность реализовывать актуальные задачи воспитания различных групп населения, развития духовно-нравственной культуры общества и национально-культурных отношений на материале и средствами народной художественной культуры, любительского хореографического творчества, любительского театра, декоративно-прикладного творчества, кино-, фото- и видеотворчества (ПК-1)

Анализ современной ситуации свидетельствуют о том, что важнейшим условием профессиональной подготовки, формирования профессионально значимых качеств и воспитания активной творческой личности является создание этического пространства современного учебного заведения, представляющего систему морально-ценностных отношений, способствующих профессиональному и личностному становлению учащихся.

В этой связи необходимо проектировать и создавать этическое пространство образовательного учреждения как научно

управляемую систему формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи, готовой к осознанной творческой деятельности во всех сферах современной рыночной экономики.

Данная этическая сфера представляет собой органическую целостность, в которой сочетается общее (формирование ценностных ориентаций обучающихся учебных заведений), особенное (характерное только для учебных заведений сферы культуры и искусства) и единичное (присущее отдельным образовательным учреждениям художественного профиля).

Функционирование моральных ценностных ориентаций является существенным аспектом этического пространства учебного заведения, связанным с приобщением обучающихся к ценностям художественной культуры, освоением технологий прикладной и профессиональной этики для решения моральных проблем и конфликтов.

В результате освоения норм и принципов профессиональной этики выпускники образовательных организаций становятся активными участниками процессов опредмечивания, в которых человеческие способности, знания и опыт, направленные на преобразование природы и социума, воплощаются в предметах материальной и духовной культуры.

Учебные заведения отрасли «Культура» рассматриваются как опорные площадки развития среднего и высшего профессионального образования, на базе которых проводятся научные исследования по анализу актуальных этических проблем, совершенствованию содержания прикладных этических исследований, формам и методам формирования нравственной культуры, что обеспечивает подготовку конкурентоспособных и квалифицированных кадров в условиях рыночных отношений.

Концептуальная идея педагогической системы учебных заведений сферы культуры и искусства – целенаправленное управление развитием личности обучающегося через создание творческой этически ориентированной образовательной среды.

Система профессионального художественного и культурологического образования представляет одну из наиболее инновационных отраслей, во многом определяющих создание инновационного климата и конкурентоспособность экономики в целом. Апроба-

ция и внедрение новых форм, методов и технологий работы являются постоянной потребностью образования. При этом разработку, апробацию и внедрение инноваций в системе профессионального образования следует рассматривать как непрерывный процесс, компонент повседневной педагогической деятельности.

Таким образом, краевую систему подготовки кадров для отрасли культуры и искусства можно определить как целостную образовательную инфраструктуру, обеспечивающую формирование и выпуск высококвалифицированных кадров для социально-экономической, государственно-политической и социокультурной сферы Красноярского края и включающую в себя: профессиональную ориентацию и адаптацию; образовательные программы и учебные планы; федеральные государственные образовательные стандарты среднего и высшего профессионального образования; сеть учебных заведений, осуществляющих педагогическую деятельность в области профессионального и дополнительного образования; научно-исследовательские коллективы, экспертно-аналитические объединения и учебно-методические формирования; органы управления культурой и образованием.

В учебных заведениях сферы культуры и искусства ведется систематическая, планомерная и комплексная работа по приоритетным направлениям развития:

- обеспечение социальной защиты, доступности и качества профессионального образования;
- создание условий для становления мировоззрения и системы ценностных ориентаций учащихся;
- развитие службы социально-психологической помощи обучающимся;
- совершенствование воспитательной работы, направленной на развитие, саморазвитие и проявление социальной активности учащейся молодежи;
- формирование здорового образа жизни и внедрение здоровьесберегающих технологий в учебно-воспитательный процесс;
- расширение досуговой деятельности как особой сферы жизнедеятельности обучающихся;
- развитие отношений сотрудничества обучающихся, родителей и педагогических работников.

Следовательно, основная задача современных учебных заведений сферы культуры и искусства – создание оптимальных условий для этического развития личности обучающегося, формирования профессиональной культуры, трудовых ценностей, оказание помощи в обучении и воспитании, самоопределении, нравственном самосовершенствовании, освоении широкого круга социокультурного опыта.

Библиографический список

1. Викторук Е.Н. Этический семинар-практикум – опыт работы в проектно-ориентированной парадигме прикладной этики // Ведомости прикладной этики. 2014. № 45. С. 213–226.
2. Жуковская Л.Н., Жуковский В.И. Формирование навыков информационного самообслуживания будущих специалистов культуры и искусства в условиях внедрения стандартов третьего поколения: опыт проектного развития // Библиосфера. 2011. № 3. С. 17–20.
3. Костылев С.В. Современное аксиологическое пространство учреждения профессионального образования // Система ценностей современного общества. 2011. № 21. С. 159–164.
4. Миронов А.Г. Направления воспитательной деятельности вуза в современных условиях // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 12. С. 13-14.
5. Этика: учебник для бакалавров / А. А. Гусейнов, А.Г. Гаджикурбанов [и др.]; под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Юрайт, 2013. 569 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ «СОБСТВЕННОСТЬ» КАК ОСНОВА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Д.В. Кузина

Сибирский государственный технологический университет

Собственность, взаимодействие, Я-концепция.

В статье описаны результаты историко-философского анализа понятия «собственность», отражена взаимосвязь между понятиями «собственность» и «взаимодействие», приведены примеры психологического контекста использования данной категории и описана возможность ее применения в образовании.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE CATEGORY «PROPERTY» FOR THE ORGANIZATION THE INTERACTION IN EDUCATION

D.V. Kuzina

Siberian State Technological University

Property, interaction, self-concept.

In this article are described the results of historical and philosophical analysis of the concept of «property», reflected the relationship between the concepts of «property» and «interaction», are given examples of the psychological context of the use this category and described the possibility applications it in the educational process.

Все мы знаем, что общество строится на человеческом взаимодействии. В то же время в основе большинства общественных и образовательных отношений лежит взаимодействие именно между интеллектуальными собственниками, то есть «отношения собственности», особенно в экономическом и правовом направлениях. Следовательно, для того чтобы понять тенденции развития общества в целом и образования в частности, нужно выявить основные направления в развитии именно собственнических отношений. А так как в эти отношения вступают личности, то нужно исходить из внутреннего понимания категории «собственность». И на данный момент, к сожалению, нет четко прописанного понимания данной категории с точки зрения психологии или педагогики. Поэтому цель нашего исследования – попытаться найти ту психологическую основу, то внутренне содержание, которое мы вкладываем, когда говорим о чем-то, как о «моём», «моей собственности».

Подходов к определению понятия *собственность* существует огромное множество. Некоторые из них очень похожи, но другие противоречат друг другу. Все зависит от того, какую цель преследует автор, давая то или иное определение понятию. Например, в юриспруденции собственность понимается как «юридическое право определенного субъекта распоряжаться тем или иным благом абсолютным образом» [9]. В экономике собственность – это «система отношений, возникающих между людьми в связи с присвоением благ» [9]. Если мы обратимся к философии, то сможем проследить определенные тенденции в развитии и возникновении этого понятия.

Собственность впервые возникает общественно-исторически, когда человек выделяет себя из природы и обретает возможность различать, где человек объект, где – субъект, а где природа становится объектом, на который он может оказывать воздействие, менять по собственному желанию, то есть он начинает воспринимать себя как ее непосредственный хозяин. Поэтому можно сказать, что первой общественной формой собственности было «владение» [9] природой.

Римское право, например, основано на собственности, но в несколько специфическом ее аспекте, относительно владения другим человеком. Многие религиозно-философские течения использовали эту «обладание чем-то» – связку, но подчеркивая только одну сторону [4].

Следующим этапом можно считать XVIII век, когда встал вопрос о социально значимом самоопределении человека. Это было связано с тем, что к этому времени собственность, которая обеспечивала людей средствами жизни, конституировала их лицо (персону) и определяла круг занятий, стала в социально значимых масштабах капитализироваться, утрачивая былую определенность. На арену общественной жизни вышел «капитал», а основными действующими лицами стали «лица без определенных занятий» – капиталист и наемный рабочий. Всё это породило некую сумятицу в человеческом сознании, и каждый стал решать проблему соотношения себя и своих имущественных прав по-своему, с наиболее близкой лично ему точки зрения.

Например, известный французский философ П.Ж. Прудон поднимает следующие проблемы: «В собственности различают: 1) Просто собственность, право властвовать, господствовать над вещью, или, как принято говорить, голую собственность; 2. Владение... то есть наличие права пользоваться... любовник–владелец, а муж – собственник» [10].

Следующую попытку предпринял Карл Маркс в своем «Капитале». По его мнению, изменения в формах собственности на средства производства обуславливают изменения в общественном положении трудящихся. В основе же производственных отношений лежит общественная собственность на средства производства, обуславливающая единство и планомерность процессов производства

и распределения. Для него государственная собственность является преобладающей, ведущей формой общественной собственности.

В целом К. Маркс рассматривал собственность как объективно существующее явление общественной жизни, которое познается людьми, отражается в их сознании, фиксируется в субъективных формулах: понятиях, определениях, представлениях и категориях. По мнению автора, собственность воспринимается сознанием как власть над вещами или отношение субъекта к вещам «как к своим», но в то же время она является и общественным отношением.

Интереснейший заход осуществил Эрих Фромм в работе «Иметь или быть». Несмотря на то что работа направлена на исследование форм существования человека в обществе, это то, что я-проблема «владения» им описывается очень подробно: «Если я – это то, что я имею, и если я теряю то, что я имею, то кто же тогда я есть?» [11].

В целом автор утверждает, что собственность связана с такой психологической структурой, как Я. Он пишет о том, что психологический аспект категории «собственность» влияет на формирование и развитие Я-концепции в течение всей жизни человека. Однако при этом возникает другая сторона такого явления, как «обладание». В частности, упоминаются и рассматриваются негативные проявления, такие как ревность, скупость, жадность, стремление к захвату и власти над другими, превращение других людей в вещи в сознании подобного индивида.

Если обратиться к анализу взглядов на образование [3] и собственность в трудах отечественных философов, таких как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.С. Соловьев и др., то в качестве базисного постулата можно выделить такой: «Собственность – явление пограничное. И эта сложность её напрямую связана с человеком – существом пограничным, который одновременно принадлежит миру природному, социальному и духовному» [5].

К основным идеям этих авторов относятся следующие тезисы.

Онтологическое обоснование собственности нужно искать не в обществе, а в самом человеке, его внутреннем мире.

Собственность не выдумана произвольно, а «вложена в человека и подсказана ему самую природою, разница лишь в мировоззрении человека.

Возможность самореализации и самовыражения личности зависит от меры ее свободы, которая выражается в праве человека на собственность и является его автономией и гарантом от посягательств со стороны государства» [2].

Современные исследователи феномена собственности, например Данченко и Козодоева, считают, что собственность очень тесно связана с личностью, так как без наличия индивидуальной собственности не возникнет личности. Они связывают осознание себя с тем, чем человек владеет. По их мнению, «собственность» как психологическая категория может диктовать социальные роли, цели, задачи и даже мировоззрения индивида в каждый момент его жизни. Также она помогает сохранять некоторые личностные характеристики неизменными и поддерживать нормальное психическое состояние индивида, например таким психическим методом, как «чувство уверенности» [6].

Психологическая наука также обращается к вопросу о влиянии собственности на процесс развития личности. Е.П. Белинская в работе по социальной психологии отмечает, что «Я-концепция не только формируется под определяющим влиянием социального взаимодействия, но и проявляется, реализуется, т. е. объективно существует лишь в социальном взаимодействии. При этом неважно, реальное это взаимодействие или символическое, имеет оно субъективную значимость или несет в себе противоречие. В любом случае, именно социальные взаимодействия определяют наши представления о себе, а сложившаяся в итоге Я-концепция обуславливает характер дальнейших взаимодействий человека со своим окружением» [1].

О.Ф. Нескрябина в своем исследовании пишет следующее: «Главный критерий «мойности» в отношении – это возможность их воплощения в жизнь. Образование–мысли, образа или чувства модальности «моё – не моё» представляет собой процесс. Это означает, что в какой-то момент времени в сознании индивида может присутствовать мысль «ещё не совсем моя, но уже и не чужая», в дальнейшем с процессом адаптации такая двойственность уходит. «Моя реальная идея или ценность» означает, что данное «Я» может превратить её в жизнь, в поведение, которое будет эффективным» [8].

Таким образом, проведенный теоретический анализ показал, что: во-первых, практически все авторы сходятся в том, что для че-

ловека слово *собственность* имеет большое значение и не только на личностном уровне, но и в общественном смысле. Во-вторых, категория «собственность» имеет тенденцию к развитию во времени и может являться побудительной силой для развития личности собственника в течение всей его жизни. В-третьих, в понятие «собственность» могут входить: товары общего потребления, предметы обихода (инструменты), имущество (земля, жилье, мебель), деньги (капитал, сбережения, вклады), права и обязанности, личностные ресурсы, взаимоотношения между людьми и иногда другие люди.

Данный материал позволил нам выдвинуть следующую гипотезу: под психологическим аспектом категории *собственность* мы будем понимать осознанное восприятие некоторых объектов как «своих», как те, которые находятся в моем свободном распоряжении, которое фиксируется во владении и обладании этими объектами на данный момент времени. И полагаем, что осознанное восприятие объектов как «своих» лежит в основе формирования самооценки личности и позволяет объективировать данную структуру.

Соответственно, при переносе данной гипотезы на педагогическую действительность в область взаимодействия различных субъектов образовательного процесса, можно рассматривать последних в качестве владельцев интеллектуальной собственности или потребителей тех или иных образовательных товаров и услуг. И предполагать, что целенаправленная работа педагогов по формированию у учеников не только потребительского отношения к своим знаниям, умениям и навыкам, но и собственнического отношения к своему интеллектуальному капиталу, позволит более эффективно организовать процесс воспитания из школьников субъектов своей деятельности.

Библиографический список

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Бочкарев С.А. Русские мыслители об антропологическом смысле собственности / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2008. Вып. 60.
3. Викторук Е.Н., Махонина В.П., Черняева А.С. Исторические дела философии» Владимира Соловьёва как введение в университетский курс философии // Соловьёвские исследования. Иваново:

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, 2012. № 4 (36). С. 177–185.

4. Данченко В.И. Проблемы психической культуры и межкультурные контакты. М.: Наука, 1981.
5. Кальной И.И. Философия права: учебник. СПб., 2006.
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Политиздат, 1948.
7. Маркс К. Капитал: соч.: в 4 т. М.: Политиздат, 1978.
8. Нескрябина О.Ф. Индивидуальность: на грани реального и идеального. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2001.
9. Основы экономической теории человеческого капитала / под ред. Ф.Г. Хамидуллина. Казань: Академия наук, 2007.
10. Прудон П.Ж. Что такое собственность? М.: Республика, 1998.
11. Фромм Э. Иметь или быть. СПб.: Азбука-классика, 2006.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

М.В. Посконин

Сибирский государственный технологический университет

Идентификационный подход, идентификация, математические средства идентификации, организация идентификации, теория автоматического управления, познавательная деятельность, формализация.

Исследуются проблемы понятийного аппарата процесса идентификации.

CONCEPTUAL APPARATUS OF THE IDENTIFICATION PROCESS IN MATHEMATICAL MODELING

M.V. Poskonin

Siberian State Technological University

Methodological research, identification approach, identification, mathematical means of identification, organization of identification, automatic control theory, cognitive activity, formalization.

Investigated the problems of the conceptual apparatus of the identification process.

Одна из проблем идентификации связана с ее методологическими основами. Она может быть сформулирована как проблема формирования понятия «идентификация» для различных направлений теории автоматического управления.

Слову «идентификация» в разных исследованиях по идентификации приписываются принципиально различные смысловые значения. Например, оно используется для обозначения как определенным образом организованного алгоритмического процесса, так и определенной познавательной деятельности; имеет место и как словосочетание «идентификация реального объекта», и как оборот «идентификация математической модели».

Из обзоров [6; 7] можно вывести и конкретизировать различные определения. Как, например, определение 1: идентификация – это познавательная деятельность специалиста или группы специалистов, направленная на опытное изучение определенного фрагмента объективной реальности и построение на основе этого изучения математической модели, необходимой для отыскания приемлемого приближения к решению одной из двух практических проблем управления:

- проблемы построения требуемой системы с управлением;
- проблемы сохранения требуемых показателей системы с управлением в условиях нормального функционирования.

Познавательную деятельность, свойства и отношения которой соответствуют определению 1, назовем идентификацией в интерпретации определения 1. Известно, что смысловое содержание слова может иметь одно или несколько смысловых значений (смыслов) [5].

Так, в общем языкознании это слово традиционно употребляется в значениях: «опознание», «узнавание», «отождествление», «уподобление» [1; 11].

Практически аналогичный смысл слово «идентификация» имеет в психологии [2]. Например, в учебном пособии по психологии приведено определение 2: «Идентификация есть отождествление непосредственно воспринимаемого объекта с образом, хранящимся в памяти, или отождествление двух одновременно воспринимаемых объектов». Идентификация в смысле определения 2 также является познавательной деятельностью. Однако ее организация принципиально отличается от организации идентификации в смысле определения 1, что обусловлено существенными различиями между процессом опознания субъектом идентификации объекта автоматизации и идентификацией, которая

представляет собой, по сути дела, процесс уподобления математической модели объекту автоматизации.

Очевидно, что перевод *system identification* словосочетанием «опознавание систем» слабо отражает главное практическое назначение новой области знания. Поэтому, как только в ходе научных исследований сформировалось новое смысловое значение слова «идентификация» с одноименным названием, *identification* стали переводить как идентификация.

Рассмотрев обзор [12], можно определить, что выражение «*system identification*» имеет два смысла: во-первых, оно употребляется как имя новой области знания; во-вторых, оно обозначает процесс построения приемлемой математической модели реальной системы по наблюдениям. Поэтому *system identification*, с нашей точки зрения, имеет два перевода:

- как название области знания, *system identification* следует переводить словосочетанием «идентификация систем»;

- как название процесса построения приемлемой математической модели реальной системы по наблюдениям, *system identification* следует переводить словосочетанием «идентификация системы».

Для термина «идентификация системы» условимся, вне зависимости от контекста, приписывать смысловое значение «процесс построения приемлемой математической модели реальной системы по наблюдениям».

Многозначность слова «идентификация» не только мешает правильно осознать содержание и результаты исследований, но и усложняет консолидацию научных направлений по идентификации [8].

Необходимо или превратить слово «идентификация» в термин, однозначно понимаемый всеми исследователями проблем управления, или выделить и описать все его смысловые значения с тем, чтобы точно знать, в каком смысле в воспринимаемом тексте это слово употребляется [13]. Необходимость классифицировать и согласовать выявленные смыслы связана:

- с уточнением содержания употребляемых понятий;
- расширением имеющейся концептуальной системы за счет непосредственного включения определенных понятий из смежных дисциплин;

– созданием на основе понятий, рассматриваемых как родовые, необходимых новых видовых понятий.

В частности, необходимо уточнить идентификационное содержание понятий, традиционно используемых для классификации научных дисциплин, то есть для определения их положения в рамках современных классификаций наук (иначе, в рамках дисциплинарной структуры науки) [10]. Наиболее актуально обсуждение содержания таких понятий, как объект, предмет, метод, средства, продукт науки (научной дисциплины) применительно ко всему массиву исследований научных направлений по идентификации.

Согласно определению 1, процесс познания, который описывается элементарной моделью, именуется идентификацией; предмет познания называется фрагментом объективной реальности; идентификация направлена на предмет познания.

В дальнейшем предмет познания получает специальное название «объект идентификации», средства познания именуется средствами идентификации. Подобное переименование является первым шагом к созданию системы понятий, позволяющей выделить из класса всех познавательных процессов семейство процессов поиска адекватных математических моделей объектов автоматизации, реализуемых в рамках создания реальных систем с управлением.

Согласно элементарной модели, идентификация включает: 1) познавательные психические процессы человека (субъекта идентификации) и его моторные (двигательные) действия, обеспечивающие взаимодействие субъекта и средств идентификации; 2) взаимодействие субъекта и средств идентификации; 3) взаимодействие средств и объекта идентификации; 4) функционирование средств идентификации, обеспечивающих взаимодействие средств и объекта идентификации, субъекта и средств идентификации.

Уже элементарная модель наглядно иллюстрирует интуитивно осознаваемую сложность структуры и многоаспектность реальной идентификации. Тем не менее эта модель не создает необходимой концептуальной (описательно-понятийной) основы для проведения адекватной формализации содержания знаний о структурной идентификации и автоматизации ее процессов. Для этого необходимо хотя бы предварительное, гипотети-

ческое задание ее компонентного, операционального и функционального составов.

Основные понятия, необходимые для вербального описания этих составов для нормативной творческой деятельности, приведены в работе [3]. Представляется, что эти понятия, рассматриваемые как родовые, могут быть использованы и для описания процессов структурной идентификации. Аналогичная точка зрения изложена в книге [4].

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1983.
2. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика. Минск: Харвест, 2007. 976 с.
3. Калошина И.П. Структура и механизмы творческой деятельности (нормативный подход). М.: Моск. ун.-т, 1983. С. 44–59.
4. Калошина И.П. Теорема Ферма, методология и задачи искусственного интеллекта. М.: ПП «Патент», 1997.
5. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2004. 112 с.
6. Прангишвили И.В., Лотоцкий В.А., Гинсберг К.С. Идентификация систем и задачи управления (SICPRO'2000): международная конференция // Вестник РФФИ. 2001. № 3. С. 44–57.
7. Прангишвили И.В., Лотоцкий В.А., Гинсберг К.С., Смолянинов В.В. Идентификация систем и задачи управления: на пути к современным системным методологиям // Проблемы управления. 2004. № 4. С. 2–15.
8. Райбман Н.С. Что такое идентификация? М.: Наука, 1970. 120 с.
9. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 672 с.
10. Сычова Л.С. Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984. 161 с.
11. Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990.
12. Astrom K.J., Eykhoff P. System identification – A Survey // Automatica. 1971. V. 7, № 2. P. 123–162.
13. Iarovenko S.A., Cherniaeva A.S. Science and Parascience: Review of Literature on the Problem (Late XX – Early XXI Centuries) // *Journal of SibFU, Humanities & Social Sciences*. 2014. № 7 (7). P. 1234–1248.

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

**И.С. Сизых,
С.П. Штумпф**

*Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М.Ф. Решетнёва*

Устойчивое развитие, духовная сфера жизни общества, энтропийные процессы, коэволюция.

Статья посвящена осмыслению возможностей привлечения потенциала духовной сферы жизни общества для реализации принципов устойчивого развития. Показано, что преобразования, необходимые для противостояния энтропийным процессам и преодоления экологического кризиса, должны затрагивать все сферы жизни общества. Рассмотрены возможности духовной сферы по реализации принципов устойчивого развития.

THE PROBLEM OF REALIZATION OF PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

**I.S. Sizih
S.P. Shtumpf**

*Siberian State Aerospace University named after academician
Mikhail F. Reshetnev*

Sustainable development, the spiritual sphere of society, entropic processes, of coevolution.

The article is devoted to understanding the possibilities of attracting potential spiritual spheres of society to implement the principles of sustainable development. It is shown that the transformation needed to counter the entropic processes and overcoming the ecological crisis should affect all aspects of society. Discusses the possibility of the spiritual realm by implementing the principles of sustainable development.

Впервые проблема необходимости перехода к устойчивому развитию была озвучена в 1987 году в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», известном как доклад Г.Х. Брундтланд, премьер-министра Норвегии. Она дала устойчивому развитию следующее определение: «Устойчивое развитие означает такое использование естественных ресурсов, вложений капиталов, технологический

прогресс и институциональные изменения, которые будут покрывать как будущие, так и существующие нужды» [6, с. 1].

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро по решению ООН на уровне глав государств и правительств прошла конференция «Планета Земля», посвященная выработке стратегии устойчивого развития, экологически приемлемого экономического роста. Генеральный секретарь конференции Морис Стронг высказал идею о том, что виновником глобальной экологической катастрофы, угрожающей миру, является расточительный и разрушительный образ жизни, навязываемый Западом всему миру. Общество потребления, живущее по законам рынка, стремящееся к бесконечному наращиванию прибыли за счет природных ресурсов, расходует уже то, что должно было достаться будущим поколениям. После конференции в Рио последовал целый ряд других международных совещаний и конференций под эгидой ООН (в частности, Международная конференция по финансированию развития, Конференция министров в Дохе). Намного хуже обстоят дела с воплощением даже довольно скромных проектов в реальность и практическими действиями по превращению в жизнь концепции устойчивого развития.

Между тем многие ученые предсказывают неминуемую глобальную экологическую катастрофу, говорят о том, что современные общества, действуя вопреки природным интересам, принося окружающую среду в жертву стремлению к материальному прогрессу и неограниченному потреблению, подходят к черте самоуничтожения (Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Й. Рандерс, Р. Хейлбронер) [3].

Обычно выделяют два аспекта в решении проблемы перехода к устойчивому развитию: экономический (сюда входит также экологический) и социальный. Но сосредоточение лишь на экономическом и социальном аспектах не отражает всей экзистенциальной глубины современного кризиса и, соответственно, масштабов и сущности изменений, которые необходимы для его преодоления. «Все попытки понять устойчивое развитие только как экологический императив, или как политическое требование неизбежно обречены на неудачу, – пишет В.В. Мантатов, – ибо они не проникают в духовные глубины бытия человека в мире, не затрагивают онтологии человека и онтологии цивилизации» [2, с. 4]. Если о значении экономической и политической сфер для преодоления глобальных проблем и влияния последних на них написано и сказано достаточно много, то вопрос о значимости духовной сферы в связи

с вызовами, которые бросают современному обществу глобальные проблемы, упоминается значительно реже. Также необходимо отметить, что в самом определении понятия «устойчивое развитие» принято отражать лишь экономический аспект.

Вместе с тем устойчивое развитие подразумевает способность цивилизации как аутопойетической (самовоспроизводящейся) системы разрешать как внутренние противоречия между составляющими ее элементами и их подструктурами, так и внешние противоречия с миром природы таким образом, чтобы обеспечить сохранение качеств, имманентных главному аспекту существования человечества и природы как единой системы. Разрешение внутренних противоречий предполагает, что мировое сообщество, составляющие его общества, их подсистемы не попадут под господство энтропийных процессов, сохранят внутреннюю структуру. Таким образом, мы принимаем как наиболее полное определение термина «устойчивое развитие», принадлежащее В.В. Мантатову. Оно таково: *«Мы рассматриваем устойчивое развитие как закон вселенной. Этот закон отражает фундаментальное свойство всех явлений и процессов во Вселенной, – а именно динамическое равновесие (гармонию) противоположных сил и тенденций»* [2, с. 64–65]. Данное трактование вскрывает одну из основных причин неустойчивого развития – нарушение динамического равновесия между элементами системы. В качестве средства достижения цели устойчивого развития – сосуществование человечества с миром природы – выступает повышение организованности и согласованности человеческой деятельности с законами природы, приложение творческих сил человека для достижения состояния гармонии как внутри человеческого сообщества, так и с окружающей средой. Остановить разрушительное воздействие человека на среду своего обитания можно, приняв за конструктивную модель развития коэволюцию с миром природы и следуя соответствующим нравственным императивам, и в качестве ключевого направления – обращение к его духовной сфере [5, с. 210–236]. Однако реализация такой задачи неминуемо предполагает изменения в мировоззрении людей. Духовная наполненность бытия человека и общества выступает тем основным ресурсом, который позволит противостоять процессам энтропии и сохранять внутреннюю структуру как систем, создаваемых человеком, так и среды его обитания – мира природы как системы [1].

Поскольку количественный рост потребляемых населением планеты материальных благ имеет пределы, общей для всех аспектов разрешения проблемы устойчивого развития является сдерживающая позиция в отношении роста потребляемых благ, который должен трансформироваться в сторону качественных преобразований [4]. Но много ли сделано для усовершенствования самого человека, установления более гармоничных отношений между людьми, человеком и окружающей природой? Сегодня немыслим отказ от технологических инноваций, научно-технического прогресса и связанного с ними производства. Но также невозможен возврат к природному естественному существованию. Западные, американизированные стандарты качества жизни и потребления тотально навязываются всему человечеству. Как разрешить эту дилемму? Возможно, разгадка заключается в том, что человечество способно не только потреблять материальные блага, но стремиться и к реализации духовных потребностей. К ним следует отнести личностный рост, творческую самореализацию, удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими, наполненность деятельности и всей жизни смыслом, здоровьесберегающее поведение, получение радости от взаимодействия с природой.

В отличие от материальных ресурсов, источники удовлетворения духовных потребностей даже при интенсивном потреблении их человеком не истощаются и оскудевают. Напротив, они ширятся. С возрастанием духовных потребностей одновременно происходит рост производства продуктов духовного потребления, разнообразнее становится деятельность по удовлетворению духовных потребностей, в нее вовлекается все большее количество людей. Это обеспечивает доступность духовных ценностей и возможностей духовного творчества. В области духовной сферы существует множество разнообразных благ, при производстве которых не загрязняется окружающая среда, не истощаются природные богатства. Данные блага неиссякаемы, нет необходимости делить их и сражаться за обладание ими, их хватит на всех, кто пожелает к ним приобщиться. Право обладания ими в равной степени есть у каждого человека. Следовательно, для реализации устойчивого развития необходимо развивать потребление продуктов духовной сферы.

Практически невозможно в современной ситуации регулировать использование природных ресурсов только законодатель-

но, нужны другие ценностные императивы и другое мировоззрение, чтобы общество было готово к подобным действиям. Существует взаимозависимость между культом безудержного потребительства и пренебрежением духовными ценностями и благами. Возрастающие потребности в различных материальных благах стимулируются средствами массовой информации. Стремление бесконечно наращивать потребление без учета моральной стороны последствий такой модели поведения воспринимается как норма. Следовательно, для устойчивости развития общества необходимо изменение общественного сознания. Необходимо новое видение мира, придающее целостность мировоззрению, которое, по мнению исследователей, способны обеспечить: поэзия (Ф. Шлегель), христианство (Ж. Маритен, Ф. А. Степун), а по нашему мнению, совокупность всех элементов духовной сферы. Именно духовная сфера способна стать той базой, фундаментом, основой, стимулирующей изменения в мировоззрении, усвоение общественным сознанием принципов устойчивого развития. Это, в свою очередь, подготовит почву для принятия соответствующих решений на уровне политической сферы и в сдерживании темпов материального производства и потребления. Развитие духовной сферы потребует качественного изменения существующих форм производства и потребления.

Необходимо обеспечить достойную роль духовной сферы в общественном развитии, используя для этого возможности ее компонентов: религии, науки, искусства, образования, идеологии. Причем информационно-коррелятивное взаимодействие между компонентами духовной сферы приводит к тому, что онтологические изменения в одном из компонентов вызывают соответствующие перемены во всех остальных. И только совокупное воздействие компонентов духовной сферы даст возможность формирования устойчивого бытия, построенного на принципах жизнеобеспечения.

Библиографический список

1. Арутюнян М.П. Феномен мировоззрения: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. 322 с.
2. Мантатов В.В. Теория устойчивого развития: онтология и методология: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. 148 с.
3. Медоуз Д., Рандерс Й. Пределы роста. 30 лет спустя: пер. с англ. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

4. Минеев В.В. Будущее не проходит стороной: реформа образования в контексте глобальных процессов // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 26–36.
5. Штумпф С.П. Духовность. Аксиологическая направленность и социокультурная природа феномена / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Изд. 2-е, доп. и перераб. Красноярск, 2013. 256 с.
6. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // UN Documents Gathering a body of global agreements [online]. The document 13 may 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm> (дата обращения: 15.04.15).

МАТЕМАТИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ. ЭТИЧЕСКОЕ, ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

С.С. Юферев

Красноярский государственный аграрный университет

Формирование, социализация, математизация, информатизация, процесс обучения, практическое значение.

В статье рассматривается как математизация и информатизация воздействуют практически на все сферы жизни общества, имеют огромное социальное значение. Проблема математизации и информатизации представлена как этическое, эстетическое и практическое значение. В прошлом, занимая философскую и научную мысль, удивляя своей «непостижимой» эффективностью и нередко ставя в тупик достаточно крупные умы, она осознавалась как проблема только, вероятно, научным сообществом, но никак не обществом в целом.

MATHEMATIZATION AND INFORMATIZATION IN THE COURSE OF TRAINING ETHICAL, AESTHETIC AND PRACTICAL VALUE

S.S. Juferev

Krasnoyarsk State Agrarian University

Formation, socialization, mathematization, computerization, education.

The article is devoted to the influence of mathematization and computerization on practically each sphere of life. The problem of mathematization and computerization is represented as ethical, aesthetic and practical value, actual to the society as a whole.

В отечественном образовании советского периода обучению информатике и математике отводили важную роль, поскольку, во-первых, эти области были необходимы для демонстрации социальных достижений страны, во-вторых, имели ярко выраженный экономический смысл. Учащихся школ приобщали к математике посредством кружков по математике и информатике, через специализированные классы, математические школы, а также сеть олимпиад. Однако несколько десятилетий спустя математик из Санкт-Петербурга Григорий Перельман доказал теорему Пуанкаре, после чего отверг настойчивые попытки мирового профессионального сообщества математиков вручить ему престижную денежную премию. Из этого можно заключить, что притягательность «чисто науки» может быть намного сильнее привлекательности денежного поощрения. В этом случае было бы интересно разобраться, чем обусловлена и в чём же конкретно заключается эта притягательность? Несмотря на внешнее сохранение основных атрибутов образования, в настоящее время возникает ощущение того, что точные науки теряют, былой авторитет и уступают место гуманитарным. Всё больше выпускников школ выбирают для себя гуманитарную или экономическую специальность. В школьных учебных планах сокращают число часов на изучение информатики, математики, как и других естественных наук (химии, физики, биологии), что в результате ослабляет образовательную базу для последующего обучения в вузе. С другой стороны, обучение дисциплине на более высоком вузовском уровне будет более мотивированным и эффективным, если понимать её ценность и практическую значимость для широкопрофильной и общенаучной подготовки, соответствующей квалификации бакалавра.

Информатизация и математизация процесса обучения формируют такие общекультурные компетенции, как умение думать, т. е. строить умозаключения, делать выводы, развивать абстрактное мышление. Все эти умения будут востребованными в любом деле. Как известно, разум – это способность познавать и улавливать истину [9]. Думающего человека нелегко обмануть, он предвидит последствия чужих и своих действий и готов нести ответственность за их результат. Таким образом, несмотря на то, что этические принципы не имеют для нас императивности математических и информационных истин, следует признать, что разум и нравственные чувства взаимосвязаны.

Развитая логика помогает сделать жизнь интереснее, хотя и не всегда легче. Однако вследствие умения подходить к делу обдуманно, взвешенно (т. е. расчётливо в математическом смысле) у человека формируется высокая конкурентоспособность. Данное качество является основой профессионального успеха, который можно понимать как способность преодолевать многочисленные трудности на маршруте личностного развития. К числу таких многочисленных трудностей, например, можно отнести два контрастных типа убеждений (этических сознаний) – демократическое и авторитарное.

Человек авторитарно морали констатирует, что моральные принципы доминируют над логикой и анализом. Тогда разуму остается только заучить моральные нормы, как таблицу умножения, и успешная адаптация к социуму гарантирована. Поскольку совесть такого человека всегда в порядке, на первый взгляд авторитарное сознание имеет неоспоримое преимущество. Но разум редко ограничивается механической задачей соотнесения реалий с формальными заповедями. Данная позиция не является гибкой, она по определению не учитывает сложностей и динамизма жизни, в которой возникающие этические дилеммы могут вызвать психологические срывы и травмы. С другой стороны, неизбежные поражения авторитарного сознания, уступки и компромиссы не могут не породить лицемерия, попыток самооправдания.

Напротив, демократическое нравственное сознание способно к изменениям и к рациональному сочетанию норм, ситуации, процедур принятия решений. Этическая норма родилась из опыта людей, опыт жизни продолжается, и он всегда может принести то, что не укладывается в сложившиеся моральные правила [3]. При принятии практического решения включаются рациональные, в какой-то мере математические, механизмы мышления, интегрирующие все входящие в ситуацию факторы: и сам человек, и обстоятельства, и смысл норм, с помощью которых мы оцениваем происходящее и ищем выход, и вытекающие из принятого решения последствия. Подготовиться к встрече с такими этическими коллизиями в жизни помогают информатизация и математизация, поскольку вводят в мир статических и динамических моделей и ситуаций. Моделью называют объект, который используется в качестве «заместителя» другого объекта с определенной целью и отражает существенные особенности изучаемого объекта,

процесса или явления [2]. При этом приходится сначала калибровать и переводить природные (жизненные) прототипы на математический и информационный язык, экспериментировать с полученными формальными схемами, а потом снова преобразовывать полученный результат из символической формы в вербальную. При этом модели бывают сложными и простыми, «жесткими» и «мягкими», «громоздкими» и «стройными» (красивыми), так же как и ситуации в жизни. Таким образом, математизация предполагает формализацию и схематизацию объекта изучения, однако это не означает неизбежно потери эстетических качеств. Напротив, выявление, например, фрактальной (самоподобной) структуры объектов делает зримо их удивительную красоту и гармонию, а выражение «золотое сечение» стало крылатым и давно вышло за пределы областей геометрии и архитектуры, в которых впервые было оформлено великим Леонардо да Винчи.

В книге «Апология математики» В.А. Успенский размышляет, что заставляет людей отдавать математике жизнь, не спать ночами и испытывать наслаждение от красивого решения задачи, даже если кто-то другой решил ее иным способом сто лет назад [8]. Автор объясняет, что математика, вне зависимости от практического использования, принадлежит духовной культуре. Чистые абстракции (числа, фигуры, множества и логические операции с ними), конечно, существуют только в сознании тех, кто ими занимается, тем не менее находя применение как в естественных, так и в гуманитарных науках.

При этом вопрос «Почему математика непонятна столь многим?», сформулированный ещё великим Анри Пуанкаре, с развитием математизации потерял свою риторичность и продолжает волновать людей. Математика проросла в другие отрасли науки настолько, что теперь говорят: «экономика – это раздел математики» или «математику следует рассматривать как часть физики». Более того, по Успенскому, математику стали считать частью психологии, поскольку изучаемые в ней абстракции есть явления нашего мышления, а сама дисциплина представляет удобный полигон для оттачивания искусства объяснения.

С помощью математики С. Ландсбург формулирует экономический принцип, а из него выводит этические правила. Из экономической посылки «не следует тратить непродуктивно продуктивное время» он делает множество выводов морального плана.

Что красть нехорошо, потому что, воруя, вы затрачиваете полезные ресурсы (время на планирование и исполнение преступления), но при этом ничего не производите. Что бездельничать допустимо, если это доставляет вам удовольствие: ведь удовольствие – тоже благо. По той же причине стать цирковым клоуном – вполне достойная цель. А рваться в олимпийские чемпионы плохо (если не вы, то кто-то другой занимает место, которое, как известно, всего одно).

Американский профессор экономики Стивен Ландсбург, пришедший в мир математики, подобно Ломоносову, в 20 лет, будучи по образованию гуманитарием, в книге «The Big Questions» писал: «...мир не просто хорошо описывается математическими формулами, мир и есть математика». Поэтому математическое моделирование охватывает всю природу, «...от эволюции галактик до структуры человеческого мозга, не исключая систем, ограничивающих вознаграждение игроков Национальной футбольной лиги» [11]. С помощью математических моделей удалось расшифровать многие загадки функционирования живой клетки, по сложности не уступающей целому государству; Нобелевскую премию по физиологии и медицине 2013 года вручили Джеймсу Ротману, Рэнди Шекману и Томасу Зюдхофу за исследование «клеточной логистики», т. е. удивительно гармоничного взаимодействия множества микроструктур, работающих в математически точном соответствии потребностей, возможностей и их реализаций [5]; созданы имитации жизненного цикла и старения организма; изучены критерии оптимальности отдельного организма (на примере мушки-дрозофилы); рассчитаны пределы жизни организма животных и человека с учетом экстремальных состояний и т. д. [5]. Некоторые математические теоремы, используемые в информатизации, имеют явные прототипы из числа жизненных ситуаций.

Например, теорема о существовании предела функции, которая «зажата» между двумя другими функциями, стремящимися к одной точке, т. е. имеющими одинаковый предел. Аналогия заключается в том, что если двое полицейских ведут за руки преступника и заходят в тюрьму, то преступник тоже окажется в тюрьме [7].

Математические функции и профессиональные функции менеджера высшего звена также имеют немало аналогий. Как пишет

Ландсбург, «...в задачи руководителя входит максимизация доходов, и, как правило, цель достигается, если производится что-то нужное людям. К сожалению, некоторые руководители идут другим путем: лоббируют дотации, фиксированные тарифы и квоты на импорт. Все это деструктивно с точки зрения экономики. Если вы так поступаете, надеюсь, что вам хотя бы стыдно. И не оправдывайтесь тем, что вы просто выполняете порученную работу. Оставьте этот аргумент профессиональным киллерам» [4, с. 18].

Возможно, экстраполяция математико-экономических моделей в область этики небесспорна, но этот приём демонстрирует (или моделирует) правила рассуждений. При доказательстве своей точки зрения оппоненты в лучшем случае забрасывают друг друга разными аргументами, не обращая внимания на то, что каждый довод можно опровергнуть примером; в худшем – просто ссылаются на авторитеты. По тому, как человек говорит, и в особенности как объясняет, нетрудно определить, прошел он математическую закалку или нет.

Конечно, математики тоже могут заблуждаться. Хрестоматийными примерами являются ошибки Р. Декарта, И. Ньютона, Дж. Томсона и др. Драматические и смешные ошибки случались и в истории науки, и в корпоративной сфере. Не избежал их и Джеймс Саймонс, профессор геометрии, лауреат математической премии, глава успешного хедж-фонда США Renaissance Technologies, где разработаны лучшие модели рисков и волатильности. Местный университет, попечителем которого стал Джеймс Саймонс, вложил деньги в пирамиду Бернарда Мэдоффа – и проиграл. Потеря была сравнительно небольшой, всего 5 млн. долларов, но репутация Саймонса серьезно пострадала [10]. Тем не менее математики нужны не только, чтобы помогать считать и зарабатывать деньги. Их призвание – выдвигать гипотезы, доказывать или опровергать их и уметь отличать недоказанное от недоказуемого.

Таким образом, информатизация и математизация – неизбежные процессы в современном образовании, необходимые для трансформации и переработки огромных пластов информации, фактов, документов, научных открытий и гипотез. Эти процессы имеют не только неоценимое практическое (технологическое) значение, будучи связанными с операционными системами, базами данных и средствами передачи цифрового материала. Они имеют огромное этическое и эстетическое влияние на челове-

ское мышление, которое всегда включает оценочный компонент и, в отличие от машинного разума, всегда должно соизмерять рациональные и моральные аргументы, критерии, результаты. Информатизация и математизация образования необходимы не только для получения навыков работы с информацией, но и для повышения общей культуры профессионала, поскольку мотивируют к углублению доказательности своих суждений при ведении дискуссии, избеганию догматичности и социальной ригидности (негибкости), умению видеть предмет обсуждения в различных ракурсах и динамике сообразно ситуации.

Библиографический список

1. Бекузарова Н.В., Миронов А.Г. Особенности педагогической поддержки профессионального самоопределения старшеклассников в новой парадигме образования // Инновации в непрерывном образовании. 2013. Т. 6–7. С. 88–94.
2. Колин К.К. Философия информации и фундаментальные проблемы информатики // Информационные ресурсы России. 2010. № 1. С. 32–36.
3. Курт П. Запретный плод. М.: РГО, 2002. С. 39–42.
4. Ландсбург С. Экономист на диване: экономическая наука и повседневная жизнь: Arm-chair Economist: Economics and Everyday Life / пер. Л. Гончаровой. New York: Free Press, 1995.
5. Новосельев В.Н. Математическое моделирование организма – проблемы и тенденции // Наука в России. 2003. №1. С. 52–58.
6. Популярная механика: Премия за везикулы 2013. Материалы портала. URL: <http://www.popmech.ru/article/13944-premiya-za-vezikulyi/> (дата обращения: 17.02.2015).
7. Свободная математика: материалы портала. URL: http://free-math.ru/publ/matematika_v_zhizni/interesnye_matematicheskie_fakty/15-1-0-506 (дата обращения: 17.02.2015).
8. Успенский В.А. Апология математики. СПб.: Новая Эврика, 2010. С. 41.
9. Швырев В.С. Разум // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000.
10. Чернозатонская Е. Зачем нужны математики? URL: <http://www.ipnou.ru/arti=009729> (дата обращения: 17.02.2015).
11. Steven E. Landsburg. The Big Questions: Tackling the Problems of Philosophy with Ideas from Mathematics, Economics, and Physics. New York, Free Press 2009. S. 8–10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИШИН Денис Владимирович, ассистент кафедры химии и технологий органических соединений азота и экологической безопасности производства Сибирского государственного технологического университета; e-mail: chemistande@gmail.com

АРДЮКОВА Ольга Сергеевна, аспирант кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: helga_1990@list.ru

БЕЛОВА Наталья Алексеевна, студентка второго курса Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск); e-mail: natalya.belova2013@yandex.ru

БЕЛЫХ Игорь Николаевич, доцент Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: dania2501@mail.ru

БРЮХАНОВ Никита, студент первого курса исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: stumpf@ksru.ru

ВЕРГАЛЕЦ Наталья Викторовна, ассистент кафедры философии юридического института Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: natalia10-63@mail.ru

ВИКТОРУК Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: eviktoruk@yandex.ru

ГЕРАСИМОВА Алисия Евгеньевна, студентка первого курса Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск); e-mail: alisia.energia@yandex.ru

ГОХ Анатолий, магистрант института социально-гуманитарных технологий Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: an_goh@mail.ru

ЖАГОРИНА Екатерина, студентка второго курса Сибирского государственного технологического университета (Красноярск); e-mail: tartaleon@mail.ru

ЗАГЛОДИНА Татьяна Алексеевна, ассистент кафедры социологии и социальной работы Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург); e-mail: Tz1708@ya.ru

ЗАЗУЛИНА Виктория Владимировна, студентка третьего курса института социально-гуманитарных технологий Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: stumpf@mail.kspu.ru

КИТАРИОГЛО Александр Георгиевич, аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: mtsa@mail.ru

КЛЕЩИНА Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского; e-mail: knata-82@mail.ru

КОСТЫЛЕВ Сергей Валерьевич, старший преподаватель кафедры рекламы и социально-культурной деятельности гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: profkost@mail.ru

КУБАСОВА Яна Васильевна, ассистент кафедры философии юридического института Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: gto11@mail.ru

КУЗИНА Дарья Владимировна, аспирант кафедры психологии и педагогики Сибирского государственного технологического университета (Красноярск); e-mail: dar603@yandex.ru

ЛОБАНОВА Нина Исаковна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nanakrasnoyarsk@yandex.ru

ЛОСКУТНИКОВА Лилия, студентка четвертого курса кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: liluandre@gmail.com

МАЛЫЦЕВА Елена Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск);
e-mail: eamaltseva@yandex.ru

МАМЕДОВА Жанна, докторант кафедры философии протестантско-теологического факультета Карлова университета в Праге;
e-mail: jannagegel@yandex.com

МАРТИШИНА Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск);
e-mail: nmartishina@yandex.ru

МИНЕЕВ Валерий Валерьевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, социологии и религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: vvmineyev@mail.ru

МЯСОУТОВ Олег Валерьевич, старший преподаватель кафедры политологии и права Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: polius@mail.ru

ОВЕЧКИНА Галина Альбертовна, студентка Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск);
e-mail: eamaltseva@yandex.ru

ПОСКОНИН Михаил Васильевич, аспирант Сибирского государственного технологического университета (Красноярск);
e-mail: poskonin.m.v@gmail.com

РОМАНОВИЧ Екатерина Владимировна, студентка второго курса Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск);
e-mail: nataly.belova2013@yandex.ru

РУСАКОВ Алексей Геннадьевич, старший преподаватель Красноярского государственного аграрного университета;
e-mail: rusalger@mail.ru

САЗИКОВ Дмитрий, студент первого курса института психолого-педагогического образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: stumpf@mail.kspu.ru

СЕРЮПОВА Дарья Романовна, студентка первого курса исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: stumpf@mail.kspu.ru

СИЗЫХ Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решётнева (Красноярск); e-mail: stumpf@mail.kspu.ru

ХУСАИНОВА Ирина Аркадьевна, студентка первого курса исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: stumpf@mail.kspu.ru

ЧЕРНЯЕВА Александра Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии Сибирского государственного технологического университета (Красноярск); e-mail: as30mai@mail.ru

ЧУДИНОВ Олег Олегович, доцент кафедры управления персоналом Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: slievo29@rambler.ru

ШТУМПФ Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: stumpf@mail.ru

ЮФЕРЕВ Сергей Сергеевич, аспирант Красноярского государственного аграрного университета;
e-mail: sergey2014-2014@rambler.ru

ЯКИМЧУК Валерия, студентка второго курса Сибирского государственного технологического университета (Красноярск);
e-mail: tartaleon@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ Н.И. Лобанова.....	3
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И МЕРТВЫЙ СОКРАТ Ж. Мамедова.....	8
ФИЛОСОФИЯ СТРАХА Н. Белова, Е. Романович, Н.И. Мартишина.....	17
АБСОЛЮТНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ МОРАЛЬНЫХ НОРМ А. Е. Герасимова, Н.И. Мартишина.....	22
ДВЕ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «КОЛЛЕКЦИОНЕР» Е. Жагорина, В. Якимчук, А.С. Черняева.....	27
АКТУАЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И. ИЛЬИНА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ Я.В. Кубасова.....	32
ТРИ МОМЕНТА ИСТИНЫ Д.М. Сазиков, С.П. Штумпф.....	38

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФЕНОМЕНА «ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРА» И.Н. Белых.....	42
ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВ В XXI ВЕКЕ Н.А. Брюханов, С.П. Штумпф.....	47
СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ И АКТУАЛЬНОСТЬ Н.В. Вергалец.....	51
ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ Т.А. Заглодина.....	57
ХИПТУЕМ В БУДУЩЕЕ В.В. Зазулина, С.П. Штумпф.....	63
ИЕРАРХИЯ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЛАСТИ А.Г. Китариогло, В.В. Минеев.....	67
ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ Н.Н. Клещина.....	71
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ Л.А. Лоскутникова, С.В. Костылев.....	76
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ О.В. Мясоутов.....	83
МОДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН Г.А. Овечкина, Е.А. Мальцева.....	87

ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ФИЛОСОФОВ НА ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ А.Г. Русаков	91
К ОБСУЖДЕНИЮ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПОВТОРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗАБРОШЕННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ: НЕОБХОДИМОЕ РЕШЕНИЕ ИЛИ АНТИГУМАННАЯ ПРАКТИКА? Д.Р. Серюпова, И.А. Хусаинова, С.П. Штумпф.....	98
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА: ПИАР ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ? О.О. Чудинов	103
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ	
КВАНТОВАЯ ХИМИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ ЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ? Д.В. Антишин	109
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ О.С. Ардюкова, Е.Н. Викторук	114
АУТИЗМ: ОТ НОМОСА К ЛОГОСУ. ДОКСАЛОГИЯ А.Ф. Гох.....	122
ЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СИСТЕМА МОРАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ С.В. Костылев	129
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ «СОБСТВЕННОСТЬ» КАК ОСНОВА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАНИИ Д.В. Кузина	134
ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ М.В. Посконин	140
К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И.С. Сизых, С.П. Штумпф	145
МАТЕМАТИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ. ЭТИЧЕСКОЕ, ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ С.С. Юферев	150
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	157

Редактор *М.А. Исакова*; корректор *А.П. Малахова*; верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ, т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 15.12.15. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,0. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 12-РИО-006

Отпечатано в типографии «Литера-принт», т. 295-03-40